

ISSN 0131-6656

СМОЛДА 21

21

30

Межнациональные браки. Размышления ученого

Цена микролитражки. Полемика

Судьба старой усадьбы. Фотоочерк

АЭС на курорте? Борьба мнений

Борис Слуцкий: «...сквозь века чащобы»

Буало-Нарсажак. «В заколдованным лесу»

**Виктор ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ,
кандидат экономических
наук**

В Советском Союзе живет более ста народов, от многомиллионных до насчитывающих по несколько сот человек. По данным последней Всесоюзной переписи населения 1979 года, хотя они и несколько устарели, в стране 137,4 миллиона русских, 42,3 миллиона украинцев, 12,5 миллиона узбеков. Двадцать две национальности имели более чем по миллиону человек.

Национальный состав населения постоянно меняется. За 20 лет между переписями 1959 и 1979 годов население страны увеличилось на 25 процентов: русских — на 20, украинцев — на 14, таджиков — на 108 процентов, удвоилась численность узбеков и туркмен, почти удвоилась — киргизов, азербайджанцев и казахов, латышей и эстонцев возросла всего на 3 процента, а евреев, мордвы и поляков стало заметно меньше.

В больших республиках живут люди практически всех национальностей страны. Смешанные браки — естественный результат этого.

Сколько же у нас национально-смешанных семей? На каждую тысячу семей в 1959 году приходилось 102 национально-смешанных, в 1970-м — 135, в 1979-м — 149.

Больше всего их в Латвии — в 1979 году на каждую тысячу семей здесь приходилось 242 смешанных. Меньше всего в Армении — 40. Второе место занимает Украина (219), третье — Казахстан (215), далее идут Молдавия и Белоруссия (210 и 201). Сравнительно мало таких семей в Азербайджане и Грузии (76 и 104).

Почему различия между республиками так велики? Причин много. Главная — национальный состав населения. Там, где население однородно, много смешанных браков не может быть именно поэтому. В Армении 90 процентов населения — армяне. В Латвии 54 процента латышей. Важна и доля горожан, ибо в городах доля смешанных браков значительно выше, чем в селе. В России, Латвии, Эстонии доля горожан очень высока, а в Средней Азии — низка. Очень важна и степень близости национальных культур. Так, близки между собою культуры славянских народов, а также народов тюркских. Но вот между культурами славян и тюрк различий очень много. При прочих равных условиях брак между украинцем и русской и, например, казахом и киргизкой намного более вероятен, чем брак украинца с киргизкой. Имеет значение также распределение людей разных национальностей между отраслями и сферами народного хозяйства (работа в одних трудовых коллективах повышает вероятность брака), расселение в городах (проживание на одних улицах и в одних домах благоприятнее для заключения смешанных браков, чем проживание в «национальных» микrorайонах).

Очень велико значение полового и возрастного состава населения в данном месте и по стране в целом, важна доля переселенцев среди холостой молодежи (одинокие молодые люди, оторвавшиеся от родительской семьи, гораздо чаще вступают в смешанные браки, чем «домашние»), чрезвычайно важны национальные обычаи в брачной сфере (горожане европейской части страны вопросы брака решают сами, а в среднеазиатском селе жену сыну и мужа дочери до сих пор выбирают в основном родители), играет роль и относительный престиж народа у других народов.

Большие города, как правило, имеют очень смешанное в национальном отношении население, а их жители положи-

В семье москвичей Зухры Фархадовны и Сергея Анатольевича Цукановых — восемь детей.

**Семья одна,
национальности — разные.
Плюсы и минусы смешанных браков
с точки зрения социолога.**

В граfe

«НАШИОНА

тельно относятся к смешанным бракам. Поэтому и доля этих браков в городе в два с лишним раза больше, чем на селе. Заметное исключение составляет лишь Казахстан, где по переписи 1979 года смешанных семей в городах было 24 процента, а в селе — 17. Дело в том, что сельское население Казахстана стало очень смешанным в годы освоения целинных земель.

Быстрый рост доли горожан благоприятствует заключению смешанных браков. В миллионной Алма-Ате, в частности, их доля постоянно растет, причем в эти браки все чаще вступают женщины-казашки, что раньше было явлением редким, если не считать браков с близкородственными народами.

В смешанные браки сейчас значительно чаще других вступают рабочие. Так, скажем, у грузин-женников из Тби-

лиси в однонациональных браках рабочих было 26 процентов, а в межнациональных — 36; у эстонцев Таллинна рабочие составили 40 процентов женихов в однонациональных и 51 процент в смешанных. У специалистов с высшим образованием и студентов в этих городах доля смешанных браков заметно ниже.

Как совместить большое число смешанных браков в Прибалтике с якобы сильными националистическими чувствами этих народов? Для Эстонии характерен большой наплыв мигрантов из других республик. Это вызывает некоторые трудности и сказывается на национальных чувствах коренных жителей. Интенсивная стихийная миграция за последнюю четверть века сократила в Таллине сферу применения эстонского языка. Естественно, что коренные

жители, владеющие только эстонским языком, недовольны. Порой им трудно объясняться с врачом, продавцом, с представителями других профессий, среди которых много русскоязычных мигрантов. Понятно, не радует старожилов и то, что жилищные условия мигрантов, как правило, лучше, чем у коренных таллинцев. И тем не менее большинство горожан-эстонцев охотно входит в контакт с людьми иных национальностей. Самая большая из трех опрошенных групп (42 процента) проявляет готовность к частым контактам. Эти люди имеют высокое национальное самосознание, они интересуются культурой других народов страны. И только примерно у четверти опрошенных (23 процента) — обостренное чувство национального самосознания и интерес к культуре других наций ниже, они об-

щаются в основном с эстонцами.

А вот у русскоязычного населения (сюда, кроме русских, относятся и украинцы, и белорусы, и многие другие) самая большая по численности группа (37 процентов) состоит из людей, которые почти не владеют эстонским языком, плохо знают национальные особенности эстонцев, не проявляют интереса к их культуре и истории. Многие из этой группы, кстати, одновременно не интересуются историей, культурой и своего, и других народов страны.

Понятно, что в межнациональные браки вступают люди, позитивно относящиеся к другим народам и культурам, и прежде всего к тем, с представителями которых они вступают в брак.

Если в других республиках будут проведены подобные исследования, то они, думаю, покажут много общего. Широко развитое сейчас в стране двуязычие односторонне. Громадное число людей всех национальностей знает русский язык, однако лишь небольшая часть русских, в том числе проживающих в инонациональных республиках, знает язык коренных жителей. На это важное обстоятельство было обращено особое внимание на Пленуме ЦК КП Казахстана, который состоялся в Алма-Ате в июне 1988 года: "...обеспечить необходимые условия для глубокого изучения казахского и русского языков... Улучшить языковую культуру в деятельности органов управления... Соблюдать принципы национально-русского двуязычия при проведении общественных мероприятий, в делопроизводстве, наглядной агитации, в телевидении и радиопередачах, рекламе, информации".

Итак, межнациональных браков много, их доля растет. А какое значение это имеет для страны?

Результаты и последствия таких браков многообразны и значительны. Это фактор дальнейшего сближения народов; смешанные семьи влияют на темпы роста разных народов, увеличивают территориальную мобильность населения и т. д.

Между каждыми двумя крупными народами, чьи представители вступают в смешанные браки, образуется промежуточный слой людей, для которых оба эти народа — родные, близкие, свои. Эти «промежуточные люди» в собственной культуре соединяют, интегрируют элементы двух национальных культур. По-видимому, потомки сме-

захстане в русско-казахской среде. По существующим правилам, в паспорте он мог быть записан или татарином, или белорусом (по его выбору), хотя ни по самосознанию, ни по культуре ни к одному из этих народов не принадлежал. К сожалению, дискуссия очень скоро была прекращена. А жаль: она могла бы сыграть большую просветительскую роль в этом вопросе.

С научной точки зрения, национальная принадлежность человека — вопрос не «крови», а «культуры», не биологического наследования, а воспитания, личного самосознания.

Два главных признака национальной принадлежности человека — его самосознание и родной язык. При этом самосознание, как правило, значительно устойчивее языка. В СССР сейчас живут миллионы людей, у которых родной язык не соответствует национальному самосознанию (украинец, армянин, казах, например, с русским родным языком; башкир с татарским родным языком). Иногда говорят, что эти люди сменили родной язык. Такие случаи бывают. Однако большинство их — дети от смешанных браков, у которых родной язык изначально не соответствовал национальному самосознанию. Это промежуточные между национальностями люди, часто с ослабленным национальным самосознанием, иногда затрудняющиеся в определении своей национальной принадлежности.

При демографических переписях национальность человека записывается по самосознанию опрашиваемых взрослых, а национальность детей — по указанию родителей. Если же родители затрудняются в определении национальности детей, то — по национальности матери. Ведь именно мать воспитывает ребенка, учит его языку, поет ему песни и рассказывает сказки; прежде всего через мать ребенок приобщается к национальной культуре.

Иное дело при получении паспорта. Шестнадцатилетний человек обязан взять национальность родителей (при однонациональном браке) либо любого из родителей (при смешанном). С научной точки зрения, такой порядок неверен, порочен. С практической — искажает представление о происходящих в стране этно-социальных процессах и приносит неприятности самим людям.

Вот, скажем, чуваш где-нибудь в Сибири женился на мордовке, а живут они в чисто русском окружении. Их дети не

вступают в браки практически всех национальностей, однако больше смешанных семей, естественно, создают представители крупнейших народов Казахстана (казахи, русские, украинцы, немцы, татары и т. д.).

Общий результат смешанных браков в Казахстане был таким: численность русских и казахов заметно увеличивалась, других народов — существенно уменьшалась. Большинство народов Казахстана как бы вливались в эти два крупнейших народа республики. Потомки людей тюркского происхождения (узбеков, киргизов, татар, башкир и т. д.) вливались в основном в казахов, потомки славян и других национальностей «европейского» происхождения — преимущественно в русских.

Было отмечено много смешанных браков мужчин-казахов с женщинами других национальностей. В таких браках казахское этническое влияние преобладает очень сильно. Дети таких семей распределяются по национальности и родному языку так: казахи с казахским родным языком — 69 процентов, казахи с русским родным языком — 13 процентов (то есть всего казахов среди детей таких семей — 82 процента), русские с русским родным языком — 11 процентов (все без исключения случаи — от браков с русскими женщинами); другие национальности, совпадающие с национальностью матери и с родным языком этих национальностей, — 6 процентов; прочие — 1 процент.

При смешанных браках русских с представителями других национальностей в Казахстане еще сильнее, чем у казахов казахское, преобладало русское влияние. У русских отцов 89 процентов детей считали себя русскими с русским родным языком, у русских матерей — 71 процент. Кроме того, еще 19 процентов детей русских женщин от смешанных браков имели национальность отцов, но родным языком считали русский (за детей отвечали родители).

В случаях браков между казахами-мужчинами и русскими женщинами (таких было много) несколько преобладало казахское влияние: среди детей половина составляли казахи с казахским родным языком, а русские с русским родным языком — менее одной трети. Вот что, однако, любопытно. Было немало случаев, когда в относительно многодетных казахско-русских семьях малые дети считались казахами с ка-

какими из них более гармоничны и прочны? В каких люди себя лучше чувствуют, кто счастливее в браке? В каких семьях больше детей? Где они лучше воспитаны?

Многие вопросы еще не изучены, хотя важность ответов на них несомненна. Личная жизнь имеет громадное общественное значение. В наше время, когда личная жизнь сильно расстроилась, когда семья стала конфликтной, не прочной и малодетной, знать факторы и возможности стабилизации брака важно и обществу в целом, и отдельным людям.

Вступая в брак, человек надеется найти в нем счастье. Специальные этно-социологические обследования показывают, что удовлетворенность супругов внутрисемейными отношениями в смешанных браках примерно такая же, как и в однонациональных. В некоторых городах она несколько выше, чем в однонациональных, например в Тбилиси, в других — несколько ниже, как в Таллине, а в третьих (Кишинев) — ниже, чем в семьях коренной национальности, но выше, чем у русских. Доля удовлетворенных семейными отношениями колеблется в пределах от 60 до 80 процентов. А вот «очень хорошие отношения» в смешанных семьях чаще, чем в однонациональных. Так обстоят дела, во всяком случае, в Кишиневе. В однонациональных молдавских семьях очень хорошими считали отношения в семье 28 процентов мужчин, а в смешанных — 41 процент, в русских семьях соответственно 19 и 24 процента; русские женщины считали отношения очень хорошими только в 15 процентах однонациональных, но — в 29 процентах смешанных семей.

А какие семьи более прочны? Такой вопрос я всегда задаю работникам загсов в тех местах, где много смешанных браков. В большинстве случаев отвечают, что особых различий не замечают. Некоторые считают, что межнациональные браки более прочны, поскольку в них вступают более обдуманно, уже перед браком приготовившиеся к определенным трудностям, связанным с обычаями разных народов. Другие считают, что межнациональные браки распадаются чаще. Третьи — что все дело в том, люди каких национальностей соединяются. В Нерюнгри, молодом и быстрорастущем городе на юге Якутии, где много молодежи и, как следствие, браков и разводов, заведующая городским загсом, сказала: если русские вступают в брак с украинцами, белорусами, татарами, то заметных отличий от русских браков нет. А вот когда русские женщины выходят за кавказцев, то хорошего обычно мало. Трудно выносить неравенство в семье и ревность. Такие браки распадаются намного чаще.

По научным данным, прочность смешанных браков в среднем несколько ниже однонациональных, однако незначительно.

Детей в межнациональных семьях обычно бывает столько, сколько в однонациональных семьях тех народов, представители которых вступают в смешанный брак. Так, в семьях таджиков, женившихся на русских, детей будет больше, чем в русских семьях, но меньше, чем в таджикских.

В целом рост числа и доли национально-смешанных браков, несомненно, очень прогрессивное явление. Это — свидетельство разрушения былой национальной замкнутости народов, патриархального быта. Свидетельство многостороннего сближения народов и мощный фактор для дальнейшего сближения. Растет роль личных качеств человека, а значение национальной принадлежности падает. Человек становится свободнее, самостоятельнее, его личная жизнь — индивидуальнее. Расцвет межнациональной семьи — впереди.

НЬНОСТЬ

шанных семей более чем «национально чистых» склонны к новациям, более мобильны в социальном, профессиональном, территориальном отношении.

В результате смешанных браков одни народы растут быстрее, чем росли бы без них, другие — медленнее, третьи — даже уменьшаются. Дело в том, что дети от смешанных браков распределяются по национальностям иначе, чем их родители.

Преобладает мнение, что национальность — это вопрос «крови», биологического наследования. При этом одни считают, что дети имеют национальность отца, другие — матери.

Полтора десятилетия назад в «Литературной газете» была начата по этому вопросу дискуссия. В одной из заметок шла речь о мальчике, родившемся у татарина и белоруски и выросшем в Ка-

захском родном языком, дети постарше — казахами с русским родным языком, а дети взрослые, отвечающие самостоятельно, — русскими с русским родным языком. Дети имеют свои представления о своей национальности и родном языке, которые не всегда совпадают с представлениями родителей.

Переход значительной части потомков лиц разных национальностей в состав основных народов союзных республик происходит повсеместно, где много смешанных браков. Это — одна из причин повышения национальной однородности населения многих союзных республик, произшедшего за время между переписями 1970 и 1979 годов.

А как сказываются смешанные браки на личных судьбах людей, прежде всего супружеских? Чем отличаются национальные семьи от межнациональных?

Знают ни чувашского, ни мордовского языков, не имеют сколько-нибудь четкого представления о культурах того и другого народа. Себя считают русскими (вполне обоснованно), но по паспорту могут быть только чувашами или мордвинами.

Запись в паспорте давит на сознание. Уверен, что фактические последствия массовых смешанных браков значительно больше, чем об этом можно судить по публикуемым данным переписей. Эта уверенность основана на моей работе по изучению смешанных браков, проведенной некогда в Казахстане.

Из опросных листов переписи были выписаны данные о национальности и родном языке родителей и детей полносоставных семей (двухпроцентная выборка по всему Казахстану, около 35 тысяч семей). Оказалось, что в смешан-

Валерий МИТРОХИН,
член Союза писателей СССР

Крым:

ЗОНА ОСОБОЙ РИСКА?

Отклики на письмо кандидата технических наук Игоря Астахова («Смена» № 13), в котором шла речь о целесообразности строительства Крымской АЭС, идут в редакцию и по сей день. Многие читатели обращаются с просьбой рассказать подробнее о сооружении Крымской АЭС, о проблемах, которые порождает атомная...

В мае этого года в Ялте проходило всесоюзное совещание, посвященное экологическим проблемам Крыма. Все участники совещания были единодушны в отношении к строительству АЭС в Крыму. Привожу лишь некоторые высказывания ученых.

М. Я. Лемешев, доктор экономических наук, профессор (АН СССР):

— В Крыму сложная, тревожная экологическая ситуация. Как исправить положение? Ни в коем случае нельзя допустить сооружения новых промышленных предприятий, какими бы казуистами выгодами его не оправдывали. Немедленно добиться прекращения строительства атомной станции. Она затрагивает не только Крым, но и Кавказ, Азовское море.

Г. Г. Поликарпов, член-корреспондент АН УССР (Институт биологии южных морей АН УССР):

— Выбор места под будущую АЭС не выдерживает критики. Станция посажена на разломе, где имеется опасность усиления сейсмической активности. Не менее опасны дренаж, подтопление. Даже нормальная работа АЭС грозит гибелью рыбных запасов Азовского моря... В случае аварии, вероятность которых возрастает во всем мире, последствия для маленького Крыма будут катастрофическими. Известно, что после аварии в Чернобыле прекращены проектирование и строительство Одесской АТЭС, Минской, Чигиринской, Краснодарской АЭС, пятого и шестого блоков Чернобыльской АЭС. С еще большим основанием такое решение должно быть принято по Крыму.

В. М. Ляхтер, доктор технических наук, профессор, лауреат премии Совета Министров СССР (НИИС Гидропроекта, Москва):

— В Крыму идеальные условия для получения энергии с помощью ветра. Весьма перспективен Керченский полуостров, склоны яйлы над Ялтой, «ворота ветра» — Алушта, окрестности Севастополя. До войны в Балаклаве успешно действовала крупнейшая в мире ветроэлектрическая установка. В Москве был разработан проект уникальной установки в пять тысяч киловатт. Увы, авторов этих работ в годы культа постигла тяжкая судьба. Погиб и проект. Но сегодня мы можем предложить Крыму ветроэнергетические машины на 100 и 1000 киловатт, которые нами разработаны и внедряются. По нашим подсчетам, 10–12 установок по тысяче киловатт позволят закрыть все котельные Южнобережья. Десять машин обойдутся в 4 миллиона рублей. Сравните с затратами на АЭС.

Помимо ялтинского всесоюзного со-

вещания, в Крыму прошло несколько дискуссий относительно строительства АЭС. В них принимали участие строители станции, ученые, проектанты, общественность.

Заместитель директора Института минеральных ресурсов Э. П. Тихоненков заявил, что проведенные геологические и сейсмологические исследования по оценке сейсмической опасности в зоне Крымской АЭС не соответствуют требованиям МАГАТЭ. Промплощадка АЭС находится на самом активном по сейсмичности участке. На стадии подготовки ТЭО — технико-экономического обоснования — не проводилось бурение глубоких скважин. Скважины бурились лишь на 15–18 метров. Такая глубина не позволяла проследить залегание наклонных слоев известняков. Значительную опасность представляет грязевой вулканализм. На мысе Казантеп была пробурена скважина, в которой на глубине 147 метров встретилась грязь. Казантеп — это практически грязевой вулкан, который еще не извергался.

В 1930 и 1974 годах произошли крупные извержения Джарджавского вулкана, расположенного при въезде в Керчь. За одно извержение керченские вулканы выбрасывают от 10 до 200 тысяч тонн твердых продуктов и от 100 до 200 миллионов кубометров газа — преимущественно метана, — а он, как правило, воспламеняется.

События последнего времени, материалы по новой энергетике говорят, что таких атомных станций, которые бы не загрязняли окружающую среду, пока что не существует.

Так, вырвавшаяся наружу радиоактивность может погубить все живое на многих квадратных километрах. Опасность сейчас расценивается настолько большой, что в капиталистическом мире ни одна страховая компания не берет на себя риск таких масштабов.

Если бы это были, так сказать, опасения теоретические! Когда в 1982 году в морозном декабре с большой помпой был заложен первый куб бетона в основание реакторного цеха будущей АЭС, говорилось, что строители укладывают в фундамент высокопрочный бетон, ибо иной тут непригоден. Уже тогда все знали, что заливать этот самый фундамент на первых порах необходимо беспрерывно, чтобы получился монолит. И что же? С первых же дней на этом объекте работы велись с нарушениями необходимых требований, не выдерживался режим беспрерывной заливки, да и сам бетон не всегда был нужного качества. Вот и получилось не монолитное сооружение, а слоеный пирог. Исполнители этого не скрывают. Более того, не стесняются называть вещи своими именами. Одни полагают, что объект такого качества никогда не будет принят к эксплуатации, а другие заявляют: мол, наше дело выполнить объем работ.

И выполняли — в реакторном отделении некоторые узлы собирались по несколько раз, трубопровод промкнулся, низкого давления герметической зоны из-за проектных неувязок передавался в течение четырех месяцев.

Строительство Крымской АЭС должно быть остановлено — таково мнение общественности. Обосновано ли оно?

На начало 1988 года около 300 технологических трубопроводов были сделаны с браком. Ремонт стыков в процессе монтажа производится многократно — вместо допустимого двукратного. Руководство монтажом технического оборудования и трубопроводов реакторного отделения поручено молодым специалистам, не имеющим опыта такого монтажа. А мастерами по сварке технологических трубопроводов работают вчерашие электросварщики!

Особую озабоченность вызывает такой участок реакторного отделения, как бак Бора, входящий в систему локализации аварии. И здесь сварка выполнена неважно. Кроме всего прочего, листвая нержавеющая сталь для облицовки помещения оказалась такая, что даже при визуальном контроле было забраковано около 15 тонн металла. Других же видов контроля проектом не предусмотрено...

Особенно плоха сварка днища с обечайкой. Из-за 100-процентного брака дирекция станции работу не приняла. В таком виде баки и остались в замоноличенном помещении. Углеродистая облицовка — дно герметичной зоны — отделяющая герметичную часть реакторного отделения от негерметичной, входящая в систему локализации аварии, делалась зимой, в дождь и грязь, многократно переваривалась и тоже была закрыта бетоном, несмотря на запрещения В. И. Танского, директора АЭС.

Датчики давления на грунт показывают, что реакторное помещение опирается на почву неравномерно — наиболее сильное давление в центральной точке фундамента. То есть основание реактора как бы стоит на вершине пи-

рамиды. При землетрясении реактор может попросту завалиться.

Конечно же, есть технико-экономическое обоснование. Но оно вызывает недоумение даже у неспециалистов. В этом документе, к примеру, сообщается, что в 40-километровой зоне атомной станции крупных населенных пунктов нет. Дескать, наиболее крупные села расположены только в юго-западном направлении, в стороне Феодосии. Я сосчитал и населенные пункты, входящие в 40-километровую зону, и число жителей. Сел и деревень в этой зоне около 60, а проживает в них свыше пятидесяти тысяч человек. Сразу же за пределами зоны (44 км) — Феодосия с ее обширными курортами. Причем Феодосийский залив с известным «Золотым пляжем» попадает в сорокакилометровую зону вместе с частью Черного моря. В пятидесяти четырех километрах от АЭС — Керчь. В 150 — Симферополь. Более того, областной центр и Южный берег Крыма находятся на основном направлении ветров, преобладающих в районе будущей АЭС! Побережья Арабатского и Казантепского заливов являются курортной зоной, в которой расположены пансионаты, дома отдыха, пионерлагеря.

В районе размещения АЭС — заповедники: пойма реки Семь Колодезей, Астанинские плавни, мыс Казантеп. О том, что их ждет в ближайшее время, нетрудно догадаться. Вот совсем свежий факт. В результате паводка прудохладитель АЭС (Акташское озеро) переполнился. Намытая строителями дамба разрушилась. Соленая вода затопила рукотворный лес, который гибнет.

Не исключено, что со временем

в грунтовых водах под станцией и прудом-охладителем станут накапливаться радиоактивные частицы и, поскольку подземные воды напрямую связаны с Азовом, эти частицы рано или поздно проникнут в море. Подтверждение такой возможности можно «прочесть» и в технико-экономических обоснованиях.

Но наиболее бездушное отношение к Азову выразил в своем выступлении в местной газете «Под знаменем Ленина» заместитель начальника управления строительства Крымской АЭС Е. Черняховский. Цитирую: «На строительстве Крымской АЭС немало технических проблем. Одна из них — ограниченность запасов пресной воды. А ведь ее в процессе эксплуатации потребует-

А после отработанную воду придется сбрасывать назад в Азов!

«Таким образом, достижения науки, воплотившись в производство, помогут значительно сократить стоимость работ», — с пафосом завершает свою статью один из руководителей стройки.

Нет, боролись и против сброса продувочных вод в Азовское море. Ведь Казантепский залив имеет ценное рыбохозяйственное значение, является наиболее благоприятным местом нагула осетровых, камбалы, бычков, кефали, сельди, хамсы. А в зимний период Казантепский залив — надежная, вместительная зимняя квартира для осетровых.

С 1979 по 1983 год ЦУРЭН (Центральное управление рыбохозяйственной экспертизы и нормативов) стойко не соглашалось проектными материалами сброса продувочных вод Крымской АЭС в Казантепский залив, ссылаясь на заключение АзНИИРХа (Азовского научно-исследовательского института рыбного хозяйства), в котором отмечалось, что сброс повлечет за собой повышение солености выше 12,5 промилле и создаст в Казантепском заливе предпосылки для массовой гибели многих видов рыб. Однако людям, которые столь долго и упорно отстаивали интересы Природы, все-таки чего-то не хватило: то ли проницательности, то ли сил. ЦУРЭН вдруг соглашается отвод продувочных вод в Казантепский залив при условии, что будет обеспечено такое турбулентное перемешивание, которое воспрепятствует возникновению нежелательных последствий в районе стоков. И делает при этом смехотвор-

ную оговорку: «Если при предусмотренной конструкции и параметрах выпуска стоков АЭС в залив окажется отрицательное влияние на условия обитания и воспроизводства ценных видов рыб, ЦУРЭН оставляет за собой право отозвать заключение по техническому проекту Крымской АЭС». Смехотворность этой оговорки прежде всего в том, что атомную станцию не остановить. Значит, отзывай не отзывай, а продувочные воды будут сбрасываться: без этого станция не сможет нормально работать.

В технико-экономическом обосновании второй очереди Крымской АЭС, которая сооружается рядом с первой, приводится и такой аргумент: «Азовское море относится к морям, загрязненным химическими отходами...» Мол, чего переживать? Море и так пропало. Пусть хоть новой энергетике послужит!

С каждым днем все определенное просматривается безрадостная перспектива: АЭС, строящаяся на берегу моря, будет отнюдь не спасительницей его, как предполагалось, а могильщиком.

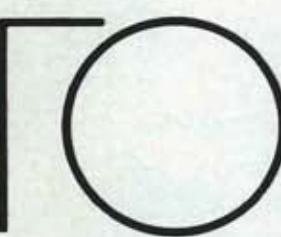
Летом 1986 года ученые Института минеральных ресурсов и отдела сейсмологии АН УССР провели полевые исследования, позволяющие утверждать, что разломная тектоника в районе строительства Крымской АЭС широко развита. Разлом (Северо-Акташский), имеющий ширину смещения до 150 метров и падающий к северо-западу под углом 65—80 градусов, проходит в непосредственной близости от участка строительства, и подвижки по нему продолжаются в настоящее време-

мя. Район находится в зоне 7 баллов. Конструкции же АЭС рассчитаны на 8—9 баллов. Но при столь низком качестве строительства и проекта подобный запас прочности — фикция. Возможен перекос конструкций АЭС.

С 8 по 10 апреля 1987 года в районе строительства Крымской АЭС зарегистрировано 25 подземных толчков силой в четыре балла. Впервые в истории сейсмических наблюдений эпицентр находился в акватории Азовского моря. Разве это не требует кардинального пересмотра строительства атомной? На мой взгляд, Крымскую АЭС можно использовать только лишь в качестве учебного полигона для проектировщиков, строителей и эксплуатационников. Пусть на модели, имитирующей реактор, учаться операторы АЭС нашей страны, социалистического содружества, развивающихся стран. Пусть страна, получившая урок Чернобыля, сделает все возможное, чтобы подобная трагедия не повторилась. И далее. Нужно продолжить в этой зоне важнейший эксперимент по совершенствованию Крымской солнечной электростанции. А город атомостроителей Щелкино превратить в центральный населенный пункт Азовского курортного района Крыма.

При посещении гелиостанции, что построена рядом с АЭС, президент Академии наук Г. И. Марчук заинтересовался развитием солнечной энергетики в Крыму, обещал поддержку конструкторам и проектировщикам солнечной электростанции.

Нужно сделать все, чтобы работа во благо человека не обернулась против него.

ся большое количество. Для многих систем охлаждения АЭС будет использоваться соленая морская вода. Специальные насосы, изготовленные из нержавеющей стали, и напорные циркуляционные трубопроводы с защитой внутренних и наружных поверхностей будут подавать воду из моря на объекты».

больше не запутывает. Так, оказывается, министерство не располагает фактами нарушения технологии строительства!

«Если у т. Митрохина имеются какие-либо факты нарушения технологии строительства, неизвестные заказчику (дирекции АЭС) или группе авторского надзора (значит, некоторые факты все-таки известны? — Ред.), то было бы очень полезно с ними познакомиться». Тут бы бросить все дела и ехать в Крым проверять качество работ, а нам с олимпийским спокойствием сообщают: «было бы полезно... Или в министерстве не знают и того, что не за образцово-показательный труд много раз менялось руководство АЭС — за 17 лет сместили чуть ли не десяток директоров; текучесть кадров на станции — до 50 процентов в год... Материально-техническое снабжение атомной — на уровне самой захудалой стройки, штурмовщика на объекте — обычное явление... И при такой чехарде исключаются все нарушения технологии строительства? Весьма сомнительно.

Главный вопрос — о безопасности станции. Тов. Лапшин в отличие от тов. Штейнберга сообщает, что сейсмичность площадки — 6 баллов. Так шесть или семь?.. «После чернобыльской трагедии становится вполне очевидным, что строительство Крымской АЭС в курортной зоне, в условиях высокой сейсмичности — до 7 баллов, требует дополнительного серьезного обсуждения», — сообщил нам академик Б. Ласкорин. Правда, и замминистра пишет: «В ближайшие 3 года будут проведены дополнительные, более детальные исследования сейсмичности площадки Крымской АЭС...». Так как же можно строить без детальных исследований? Есть ли у Минатомэнерго сомнения или «детальные исследования» — формальность, которая должна окончательно успокоить скептиков,

сомневающихся в непогрешимости проекта? Впрочем, в этой туманной ситуации мы можем сколько угодно предполагать, додумывать, гадать... Правда, как полагают в Минатомэнерго, худшее мы все же должны исключить: «После аварии на Чернобыльской АЭС любой объект атомной энергетики необоснованно воспринимается населением как потенциальный источник такой же аварии. На Крымской АЭС применяется реакторная установка совершенно другого типа». Во-первых, что значит «необоснованно»?! А во-вторых, товарищ Лапшин тут же, строками ниже, сам себе противоречит: «Абсолютной технической безаварийностью не обладает ни одно техническое средство, которым пользуется человечество, однако принятые и принимаемые в настоящее время технические и организационные меры по повышению безопасности атомных станций гарантируют, что ни одно исходное событие, в том числе аналогичное возникшему на Чернобыльской АЭС, не приведет к такой аварии». Заметим, вопреки всему — опять гарантии. Вероятно, и на Игнатьевской АЭС выдавали гарантинные векселя. Однако из-за соображений безопасности Совмин Литвы принял решение о прекращении строительства третьего блока АЭС. А 5 сентября на втором блоке вспыхнул пожар, остановили реактор. Благо, все обошлось... (Буквально накануне аварии тот же тов. Лапшин на страницах «Комсомольской правды» снова говорил о надежности атомных станций!) Быть может, не стоит торопиться с гарантинами? Впрочем, как считают многие люди, чтобы не искушать судьбу, сооружение Крымской АЭС необходимо остановить, отказаться от нее, как это уже сделано в Одессе, Минске, Краснодаре, Чигирине... Но заместитель министра стоит на том, что «строительство АЭС — наущная необходимость и в промышленной

энергетике альтернативы этому строительству нет». А движущая сила воды, ветер, биогаз, энергия солнца, водородная технология? В Крыму, кстати, уже существует солнечная станция, есть проекты достаточно мощных зетровых. Для развития нетрадиционных (экологически чистых и экономически выгодных) источников энергии на полуострове просто идеальные условия. Потом, как показывает зарубежный опыт (США, Швеция), ветряные станции успешно конкурируют с тепловыми и атомными. Это — с одной стороны, а с другой — к чему в Крыму промышленная энергетика? Уж не для развития ли химической промышленности? Крым и без того превращен в перевалочную базу: химическое объединение «Титан» и Сиашский анилиновкрасочный завод работают на привозном, зарубежном сырье, а готовую продукцию в основном вывозят в другие регионы страны. Теперь же предполагается создать новое, более мощное предприятие Минхимпрома «Таврия»! А нам казалось, что у Крыма иное предназначение — туризм, лечебные санатории, дома отдыха. И разве декрет В. И. Ленина «Об использовании Крыма для лечения тружеников» кто-то отменил, аннулировал? Или пришло то время, когда для министерств, ведомств, Госплана, Госстроя и других требуются специальные правительственные постановления по выполнению ленинских декретов?

К затронутой проблеме вернемся еще не раз. Но мы бы не хотели из одной крайности шарахнуться в другую. Поэтому обращаемся и к противникам атомной энергетики, и к ее сторонникам, предлагаем ведущим институтам, ученым, специалистам провести в «Смене» «круглый стол» — обсудить проблемы и перспективы развития атомной энергетики. Читатели журнала ждут такого разговора — откровенного, конструктивного.

ОТ РЕДАКЦИИ

Готовя к печати статью В. Митрохина, мы обратились в Государственный комитет ССР по надзору за безопасным ведением работ в атомной энергетике и Министерство атомной энергетики ССР: каково их мнение о строительстве АЭС в Крыму, качестве работ, о возможных последствиях эксплуатации атомной станции?

«Крымская АЭС, расположенная в малонаселенном районе восточно-Крыма, с расчетной сейсмичностью 7 баллов запроектирована и строится с применением технических решений, обеспечивающих ее безопасность при эксплуатации как для персонала станции, так и населения, а принятые решения по системе технического водоснабжения не ухудшают экологическую обстановку в прилегающих к станции районе и акватории Азовского моря», — сообщил редакции заместитель председателя Госатомэнергонадзора Н. А. Штейнберг.

Конечно же, мы рассчитывали на подробности, развернутые пояснения, но, увы, получили весьма краткое, лаконичное письмо. Если Госатомэнергонадзор так спокоен, то почему бы ему не рассказать, откуда это спокойствие взялось? Почему свою ведомственную уверенность не передать общественности, которой небезразлична судьба Крыма, окружающих его морей, безопасность населения, и тем самым снять напряжение, кривотолки вокруг АЭС? Вместо этого тов. Штейнберг отсылает нас со всеми вопросами в Минатомэнерго ССР.

Но и пятистраничное письмо заказчика и генпроектанта Крымской АЭС — Минатомэнерго ССР — за подписью замминистра А. Л. Лапшина, к сожалению, мало что проясняет, если еще

17 августа 1988 года.
18 августа 1988 года.

Уже в 1991 году объединение «Елабужский автомобильный завод» должно выпустить 300 тысяч легковых автомобилей, а к 1995 году довести их производство до 900 тысяч штук!

автоГОНКА

Владимир АНИСИМОВ,
фото Сергея ВЕТРОВА,
специальные корреспонденты
«Смены»

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ МЕТОД

В период «расцвета застоя» одна городская газета налачтала передовую статью под заголовком «Немедленно устраний все недостатки». Понимаете? Немедленно — все!

Универсального средства мгновенного искоренения всех недостатков и по сей день никто, кажется, не изобрел. Но зато мне теперь известен способ немедленного решения проблем, что равнозначно: как только мы

решим все проблемы, автоматически самоустраниются недостатки.

Безвозмездно делюсь открытием: надо срочно удвоить численность армии. (Или утроить, утвердишь — это уже детали.)

К сожалению, лавры первооткрывателя принадлежат не мне, а безвестному начальнику, который первым обнаружил наличие почти дармовой рабочей силы — солдат — и отправил их на затыкание ближайшей дыры в хозяйстве: то ли на стройку, то ли на разгрузку вагонов, то ли еще куда... Словом, по правде говоря,

этот многообещающий метод известен давно, да только используем его, по своему обыкновению, из рук вон плохо. Робко, нетворчески. В основном стройбат отдувается. А если поставить дело на широкую ногу?

Нет, скажем, колбасы в магазинах. Обезлюдела российская деревня, некому за скотиной ходить, хлеб расстиль? Никаких проблем. Три дивизии — в Нечерноземье! Танкистов — на трактор, саперов — в мелиораторы, разведчиков — в дояры. Заодно, походя решим и все социальные проблемы деревни. Солдату не нуж-

Пока на стройке затишье...
Какие решения примет министр?

ны коттеджи в двух уровнях, детсады и ясли, теплые «удобства», магазины и т. п. При каждом сельсовете по казарме поставил — и все дела.

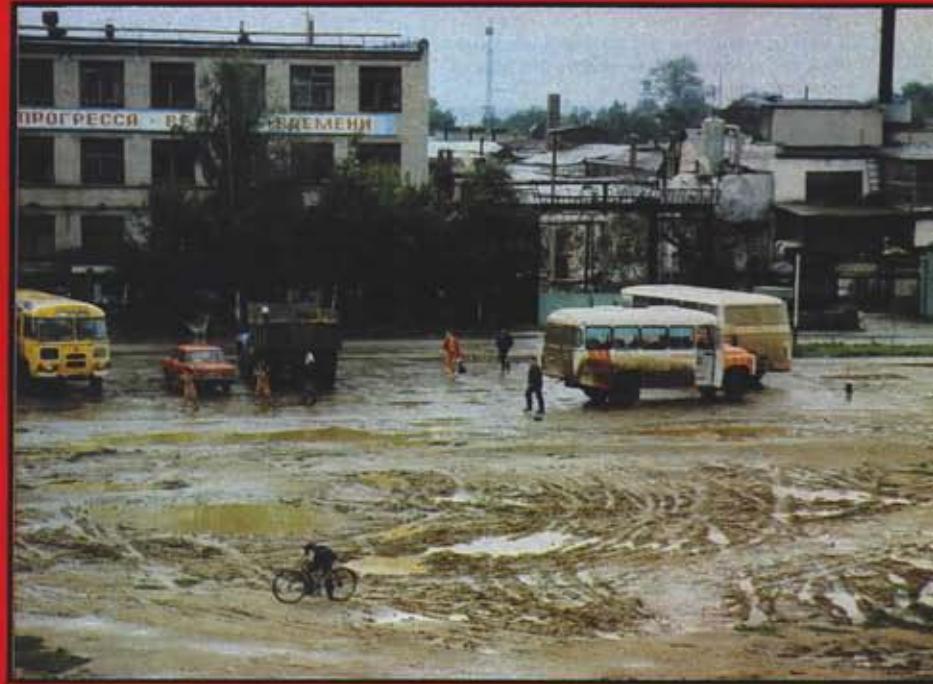
Вот такие — бредовые ли? — мысли появлялись, когда слушал выступление Батенчука. «Надо бы», — говорил он, обращаясь к министру, — попросить у министерства обороны военных строителей. Если дадут — мы быстро построим казармы...»

«ДАЕШЬ!» ИЛИ «ДОЛОЙ!»?

Мы приехали в Елабугу в состоянии легкой экзальтации от очередной по-

лопату, — как говорил начальник из анекдота, — и копай траншею — от забора и до обеда». Не больше привлекательности и смысла видели строители завода (нужного? ненужного?) и в своей работе.

О материальных стимулах можно было бы и не спрашивать. Коль стройка идет ни шатко ни валко — вечная неразбериха, недоставки, простом, — какие могут быть заработки? Большинство, получив квартиру, тут же рассчитывались с «гигантом тракторостроения». Новых же добровольцев Всесоюзная ударная комсомольская стройка со всемирно же испорченной репутацией не привлекала... И в марте 1988 года была лишена своего статуса.

Центральная площадь старой Елабуги.

беды общественного мнения. Три с лишним года назад здесь был заложен новый гигант (у нас тяга к гигантам, по-моему, в крови) отечественного тракторостроения. Чуть ли не с момента заложения первого колышка, в то и раньше общественность — в лице публицистов и экономистов — запротестовала: зачем нужен этот завод, если и сейчас выпускаем тракторов вдвое (!) больше, чем США?

Победили наконец: строящийся комплекс передан в ведение Минавтопрома и будет перепрофилирован для производства автомобилей особо малого класса типа «Ока».

По счастью — в данном случае именно по счастью — Минсельхозмаш не слишком преуспел на своей бывшей стройке. Только СИЗ — станкоинструментальный завод — начинает потихоньку устанавливать оборудование. Остальные (литейный, турбокомпрессорный, топливной аппаратуры, двигателей, сборочный) либо маячат в голом поле металлическими колоннами, либо вообще еще из земли не выползли. Значит, меньше придется перестраивать, переделывать.

Строители и заводчане весть о перепрофилировании завода восприняли с облегчением. В последние три года на них уж очень сильно давил моральный антистимул. С одной стороны — «Даешь тракторный!», с другой — «Долой тракторный!». У кого руки не опустятся? «Бери

А теперь поговорим о будущем Елабуги, нового предприятия — объединения «Елабужский автомобильный завод».

ДВЕ ЕЛАБУГИ

Не советуем приезжать в Елабугу осенним дождливым вечером. Впечатление, что после восьми старый город вымирает. Тусклые фонари едва освещают улицы; закрыты все магазины, кафе, столовые. В единственном ресторане, куда мы зашли в надежде поужинать, — ни души. Но и еды никакой.

— Спиртного нет, мы и не готовили, — говорит официантка. — Зачем готовить? Все равно пропадет.

Потом, скажившись, приносит по куску обжаренной колбасы...

Дождливым вечером не будет танцев в темном городском парке. Стало быть, не сойдутся в традиционном выяснении отношений две враждующие группировки — «Восточка» и «Горинка». Впрочем, это уже другая тема.

Утром знакомимся с Елабугой при ярком солнечном свете.

На центральную площадь (бывшую Хлебную) выходят серый кубик нашей гостиницы, боковая стена кинотеатра, арматурный завод и горисполком. Когда-то на этой площади заложили Дом культуры. Но вскоре оказалось, что денег на строительство не хватит, и фундамент ДК... за-

рыли. На асфальт, видимо, денег тоже не хватило. Спиной к непроезжей, покрытой лужами центральной площади стоит памятник Ленину.

Чего хватает — так это лозунгов. В духе времени — о научно-техническом прогрессе, перестройке. Я было начал их записывать (как вам понравится, к примеру, такой лозунг: «Учиться надо тому, что без дисциплины жить в современном обществе нельзя?», да потом надоело, бросил).

В верхней части города («Восточка»!) строятся новые кварталы — они будут полукольцом охватывать старую Елабугу. Дома привозят из Набережных Челнов и здесь монтируют, пяты — девятиэтажки старых серий.

Нас сразу попросили отметить: в новом городе нет времянок — вагончиков, балкона. Но с квартирами — а также с детскими учреждениями — здесь не без трудностей, как и в других городах. В свое время, агитируя молодежь приезжать на строительство тракторного гиганта, обещали квартиры чуть ли не через два-три года. Не все обещания удалось выполнить. Это связано с тем, что, как я уже говорил, большинство получивших квартиры немедленно ушли со стройки.

Но теперь ситуация должна резко измениться. Причем я не уверен: в лучшую ли сторону?

«В ЛЮБОМ СЛУЧАЕ?»

Задача стоит такая: уже в 1991 году здесь должны выпустить 300 тысяч автомобилей, а к 1995 году довести выпуск до 900 тысяч штук! Завод, небывающий по мощности. Сейчас весь Минавтопром дает ежегодно 1100 тысяч легковых машин. Значит, предстоит создать фактически вторую автомобильную отрасль — такие вот масштабы.

Но поумерим восторги. Во-первых, неизвестно, какую машину станут здесь выпускать. Научно-технический центр ВАЗ еще только разрабатывает новую модификацию «Оки».

Во-вторых, если за последние три года было освоено лишь 8 процентов средств, выделенных на строительство завода, и 10 на создание социальной сферы, то теперь предстоит за то же время освоить остальное. И построить еще девять заводов по выпуску комплектующих деталей.

Даже ВАЗ, имея разработанную машину, технологию, имея в партнерах такую фирму как «Фиат», потратил 4,5 года с начала строительства до выпуска первого автомобиля. В Елабуге срок вдвое меньше. Может, произошла революция в технологии строительства? Нет, ничего особенно революционного — такого, чтоб рассчитывать на резкий рывок, строители давно не предлагали. На последней широкой реформировавшейся всесоюзной стройке — домне в Череповце — они «взяли» объект грандиозным штурмом, числом.

Недавно в «Известиях» опубликовано короткое интервью с начальником главка Минавтопрома Н. Явтушенко. Реальная ли задача, поставленная перед министерством? — спрашивал корреспондент. «В любом случае выполнить ее мы обязаны», — отвечает начальник главка. Не знаю, какого, а меня этот ответ поверг в недоумение. Обязаны выполнить задачу, даже если она окажется нереальной? Когда в сорок первом году люди прилагали сверхусилия, чтобы в немыслимые сроки приступить новые заводы на Урале, смысл этого всем был понятен. Но тут-то почему такая постановка вопроса? Потому что дан приказ, а приказы не обсуждаются.

Меня не столько судьба завода и будущей машины волнует. Положение такое, что в ближайшее время стройка

должна принять многие тысячи новых людей. Вопрос номер один: где их размещать? Город не имеет собственной строительной базы, так на что же расчитывать?

Хожу с этим вопросом по кабинетам. Сначала — к секретарю парткома треста «Тракторозаводстрой» В. Н. Переходилю.

— Выход где? Надо сейчас строить не квартиры, а общежития, — считает Владимир Николаевич.

— А вы не боитесь, что люди, которые давно ждут обещанных квартир, уедут, узнав, что их дома отдают под общежития?

— Недовольство, конечно, будет. Да и, кроме жилья, проблем еще много: энергоснабжение, теплоснабжение, вода для города. Но может быть и такой вариант: строить жилье для наших рабочих в Набережных Челнах, а сюда возить на работу.

Не может ведь не знать Владимир Николаевич, строивший Набережные Челны, что и сегодня в этом городе тысячи живут во времянках... Не обращают членников такое решение, запрещают.

Еще один вариант, о нем мне говорил и секретарь парткома завода Н. Н. Галкин: попросить поделиться другие города, пусть Москва, Ленинград, Киев, Минск пришлют элементы домостроения. Так сказать, с миру по нитке. Не уверен, что другие города пойдут на встречу — каждый намерен до 2000 года решить свою жилищную проблему. Разве что обяжут их, но жители данных городов в чем провинились?

А на первое время, считает Николай Николаевич, не обойтись без закупки сборных деревянных домиков, какие ставят на Севере. Знаю я эти домики, живал в них неоднократно. Хоть и за границы, а все та же тесная и неуютная общага.

Начальник УКСа треста «Жилстрой» Сергей Куприянов еще вариант подкидывает: расселять приезжающих по окрестным деревням, в пустующих домах.

Многим собеседникам в Елабуге давал я одинаковый вопрос:

— Может случиться так, что форсированное строительство завода ущемит интересы людей, так как туда будут брошены все силы и средства, а решение социальных проблем затянется, как в «застойные» времена?

Со мной соглашались — видимо, так и будет, но разводили руками: дескать, что мы можем? Есть постановление Сосмина...

Правда, планируется построить в Елабуге завод крупнопанельного домостроения. Но на это сколько времени уйдет? Не такие ли «случай» имел в виду начальник главка?

РАДИ ЧЕГО?

В один из дней нашей командировки в Елабугу приехал министр автомобильной промышленности Н. А. Пугин. Обошел стройплощадки, познакомился с директорами будущих заводов комплекса. Руководители доложили обстановку, перечислили свои просьбы. Директор литейного завода, например, высказался буквально так: «Нужны людские средства! Скажите: придирайтесь к словам? Но до чего же мы дошли, если уж слова «человек», «люди» подзываем. Человек стал «фактором», «ресурсом», а теперь еще — и «средством»... Аналогичные просьбы звучали еще не раз.

Утром министр провел расширенное совещание с руководителями города и завода. Поздравил с оказанным им доверием — в небывалые сроки построить завод, которого не было в мировой практике. Отметил низкую культуру строительства, неважную организацию

труда... Вот там начальник «Камгэнергостроя» — генеральный подрядчик Е. Н. Батенчук и говорил насчет военных строителей, а также насчет закупки за границей двух- и однотажных общежитий на три тысячи человек... Были предложения: объявить общественный призыв, чтобы уже в этом году принять первую тысячу добровольцев; командировать в Елабугу временных рабочих, как практиковалось на КамАЗе.

Подводя итоги совещания, министр, правда, сказал: тут товарищи ссылались на опыт строительства КамАЗа, но сегодня такими методами работать нельзя. Однако чего-то кардинально нового никто пока не предложил.

И до сих пор не могу взять в толк: неужели нам именно в 91-м году жизненно, позарез необходима эта микролитражка, что ради нее надо забыть об интересах людей? Много в последнее время говорим о новых подходах к делу, новых методах, а дело в то же время скатывается на старые рельсы. Вот уже о временных поселках заговорили, о стройбате. А там, чем ближе к пуску завода, не начнутся ли так знакомые всем авральные дни, чтобы любой ценой пуск обеспечить?

Не лучше ли, закрадывается краемышлья, заняться сначала строительством города, всей его инфраструктуры и не портить горячку? Это, конечно, мнение дилетанта. Но, к сожалению, пока чаще оправдывались предсказания дилетантов, нежели уверения специалистов — достаточно вспомнить трудные судьбы крупных строек, молодых городов...

К слову, очень я удивился отсутствию на упомянутом совещании представителей горкома комсомола. Неужто их не волнует судьба своего города, завода? Позже Марат Кагарманов, секретарь горкома, объяснил: он в этот момент был в деревне на открытии памятника. Дело, конечно, важное, но в горкоме — восемь штатных работников. И ни у кого не нашлось двух часов в субботу утром?

Сейчас городской комсомол возлагает немалые надежды на то, что ЦК ВЛКСМ удовлетворит просьбу о возвращении стройке статуса Всесоюзной ударной. Просьбу поддерживает дирекция завода. Что это даст Елабуге? Эшлоны добровольцев — общественный призыв? «Зеленую улицу» поставкам в Елабугу — на завод должна будет работать вся страна? Нет, говорят мне в комсомольском штабе стройки, это методы вчерашнего дня, сегодня они не годятся. Так какую же программу шефства предлагают штаб и горком? Пока не ясно...

Да, перестроечных лозунгов в Елабуге хватает.

— А что изменилось здесь за последние годы? — спрашивал известного бригадира механизированного комплекса Владимира Елизарова.

— Пока практически ничего, — отвечает он.

Люди судят по конкретным делам, фактам, а не по лозунгам.

Помощник министра, которому я изложил свои сомнения, не согласился с ними. Развитие завода, по мнению министерства, даст толчок развитию города. Кроме того, надо выполнять программу по выпуску товаров народного потребления: у людей скопились миллиарды, а тратить их не на что. Но почему у нас всегда на первом месте промышленность?

Почему дружно осуждаем «остаточный принцип» в отношении социальной сферы, но и сегодня занимаемся ею с куда меньшим рвением, чем производственными задачами? Допускаю, опасения мои в чем-то преувеличены. Но, полагаю, лучше высказать их до, чем после... Что же касается миллиардов — то они, наверное, не в карманах елабужан, молодежи — будущих строителей завода. Жить в общежитии, по углам, питаться впроголодь — и все это ради того, чтобы кто-

то смог потратить деньги? Невеселая перспектива...

Так что вся надежда на стройбат? Не забуду, как в Хабаровске командир роты показывал мне свое подразделение, работающее на старом кирпичном заводе. Штатские не хотели работать в этом аду — здоровье дороже. А солдату приказали — и он идет.

Ну, стройка не кирпичный завод, тут хоть воздух свежий. Но метод тот же: за чьи-то прошлые и нынешние ошибки придется расплачиваться безответному солдату.

А комсомольские отряды — разве не превращаются они нередко в такие же строительные батальоны промышленности?

— Вы что же, — спросят, — против решения правительства?

Но разве и сегодня эти решения нельзя обсуждать, а можно только покорно исполнять?

НУЖНЫ И ТОРМОЗА...

Никуда не денешься от факта: мы отстали от всех развитых стран по количеству машин на душу населения (цифры не привожу, чтобы не травмировать лишний раз ожидающих в автомобильной очереди). С середины семидесятых годов автомобильная промышленность находится в застое. Так что решение о перепрофилировании завода в Елабуге вполне отвечает чаяниям Минавтопрома.

Последние три месяца министерство готовило свои предложения в правительство: сколько материальных, финансовых и иных ресурсов понадобится, чтобы пустить завод в срок. Пока предложения не рассмотрены и развернутое постановление по заводу и городу не вынесено, рано делать многие выводы. Специалистам из министерства ясно одно: стройка должна стать поистине всенародной. Нужно создать колоссальные строительные мощности (предполагается ежедневно осваивать по миллиону рублей!), привлечь десятки тысяч людей. Только так можно будет решить поставленную задачу. Одна отрасль с ней не справится ни в каком случае.

Проблема стоит не перед одним министерством — перед всем народным хозяйством. Если не «навалимся» на завод всей страной, в назанный срок ничего не получится. И снова встает неотвязный вопрос: нужно ли такое сверхнапряжение ради автомобиля именно в 1991 году?

Мне кажется, когда автомобиль называют предметом ширпотреба, необходимость ускоренного строительства ЕлАЗа связывают с выполнением Комплексной программы по товарам и услугам — допускают вольную или невольную передержку. Да, нынче автомобиль не роскошь. Но все же и не самая настоящая вещь. При наших-то провалах в здравоохранении, жилищном строительстве, бездорожье, нехватке практических всех продуктов... Что же, затянем потому живот ремнем безопасности?

Выступая на XIX Всесоюзной партконференции, рабочий В. Нижельский говорил:

— ...решить сразу все проблемы мы не можем. Может быть, есть смысл подождать, сконцентрировать усилия на какой-то одной программе. И у нас предложение: сконцентрировать эти усилия именно на решении Продовольственной программы с тем, чтобы в ближайшее время народ увидел реальную отдачу.

Никто не против нового автомобиля — наоборот, двумя руками «за». Но предполагаемая «гонка за автомобилем» внушила некоторые опасения. Ускорение ускорением, но иногда и тормоза нужны. А то можно и в поворот не вписаться...

● Поколение, живущее без иллюзий?
● И опять план любой ценой?
● Вновь о дыхательной гимнастике.

Мне 24 года. Преподаватель физики. В свое время была комсомольским активистом, возмущалась «ложью средств буржуазной информации об СССР», искренне верила в светлое будущее.

Мои родители — сталинские коммунисты. В КПСС вступили в 1951 году, преклоняясь перед любимым вождем, одобряя все его действия, считая, что «если человека «взяли», значит, что-то за него было». Разоблачение культуры личности моих родителей (впрочем, как и очень многие знакомые мне люди их возраста) восприняли как стремление Никиты Сергеевича Хрущева возвыситься за чужой счет.

Эта потребность верить в кого-то на крепко заложена в людях старшего поколения. Прочитав о беззакониях, творимых Брежневым, Рашидовым, Шакировым (это наш местный бай), отец долго кружился на тему «В кого же верить молодежи?», совершенно игнорируя мои и моего мужа (ему 28 лет) доводы о том, что наше поколение все не испытывает потребности верить в кого-либо или во что-либо.

Я считаю, что советским людям мешает расправиться, обрести чувство собственного достоинства именно эта пресловутая (выпестованная и взлеленная) потребность верить. В бога, царя, в Сталина, Хрущева, Брежнева... Впрочем, в двух последних — явно с настяжкой. Наши поколение гораздо свободнее — вероятно, благодаря нашему скептицизму, духу противоречия — в ответ на видимую невооруженным глазом чушь, творившуюся высшими руководителями за последние десятилетия.

Людмила ЛОХОВА,
Уфа

Пишет вам жительница Селижаровского района Калининской области Смирнова Ольга Александровна. Мне 23 года. Пишу впервые, так как не знаю, куда обратиться. Дело в том, что я несколько лет выписываю «Смену». Журнал мне очень нравится. В последнее время редакция уделяет много внимания проблемам перестройки. Это очень нужно. Каждый номер жду с нетерпением. Но дело в том, что «Смена» да и другие издания доставляются нам очень и очень плохо. Вот уже осень, а я не получила ни одного номера «Смены». Обращалась и в свое почтовое отделение, но там ссылаются на районную контору «Союзпечать», якобы там плохо работают. В прошлом году по этому же поводу звонила в район и узнала, почему подписчики не получают журналы. Там, в свою очередь, сослались на то, что Москва плохо их доставляет. Получается замкнутый круг. Живу я в деревне, деревня непрекрасивая, ни клуба, ни библиотеки у нас нет. Работаю бригадиром. Нам, сельским жителям, как никому другому, нужна корреспонденция, мы значительно меньше получаем информации, чем

жители областных или районных центров.

Я очень прошу, помогите нам.

Ольга СМИРНОВА,
деревня Рябово
Калининской области

В № 13 «Смены» прочла очерк Юрия Соколова «На зависть «мерседесу».

Стыдно мне стало! Стыдно, потому что сама работаю на ЗИЛе. Собрали армию лобятров... В инженерном корпусе на каждом этаже группы курильщиков: в цехах от технологов не добывшись спецификаций, техкарт — каждый показывает на другого. Увлеченных делом людей единицы, эти единицы работают за всех, а из зарплаты рабочих «отстригают» средства на оплату «труда» остальных. Хозрасчет и тот не помог. Рабочие от станков не отходят, а инженерно-технические работники — от курилок. Недавно около корпуса «Нормаль» рабочие пытались друг у друга узнать (больше не у кого), почему за тонну металла, переработанную (в буквальном смысле) руками, они получают от 11 до 70 копеек. Кто утверждал эти расценки? Дядя, у которых оклад дотягивает чуть ли не до тысячи, имеющие кучу льгот? Разве они знают, как прожить семью на 180 рублей? Знают только, что нужен план любой ценой. Получил завод бракованый металл, который трещит, лопается, ломается во время обработки, — ничего, запускайте в производство, нельзя же остановить завод. Пусть хоть светопреставление начнется, а завод стоять не должен. А если детали развалятся? Мы машину с конвейера выпустим, а что будет дальше — не наше дело. По такому принципу работает большинство участков и отделов, начальников цехов и мастеров. Поэтому и такое безобразие на заводе. Метлой нужно выгонять таких руководителей иставить новых. Чтобы они думали о хороших моделях машины, о качественных деталях, о людях. Тогда не будет завод задыхаться от нехватки кадров и от рекламаций. Тогда и с новыми моделями ЗИЛа не будут носиться по десять лет. А то сначала понавешали транспарантов о новом дизеле, потом состряпали новую машину, год по заводу таскали, делегатам показывали. А дизель-то этот, оказывается, ни туды и ни сюды.

Б. ПРИГАРИНА,
контролер, Москва

В № 14 «Смены» опубликовано письмо А. Крыловой из Абакана о «лечении» в ЛТП ее сына Ильи. То и дело в печати, да и в вашем журнале появляются статьи о лечении или перевоспитании «бедненьких» алкоголиков, преступников и наркоманов. Меня удивляет жалобный тон публикаций, требования создать этим людям «полнценные условия жизни, лечения, пребывания». А где была мама Ильи до первого посещения ЛТП, до первой пьянки, до

первой рюмки? Добро и зло дано всем поровну, но почему-то большинство не оказывается в местах лечения. Почему Илья не оказался в числе большинства? Почему теперь общество работающих (и непьющих) людей должно столько отрывать от себя (средства, специалистов, медикаменты), чтобы вернуть пьяниц к нормальной жизни? В больницах и ЛТП они просто устраивают себе отдых от свинской своей жизни — едят, спят, гуляют, часто сопротивляются лечению, умудряются пить. И просто посмеиваются над тем, что за счет наших налогов им предстают от отдыха иногда чуть ли не каждый год.

Самое большое возмущение у меня вызывает позиция этой мамы по отношению к обществу — одни требования, а к Илье — только сочувствие. Но в первую очередь у самого Ильи нет чувств к своей матери — неужели она этого не понимает?

Вслушайтесь в концовку письма: «Надо лечить как следует...» Нет! Надо воспитывать как следует. «Прошу проявить интерес к работе этих лечебных учреждений...» Нет! Не лечить в учреждениях, а изолировать от общества, в тяжкие условия, пусть трудом возвращают себе человеческий облик.

Слишком суровое наказание? Ничего подобного. Для тех, кто добровольно потерял человеческий облик, не хочет нормально жить, и условия должны быть такие, чтобы неповадно и другим было — срок изоляции должен быть очень долгим. Вот тогда бы Илья уже после первого раза задумался: попадать ли в такие условия вторично?

Теперь о том, почему у меня такая жесткая позиция.

Я выросла в порядочной трудолюбивой семье, где никто никогда не пил, тоже и в семьях наших друзей и знакомых. Все вырастили порядочных и нормальных детей, среди нас нет алкоголиков, преступников, наркоманов. Это не исключение, это норма жизни. Это характерно для многих семей. Почему же все эти люди должны содержать тех, кто не хочет нормально жить, не борется со своими собственными пороками?

Ирина ПЕКАРЬ,
учитель, 34 года,
Киев

Мы сейчас много говорим о сталинизме и о временах застоя, но давайте писать и о сегодняшних трудностях.

Работа слесарем по ремонту и монтажу промышленной вентиляции. До перехода на новые условия оплаты труда мы работали сделочно-премиально, а теперь нас перевели на повременную оплату и совсем отбили охоту трудиться. Каждый в нашей бригаде потерял по 40—60 рублей в месяц, а управляющим, начиная от мастера и кончая директором, добавили от 20 до 100 рублей. Если я раньше по второму разряду получал 160 рублей, то сейчас приношу домой 80, а у меня жена в декретном отпуске и маленький сын. Как я могу прокормить семью, когда у нас самая дешевая колбаса (вареная) — 5 р. 10 коп.

Льготами, установленными для воинов-интернационалистов, пользоваться не могу, потому что на нас здесь никто не обращает внимания. Иной раз даже хочется сдать свидетельство о льготах обратно в военкомат. Одно время нами заинтересовалась райком партии и дирекция завода. Обещали многое, пото-

му что пришла директива из обкома. Но время прошло, и об этом забыли. Сколько мы ни обращались в дирекцию завода помочь нам оборудовать клуб интернационалистов — все зря.

Борис ТРУБЧАНИНОВ,
бывший воин-интернационалист,
Путятиль
Сумской области

«Надо разобраться...» Под таким заголовком в десятом номере «Смены» опубликован критический материал С. Каленинина, в котором говорилось, что парадоксальная дыхательная гимнастика А. Н. Стрельниковой уже много лет широко используется практикующими врачами и, как показывает их опыт, гимнастика — весьма эффективное средство при лечении многих легочных заболеваний. Однако до сих пор дыхательная гимнастика А. Н. Стрельниковой — на птичьих правах, не признана Минздравом СССР. И вот мы получили ответ из министерства:

«Ознакомившись со статьей «Надо разобраться...», Министерство здравоохранения СССР считает, что все факты длительных дискуссий об эффективности лечения отдельных заболеваний по методике А. Н. Стрельниковой изложены правильно.

После публикации статьи А. Н. Стрельникова была приглашена в Минздрав СССР и ей предложено набрать группу больных, провести курс лечения по своей методике в одном из лечебно-профилактических учреждений Москвы — под контролем и с участием врачей этого учреждения.

По окончании курса лечения — при положительных его результатах — тов. Стрельниковой было предложено совместно с врачами, участвующими в лечении больных по ее методике, подготовить методические рекомендации для внедрения ее метода в широкую медицинскую практику.

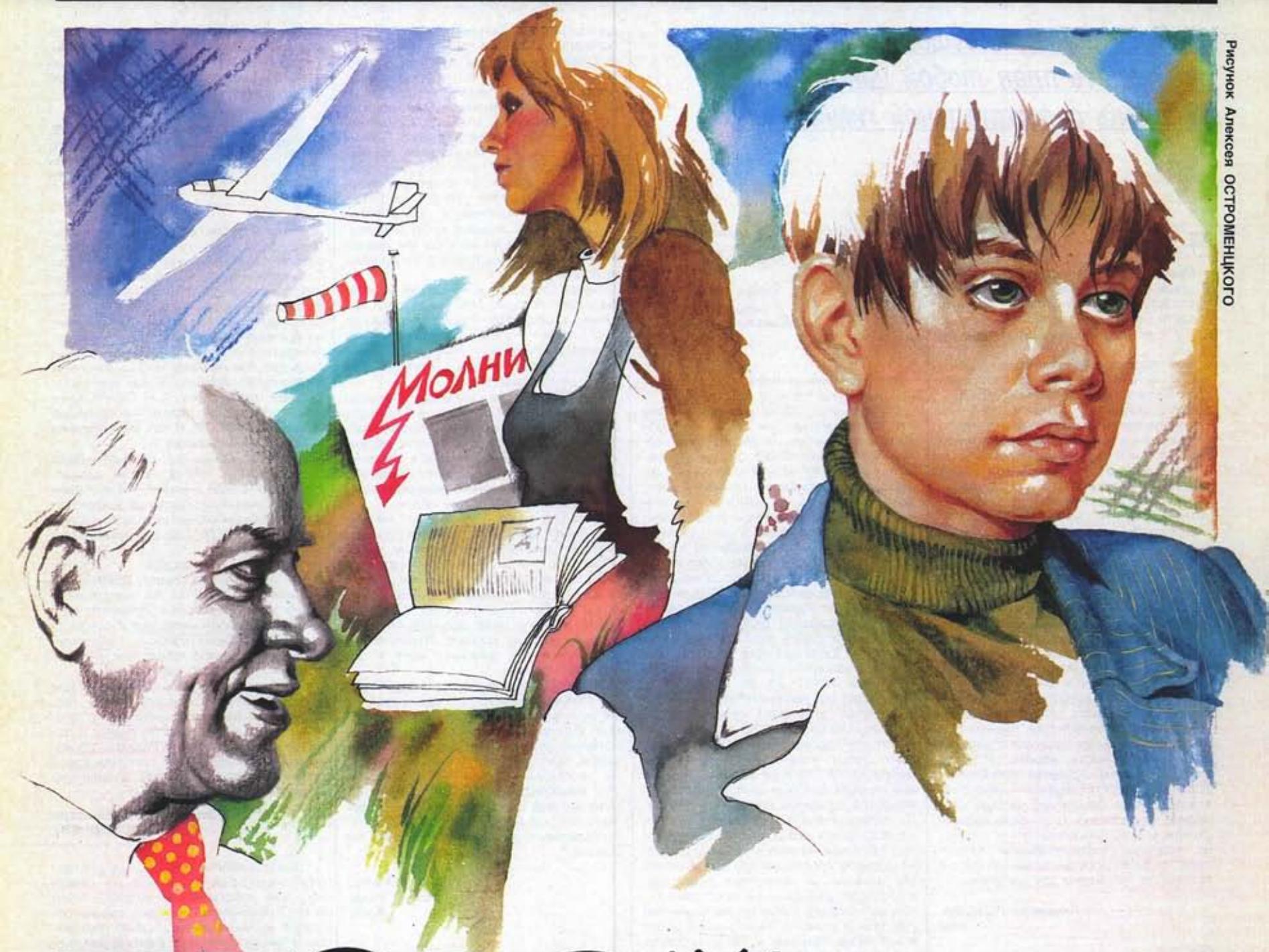
Заместитель министра
А. М. МОСКВИЧЕВ

Ответ замминистра нас удовлетворил лишь отчасти. В нем не сказано, как поступит Минздрав, если А. Н. Стрельникова не даст своего согласия на эксперимент. Где он состоится, в каком лечебном учреждении, когда можно ждать результатов?..

Эти вопросы и были заданы по телефону товарищу Москвицею. Алексей Михайлович пояснил, что даже если А. Н. Стрельникова откажется от эксперимента, то Минздрав его проведет без нее самостоятельно на базе Всесоюзного научного центра медицинской реабилитации и физической терапии Минздрава СССР. Возможно, параллельные исследования пройдут в Ленинграде, и продлятся они шесть — девять месяцев. Таковы дополнения. Однако странно: Всесоюзный научный центр медицинской реабилитации, возглавляемый членом-корреспондентом АМН СССР В. М. Боголюбовым, скомпрометировал себя при первом эксперименте, и, на наш взгляд, исследования необходимо было поручить другому учреждению Минздрава СССР. И еще. Заминистра так и не ответил, будет ли А. Н. Стрельникова официально — на правах методиста — работать в системе здравоохранения. Или Минздрав в ее услугах не нуждается?

Что же касается самого эксперимента, то редакция журнала берет его под свой контроль и сообщит читателям итоги всех исследований, окончательное решение Минздрава СССР.

РИСУНОК АЛЕКСЕЯ ОСТРОМЕНЦКОГО

ВТОРОЙ ЗАКОН НЬЮТОНА

Валерий ХАЙРЮЗОВ

В девятом классе я чуть было не вылетел из школы. Сосед по парте Витька Смирнов принес в школу расстрепанную, дореволюционного издания книгу «Мужчина и женщина», которую он стащил с толовой фабрики и на перемене показал мне.

В книге писалось о взаимном влечении полов, о свадебных церемониях и обрядах, о кокотках и куртизанках, гигиене брака и еще о многом, чего нам, по мнению взрослых, в ту пору знать не полагалось. Кроме текста, было в ней около двухсот красочно оформленных иллюстраций и рисунков. Я начал рассматривать картички и так увлекся, что не заметил, как появилась наша математичка Клара Ефимовна.

Я едва успел сунуть книгу в парту, но она как назло не хотела лежать спокойно, соскальзывала на колени. Математичка незаметно подлетела ко мне, быстрым кошачьим движением откинула у парты крышку и схватила книгу.

Увидев розовое сдобное тело лежащей Данай, а на соседней странице целующихся Амура и Психею, она вскрикнула, будто ей отдалили пальцы, и с ревом пожарной сирены выбежала из класса.

Я с какой-то обреченностю судорожно собирая в кучу разлетевшиеся листы, понимая, что случилось непоправимое.

Через минуту в класс вошел исполняющий обязанности завуча — физик Петр Георгиевич, которого мы за огромную лысину называли «Сметаной». В синем костюме, худой и прямой, он встал в дверях как архимедов рычаг, к помощи которого прибегали в аварийных ситуациях.

— Или он, или я. Дальше так работать невозможно! — выпрыгнув из-за плеча физика, выкрикнула Клара Ефимовна. — Гнать его надо из школы.

— Спокойно, Клара Ефимовна, спокойно, разберем-
ся,— ровным голосом сказал физик.

«Рычаг» сработал, через несколько минут я стоял
в учительской. Петр Георгиевич листал книгу, рассма-
тривал рисунки, хмыкал, время от времени исподлобья
поглядывая на Клару Ефимовну. В серой жакетке,
в темных очках она напоминала сову.

До восьмого класса математику нам преподавала
жена Петра Георгиевича Галина Дмитриевна. Я счи-
тал, что по этому предмету у меня все в порядке, так
как экзамены сдавал на пятерку. Но с приходом Кла-
ры Ефимовны я возненавидел математику. Отношения
мои с учительницей не сложились с первого же дня,
хотя предмет свой она знала и вбивала в наши головы
с педантичностью счетно-решающей машины. Витька
Смирнов шутил, что Клара появилась на свет не от
любви, а от простого арифметического действия.

Петр Георгиевич поглядывал на меня хмуро и стро-
го, но я-то знал цену этой строгости, и в душе тепли-
лась надежда, а вскоре и на этот раз пронесет. Петра
Георгиевича мы любили прежде всего за то, что свой
предмет он вел не так, как все. Днями и ночами
возился в своем кабинете, готовил опыты. В кабинете
физики то и дело сгорала электропроводка, что-то
лопалось и взрывалось. Он мог, не замочив пальцев,
достать из воды монету, при помощи льда разжечь
огонь. И еще многое-многое другое — словом, все фи-
зические явления, существующие в природе, находили
своё подтверждение в его кабинете. Кроме физики, он
время от времени вел математику, химию, историю.
Наказание у него было одно — работа. Из штрафников
набирал бригаду и шел пилить, строгать, красить ста-
реньку, разваливавшуюся на глазах школу.

— Книга как книга, — раздумчиво произнес Петр
Георгиевич. — Криминала я здесь не нахожу. Пожалуй,
кое-что полезно было бы знать и нам, взрослым. В вол-
просах пола мы темны, по существу одна дворовая
информация, и все. Будь моя воля, я ввел бы этот
предмет в школе. Мужчина и женщина — нет ничего
занимателнее на этом свете.

— Ну, уж это слишком! — взвизгнула Клара Ефи-
мовна. — Любоваться голыми женщинами на уроке —
это же настоящее хамство! От этой книги до порнографии — один шаг!

— Да не смотрел я на уроке, — несмело возразил я.
— Ты еще к тому же и лгун, — оборвала меня Клара
Ефимовна. — Нет, или я, или он!

— Иди в класс, — сухо сказал Петр Георгиевич. —
После занятий жду у завхоза. Будешь траншею копать.

Я понял, что спасен, получил отсрочку, но, по-види-
мому, в последний раз. Печальный, я вернулся в класс. Витька Смирнов, узнав, что я не выдал его,
обрадовался, затем сказал:

— Нужно срочно принимать ответные меры.
— Мужика ей надо найти, — хмуро пошутил я.

— Идея, — присвистнул Витька. — А что, если Гошку
Колчака, он недавно из тюряги вернулся? Ему как раз
подруга нужна, он сам говорил. Мужик, я тебе скажу,
во! — Витька поднял вверх большой палец. — Краса-
вец. Но ему нужна женщина с образованием, чтоб
умела считать. Надо Клару ему порекомендовать.

Я недоверчиво смотрел на него, представляя
пару — Клара и Колчак. Да он от нее на другой день
обратно в лагерь сбежит.

После уроков бригада штрафников собралась около
траншеи. Подошел Петр Георгиевич, достал из кармана
старые, чем-то напоминающие сплющенное яйцо
часы «Павел Буре», открыл поцарапанную крышку,
глянул мельком и, махнув рукой вдоль торчавших
кольшков, произнес свою знаменитую команду:

— Отсюда и до вечера. Либо я из вас сделаю
людей, либо я зря ем хлеб.

После работы я зашел в школу, поднялся на второй
этаж и увидел «Молнию». На ней был изображен я. Из
портфеля выглядывала полуголая тетка, которую я,
как корову, тянул в школу. Нарисовано было неплохо.
«Молнию» выпускала Фомина Ольга. Она училась в
восьмом классе, и я тайно был влюблён в неё. В Ольгу явно и тайно были влюблены многие, даже те,
кто уже окончил школу. Несколько раз я видел, как
после уроков на директорской машине подъезжал
Коля Курочкин и отвозил ее вместе с подругами до-
мой. Она была беспечна и весела, вовсю бегала на
танцы, что, впрочем, не мешало ей считаться лучшей
ученицей школы.

Ольга со временем обещала стать настоящей красавицей. Чего я только не делал, чтобы понравиться ей.
Но единственным местом, где я себя чувствовал на
коне, был спортзал.

Однажды на городских соревнованиях я перепрыг-
нул самого себя: взял высоту один метр шестьдесят
пять сантиметров. Об этом говорила вся школа. Все,
кроме Ольги.

— Сними газету, — подождав Ольгу в коридоре, по-
просил я.

— Еще чего! — сузив глаза, ответила она.

— Сними, прошу тебя, — потребовал я. — Если не
снимешь, сам сниму.

Это было моей ошибкой. Просить, а тем более угро-
жать было бесполезно.

— Попробуй только. Мы тебя еще на комсомольское
собрание вызовем, тогда точно выпетишь из школы.

Меня поразили не слова, поразила безнадежность,
с какой Ольга их произнесла. Получалось, она по-
ставила на мне крест.

На другой день я записался в планерный кружок,
и жизнь моя, прямая и понятная, умещавшаяся между
домом и школой, дала самостоятельный отросток, ко-
торый впервые выбрался из привычного, еще родите-
лями установленного круга.

Вместе со мной в планерный пошли Володька Сав-
ватеев и Витька Смирнов.

Весь класс следил за нами, потому как в планерный
решили записаться многие, но почти все срезались на
медкомиссии.

Герка Мутин, который поначалу тоже хотел зани-
маться, обозвал планер пузырем, мол, куда ветер
подует, туда и полетит. Мы снисходительно помалки-
вали. Лишь Володька не выдержал, полез драться, но
вовремя вспомнил, что планеристам махать кулаками
не к лицу, сказал, что на планере, как и на самолете,
можно делать все фигуры высшего пилотажа. И это
ничего, что нет мотора, тут нужна особая сноровка
и сообразительность, кого попало туда не берут.

— На машине лучше, — не сдавался Герка. — Куда
захотел, туда и поехал. Всегда с дровами, углем.

Трудно было возразить ему. Наш поселок в основ-
ном поставлял для государства продавщиц да шофе-
ров. Мой отец тоже был шофером, но очень скоро
променял выгодную профессию на тайгу. Зимой колол
клепку, весной и осенью заготавливал орехи и ягоды.
К моим занятиям в планерном кружке отнесся спокой-
но. Мне иногда кажется, он так и не понял, что это
всерьез и надолго.

Аэроклуб размещался в подвале старого жилого
дома, за толстой, оббитой дерматином дверью. Сразу
же за ней в темноту вели двадцать ступенек.

Когда мы пришли записываться в планерный круж-
ок, я первым отыскал нужную нам вывеску, рванул
дверь, заледеневшие валики сокользнули с бетон-
ного приступка, и, стукнувшись о ступеньки, я полетел
в бездну. Ударившись о стенку, я лбом включил свет.

С той поры меня, как имеющего практический опыт,
назначили ответственным за свет. И я безропотно
принял на себя в общем-то пустяковую обязанность.
Главное, нащупать, поймать первую ступеньку, дальше
уже проще — ступеньку за ступенькой, ноги, сохранив
жесткую связь с лестницей, погружали меня в темноту.
Отсчитав последние, я осторожно, наощупь делал
еще один контрольный шаг и, убедившись, что ступеньки
позади, выбрасывал вперед руки, отыскивая на
стене выключатель. Тускло вспыхивала лампочка,
выхватывая из темноты лежащую у входа смятую кабину,
чуть дальше худые ребра обтянутого перкалью зеле-
нного крыла — все, что осталось от потерпевшего аварию
красавца планера. Пахло эмоловитом, ацетоном,
сухим деревом, краской — здесь, в сырьем подвале,
пахло небом.

Толкая друг друга, сверху сыпали будущие планери-
сты, на ходу сбрасывая с себя куртки, фуфайки, шли в
технический класс, рассаживались по своим местам.
Минут через пять, поскрипывая летней кожаной курт-
кой, появлялся пилот-инструктор Амосов. Навстречу
к нему выскакивал дежурный и звенящий от волнения
голосом начинал докладывать. Амосов молча выслу-
шивал, затем круто, по-военному поворачивался к нам
и хорошо поставленным голосом говорил:

— Здравствуйте, товарищи планеристы!
— Здравия желаем, товарищ инструктор! — не жа-
лея глоток, отзывались мы.

В такие секунды меня захлестывал восторг, любовь
к инструктору, к сидящим рядом, к Савватееву, ко
всему тому, что ожидало впереди. Вот бы все это
увидела Ольга.

Летали мы на стареньком БРО — девятом. Латан-
ный-перелатанный, он сносил все поломки, аварии
и другие мелкие авиакатастрофы, легко разбирался,
собирался и вновь поднимался в воздух, был устойчив
и надежен; даже если его пытались от страха или
неумелости вогнать в землю, нешибко подчинялся
все равно садился на аэродром, спасая себя и того,
кто в нем сидел. «Он сам летает, — говорил Амосов.
Не надо только мешать».

В классе мы держались как заговорщики. В одинак-
овых вельветовых куртках с молниями, слева значки
парашютистов, даже дураку понятно — летчики. Поле-
ты должны были начаться в конце мая, но сначала нам
предстояли экзамены, затем два обязательных прыж-
ка с парашютом. Мы должны были не только уметь
управлять планером, но при случае и покидать его.

С Ольгой у меня по-прежнему не клеилось. В новогодней газете в разделе «Кому что снится» были
приклеены фотографии Савватеева и Смирнова: улы-
баясь, они выглядывали из кабин самолета. Моя
фотография не было.

«Вот когда слетает, тогда мы специально сфотографи-
руем и поместим в газете», — отвечала Ольга, когда
ее спрашивали, почему нет моей фотографии.

Может, она этого и не говорила, но мне от этого
ничего не легче.

Еще хуже складывались у меня отношения с Кларой
Ефимовной. С того памятного дня, я чувствовал, она
ничего не забыла и не простила. Меня она просто не
замечала, и, убаюканный новой спокойной для себя

жизнью, я попался. Клара Ефимовна вызвала к доске
и начала гонять по всему материалу.

Думаю, тройку я все же заслужил. Наши ударницы
Галка Сугатова и Эля Кобелева говорили, что им за
такой ответ Клара наверняка поставила бы четверку.
Но это им, а не любителю «подпольных» книг и «не-
пристойных» картинок.

Она вкатила мне двойку и посоветовала ходить не
в планерный кружок, а, не теряя времени даром, идти
в сплески, если хватит ума. Я объявил ей войну. Если
вызываю к доске, то демонстративно отказывался,
а потом и вовсе стал пропускать уроки.

Я бросил школу, если бы не Петр Георгиевич.
Как-то после уроков он пригласил меня к себе в каби-
нет. Там уже сидела моя мать. Она печальными глазами
робко посмотрела на физика, на стоящие по
полкам цилиндры, арифмометры и центрифуги.

— Хорош гусь, — поблескивая лысиной, расхаживал
по кабинету Петр Георгиевич. — Нет, вы только по-
смотрите на него, бойкот устроил. Ты что думаешь,
алгебра Кларе Ефимовне нужна? Она в первую оче-
редь тебе нужна. В авиации без математики никуда.
Ну, бывает, не складываются отношения. Терпи. Ты же
мужчина. Думаешь, мы на фронте не терпели? Грязь,
холод, медсанбаты, запасные полки, все пере-
терпели. Вам такое и не снится.

Правильно говорил Петр Георгиевич, но зачем?
Я и сам все понимал, не маленький. Жалко было
смотреть на мать. Она согласно кивала головой, будто
я во всем виноват, а она.

В школе я остался, сделал попытку догнать далеко
ушедший класс. Но недаром говорят: хуже всего ждать
и догонять, а надо было не только догонять, но и воз-
вращаться назад.

В планерном мы уже закончили наземную програм-
му, которая включала в себя пробежки и подлеты,
и в начале мая выехали в Оёк. В небо подняли аэро-
стат, мы надели парашюты и стояли строем, ожидали
своей очереди, но тут к нам, помахивая прутником,
подошел белобрюхий, маленького ростика инструктор,
остановился напротив меня, точно указкой ткнул пру-
тиком в запасной парашют:

— Это сто за детский сад? — шепелявя, грозно
спросил он. — А ну, марс из строя.

Он выщелкнул меня, как выщелкивают девчонки из
строя своих поклонников — щупленьких, невысоких
ростом ребят.

Поначалу я думал, что можно что-то исправить,
побежал к старосте. Но и тот не смог уговорить белобр-
юшего. Заодно не допустили до прыжков и Саввате-
ева. Не знаю как он, но я чуть не плакал. Как же так,
все прыгнут, а мы? Значит, и на планерах не летать.
Напрасно мы умоляли, инструктор был непреклонен.

— Подрастите немного, тогда приходите, а пока
я вас не допускаю. Попадете в восходящий поток,
унесет. Где мне потом вас искать? Касы надо было
больше кусать.

А прыжки между тем продолжались. Я ревниво оты-
скивал среди планеристов маленьких ростом, но таких
было немного. На длинном брезенте они укладывали
парашюты и шли на построение туда, где на краю
 поля, разматывая барабан, вытягивая из машины то-
ненький трос, поднимался вверх огромный серебристо-
белый, похожий на гуся аэрростат. В тонких своих лапах
он держал квадратную корзину с парашютами. Где-то
на полпути к небу аэрростат замирал, открывалась
крохотная дверка, и одна за другой от нее отделялись
крохотные точки. За ними вытягивались белые, похо-
жие на дымки хвостики. Через мгновение они разбухали,
расправлялись и, покачиваясь, спешили к земле, как
маленькие одуванчики, на которых девчонки гадают:
любят — не любят.

Но и любовь обходила меня стороной.

Мы договорились с Володькой сказать в школе, что
прыгнули, но нас быстро разоблачили, и Ольга, с кото-
рой я столкнулся на лестнице, отвернулась от меня.
Что же, все правильно. Как говорили древние: «Горе
побежденным».

Я перестал ездить в планерный, стал размышлять,
что мне делать дальше. Год, считай, пропал даром.
Будущее было ненастным, настоящее разбитым, поте-
рпевшим всякий смысл. Может, правда, бросить школу
и выучиться на шофер?

В середине мая, когда у планеристов уже вовсю шли
полеты, Савватеев узнал, что в Усть-Орду прилетел
ЛИ-2 и можно попытаться прыгнуть там. В выходной
день я поехал в Усть-Орду. Аэроклубский автобус
катил по Кудинской долине, теплый степной воздух
врывающийся в окна, но на душе у меня кошки скребли:
что же будет на этот раз.

Рядом со мной сидела рыжеволосая, с веселой чел-
кой девушка лет двадцати. Она смотрела в окно,
концы ее волос хлестали меня по лицу. Я крутил
головой, прикрываясь рукой и уже хотел было встать,
но она, догадавшись, собрала волосы в пучок, заколола
шипилькой, извиняюще улыбнулась, мол, чего хму-
ришься, смотри веселее.

Вообще у каждой судьбы есть свои сторожа. Надо
же было такому случиться — на аэродроме опять ока-
зался белобрюхий инструктор, тот самый, который
прогнал нас с Володькой. Меня он узнал сразу же.

— Мы же, кажется, договорились, — хмуро сказал

он.— Подрастес, тогда приходи. А сейчас давай, давай, марс отсюда.

Уж не везет, так не везет. Нужно было дождаться, когда пойдет автобус обратно в город. Я ушел за палатку, лег на траву и стал смотреть в небо, туда, где, набирая высоту, кружил самолет. От него отделялись крохотные точки, над ними вспыхивали белые купола парашютов и неслись к земле. Все просто: снизу вверх и потом обратно, как круговорот воды в природе. Здесь меня и разыскала рыжеволосая, присела рядом, глянула в упор.

— Ну, чего, летчик-перелетчик, пригорюнился?

— А чего он привязался,— обхватив руками ноги, шмыгнув носом, сказал я.— Что я — маленький? Да если он хочет знать, я метр шестьдесят пять беру.

— Что, серьезно? — удивленно протянула рыжая.— Здорово, никогда бы не подумала! — и, показав глазами вверх, откуда падал на землю гул мотора, сказала: — Там маленько повыше, не сдрейфиш?

— Вот еще.

— Тогда оставайся, завтра утром прыгнешь. Группу буду выпускать я.

Мысли у меня забегали: завтра в школе контрольная по математике, и дома не знают, что буду ночевать на аэродроме, неужели опять все сорвутся?

— Останусь, конечно, останусь,— быстро проговорил я.— Во сколько вставать?

— Часов в пять. Только смотри не проспи. Я в крайней палатке живу. Вот что, ты приходи, будем чай пить. Меня, на всякий случай, Тамарой зовут.

Она поднялась, крепкая, ладная, уверенная в себе.

Пить чай я не пошел, постеснялся, хотя кишка кишке протокол писала. Уже поздно пришла Тамара, принесла бутерброд с колбасой и кружку с чаем. Я начал было отказываться, но она поставила кружку с чаем на брезент и, улыбнувшись, ушла.

Утром встал раньше всех, потому что и не спал вовсе. Сбегал к бочке с водой, умылся, затем спустился в овраг и набил карманы камнями. «Чем больше масса, тем больше ускорение».

Тамара была уже на площадке. Она сама надела на меня парашют, застегнула лямки. По пути к самолету поднял с земли еще пару камней и сунул в карман. Чтоб уж наверняка.

Загрохотали моторы, под ногами мелкой дрожью заходил металлический пупырчатый пол, и я ощутил, как задрожали у меня колени. Я попытался унять дрожь, пошевелил ногами, хрюнули в кармане камни. Ну, думаю, мимо земли не пролечу. Самолет нудно и долго забирался вверх, затем выровнялся, звук мотора осел, из пилотской кабинки вышел бортмеханик, открыл дверь, и те, кто сидел у двери, встали, выстроились в затылок друг другу. Еще раз прозвучала сирена, парашютисты, сутуясь, подходили к двери, на секунду заслоняли светлый проем, кто-то большой и сильный срывал их и уносил в серую пустоту. Через минуту настала наша очередь.

Тамара, она шла первой, у двери оглянулась, отыскала меня глазами, подмигнула и под звук сирены выскоцила из самолета, как птица полетела вниз.

Тыкаясь носом в соседа, я двигался к двери; гулко, точно отсчитывая последние секунды, билось, рвалось из груди мое сердце. Я изо всех сил прижал к себе запасной парашют и не заметил, как передо мною открылась бездна. Осталось сделать маленький шагок; с обморочным чувством я сделал его и полетел вниз, как когда-то в темноту аэроплановского подвала.

Воздушный поток подхватил, потащил в сторону, надо мной мелькнул хвост самолета. Я сжался в комок, над головой хлопнул купол, и тут со мной произошел конфуз. Штаны мои, стираные-перестираные, не выдержали груза камней — лопнули, слетели с ног и, закручиваясь в жгут, теряя на лету камни, устремились к земле.

— Кто штаны потерял? — откуда-то снизу раздался Тамарин голос.

Я, поджав ноги, голыми коленями резал утренний воздух. Земля, плоская, ровная, надвигалась снизу, из-за горизонта высунулся крохотный язычок солнца, и надо мной алым пламенем загорелся тугой, наполненный воздухом купол парашюта. Хотелось петь, кричать — наконец-то свершилось.

А на земле тем временем начался переполох. К тому месту, где должен был приземлиться я, неслись машины «скорой помощи» и руководителя полетов. Им показалось, произошло что-то серьезное, все видели — разорвало человека.

Приземлился я на поле, смотрю — бегут ко мне санитары с носилками. Я отстегнул парашют и рванул в другую сторону, спрятался за машину руководителя полетов.

Мне отыскали разорванные штаны, Тамара починила их. Но едва я вышел из палатки, раздались хохот; оказывается, собрались посмотреть на меня. Хорошо, что рядом была Тамара, она разогнала ротозеев, пригрозив, что не допустит до прыжков. Отныне и на всю жизнь я знал: удачу зовут Тамарой.

После обеда приехал Володька Савватеев и сообщил, что Клара Ефимовна шлет мне «привет». Ничего даром в жизни не дается, за все надо платить. Я пропустил контрольную, Клара Ефимовна выставила мне за четверть двойку и оставила на осень.

Пришибленный этой новостью, я шел по школьному коридору и тут услышал сзади шепестящий детский шепот:

— Он, я же говорю он.

— Кто это?

— Ну тот, который без штанов летел.

Говорили пятиклассники, слава о моих подвигах уже достигла школы. В другой раз я бы показал им, но мне было не до них...

Вилья Смирнов сдержал слово, показал Клару Ефимовну Колчаку. В сером бостоновом костюме, с букетом цветов, поблескивая золотой фиксой, Леняка в сопровождении двух дружков-сватов появился перед школой. Усевшись на скамейку, достал из кармана коробку папирос «Казбек», раскрыл ее, сваты, сдвинув на затылок вельветовые фуражки, услужливо щелкнули зажигалками. Выпустив на волю дымное кольцо, Леняка стал ждать.

Из школы вышла Клара Ефимовна и, тюкая по асфальту каблучками, двинулась было мимо, но сваты вежливо преградили ей дорогу. С лавочки поднялся Леняка, подошел к учительнице, протянул цветы. Но долгого разговора не получилось, Клара, выслушав предложение, начала махать руками, случайно задела сумочкой Колчака и, взъерошив, бросилась обратно в школу. Леняка с трясиной с костюма невидимую пыльницу и, бросив букет на асфальт, зашагал со школьного двора. Этим же вечером Клара написала заявление об уходе и перебралась в город.

Летом Володька уехал в лагеря летать на планере, а я вместо того, чтобы ехать с ним, остался в школе заниматься с Петром Георгиевичем, который сразу же нащупал белые пятна в моих математических познаниях. Обычно, давая задания, он доставал свои потерянные «Павел Буре» и открывал крышку.

— С этой страницы и до обеда. Либо ты все это выучишь, либо всю жизнь будешь траншеи копать.

Порою мы засиживались допоздна, он что-нибудь чинил в своем кабинете, готовил приборы к новому учебному году, а я помогал ему. После зачетного экзамена он пригласил меня к себе домой, рассказал, как учился в школе, как ушел добровольцем на фронт. Галина Дмитриевна напоила чаем с пирожками, и я побежал домой, где меня поджидал Володька Савватеев.

Через год, окончив школу, мы подали документы в летное училище. Видно, мне удалось уломать судьбу, я поступил и прямым ходом попал на седьмое небо.

Впервые в жизни я был по-настоящему счастлив, и, видимо, почувствовав это, земля, воздух, люди были ответно ласковы, все повернулось ко мне доброй стороной, и казалось, с этого дня — так будет всегда.

Теплым августовским утром я вместе со своим другом Олегом Оводневым поехал в пионерский лагерь, где ночной нянечкой работала Ольга. На стареньких дорожных велосипедах мы накрутили больше пятидесяти километров.

Где-то после обеда, запыленные и усталые, отыскали лагерь. Ольга с подругами купалась на озере. Когда мы выехали из-за лесочка, она выходила из воды, легкая, стройная. Я впервые увидел ее раздетой, и показалось, что это не Ольга, а какая-то совсем незнакомая мне взрослая девушка.

Едва касаясь земли, Ольга поднялась на пригорок, нагнулась, подняла полотенце, вытерла лицо, волосы и, выпрямившись, откинула их за голову. И они, почувствовав волю, рассыпались по загорелым плечам. Всем тем красавицам из книги «Мужчина и женщина» было далеко до нее. И я, подумав об этом, вдруг почувствовал, что она гораздо старше меня, только не мог понять — в чем.

Увидев меня, она улыбнулась, махнула рукой, быстро надела сарафан и, сразу став привычной Ольгой, пошла навстречу. Праздник мне она не испортила, пообещала писать в училище.

Через два дня я уезжал в Бугуруслан. Начал было накропывать теплый летний дождик, но, словно чего-то испугавшись, а может, не желая портить настроение, прекратился. Все в той же коричневой вельветке с парашютным значком стоял я на перроне. Меня хлопали, обнимали, давали советы, и я в ответ предлагал всем поступать в летнее. Мне хотелось, чтобы все были, как и я, счастливы...

Замелькали станционные постройки, депо, тенью скользнули над головой ангарский мост, в наступивших сумерках показались крохотные огоньки моего поселка, сиротливо поморгали на прощание редкими огнями и медленно погасли. Там остались со своими бедами и заботами Рёлка, школа, Петр Георгиевич. Осталась прежняя жизнь, где все, оказывается, имело свой смысл и назначение. И если были в жизни неприятности, они не пропали даром. Говорят: отрицательный результат есть тоже результат; как знать, сдал бы я математику на приемных экзаменах, не будь того конфликта с Кларой Ефимовной. Но это я понял много позже. В тот момент я жалел, что нет рядом Володьки Савватеева, мы должны были ехать вместе. Он уже имел в руках билет, но получил от колчаковских друзей на берегу Ангры ножевое ранение в живот. Из своих объятий наш поселок выпускал неохотно.

Ольга написала мне всего два письма. Через год, окончив школу, она вышла замуж за офицера, который был намного старше и намного крупнее меня.

ОДНО / 88

Опять находится «товарищ», от которого так и тянет плесенью застоя, хоть и доктор он, и профессор, а проблему видят со своей колокольни. Пусть ответит В. Чепланов, о какой «необходимости повышения цен на продукты питания» может быть разговор, если уже сейчас мясо стоит 4 рубля кг, колбаса вареная — 5, колбаса копченая — 7,5—9 руб., сливочное масло — 7,5, сливки — 1,2, сосиски — 4 рубля?.. Это цены в коопторгах Воронежа, а в государственной торговле уже лет десять ничего такого и в помине нет.

Я — литейщик, получаю 270 рублей. Вся зарплата уходит на питание. Вот и живи.

Или, быть может, Чепланов имел в виду цены на продукты в Москве? Тогда надо определенно говорить, где их надо повышать. Потому что у нас сейчас людей разделят по сортам. В Москве рабочий-литейщик — 1-го сорта, в Воронеже — 2-го. Сравните их бюджет при одинаковой зарплате. В Москве все по государственным ценам и полное разнообразие.

А про какой рост зарплаты говорит Чепланов? У нас, например, с каждым годом зарплата падает. Сверху дают план по снижению трудоемкости, а начальство «ребята» нормы времени и расценки, ничего не меняя — в смысле механизации ручного труда. А дежурная масса росла у тех, кто жил не на зарплату. У моей семьи даже на черный день ничего нет. Нет ни машины, ни дачи и в ближайшие лет 30—40 не предвидится.

А за квартиру кто будет платить, а лечиться на что?.. У семьи очень много статей расходов. Заработок жены я не считаю (100 рублей). Это только на колотки да на духи хватает.

А работаем мы плохо потому, что существуют «потолки» в зарплате, уравниловка. В реальной жизни отсутствует принцип социализма: каждому по труду. Пока и намека нет на то, что что-то начинает меняться. В распределении материальных благ простой рабочий и крестьянин находятся в конце очереди. Вот в чем корень зла. И здесь пока перестройка не началась.

Вадим КРЕМЛЕВ,
37 лет, Воронеж

Цены нужно повышать — в два раза на сахар и все изделия с сахаром: конфеты, варенье, печеные, пряники, торты — на все сладкое, за исключением фруктовых соков и детского питания... Это резко снизит и самогоноварение, и число людей, страдающих диабетом, заболеваниями зубов и другими недугами. Население будет меньше покупать сладкую пищу. Удвоить цену нужно на мороженое. Но нельзя повышать цены на овощи и фрукты. Ведь мы и так по сравнению с США потребляем их в два раза меньше.

Н. АЛЕКСЕЕВА,
Благовещенск

До каких пор нас, простых людей, будут считать за дураков? В публикации «Цены, цены...» говорится о необходимости повышения цен на продукты питания. Почему? Ведь в стране есть колхозы и совхозы (кстати, в зоне рискованного земледелия), где себестоимость килограмма мяса меньше рубля. А если в других хозяйствах она гораздо выше, то дело ведь не в ценах, а в сложившейся порочной сельскохозяйственной системе.

Считаю, что розничные цены надо оставить на прежнем уровне. Пусть

Рабочие, студенты, военнослужащие, инженеры, ученые откликнулись на опубликованный в пятом номере журнала материал «Цены, цены...» — беседу с директором НИИ цен, доктором экономических наук Владимиром Чеплановым, в которой шла речь о реформе ценообразования, ценах на продукты и промышленные товары. В беседе затронуты и другие актуальные вопросы, вызвавшие много писем.

остаются государственные дотации. Все равно это деньги трудящихся. А окончательное решение должно принадлежать народу. По этому вопросу необходимо провести референдум.

С уважением

А. ХАЗОВ,
старший лейтенант

Тов. Чепланов говорит, что НИИ цен поднимал вопрос о квартплате, но не получил поддержки, якобы потому, что есть люди, живущие в прекрасных условиях, а доход их мал. Ерунда! Не поддерживают потому, что повышение квартплаты затронет прежде всего высоких должностных лиц! Где это видано, чтобы люди с маленькими доходами жили в прекрасной квартире? Получают такие квартиры лица, имеющие и высокую должность, и соответствующую зарплату, а потом и пенсию. А вот если бы во много раз увеличили квартплату и все коммунальные платежи тем, кто «по-стариковски» живет вдвое в огромных квартирах, то, возможно, эти люди и уступили бы их нуждающимся в жилье.

Т. Б. ЗВЯГИНЦЕВА,
Орел

Не надо повышать цены. По нашему мнению, следует открыто сказать народу, что наш госбюджет в критическом состоянии. Может, необходимо повысение налогов или введение государственных займов. Все равно в переходный период жизненный уровень понизится. Думаем, народ поймет. Просто нам нужно всем работать на совесть, а не придумывать, как похитроумней опустошить кошельки потребителей.

Евгений и Татьяна НИКОЛАЕВЫ,
Новосибирская область,
Сузунский район,
с. Шайдурово

Коротко о себе. Мы с мужем инженеры, нам по 36 лет, двое детей, живем в однокомнатной квартире, 19 квадратных метров с частичными удобствами, оклады 160 и 200 рублей плюс премии раз в квартал (в среднем заработок в месяц 440 руб.). Не хочу жаловаться на жизнь, но просто констатирую факт: прожив с мужем 14 лет, мы не имеем никаких накоплений и теснимся в квартире, как в общежитии.

Теперь о ценах. Я — за повышение квартплаты! Только так можно добиться принципа социальной справедливости, о котором столько трубыли. Мы за свою однокомнатную платим столько же, сколько наши знакомые — семья из

«ЦЕНЫ, ЦЕНЫ!»

двоих человек — платят за трехкомнатную. Наше самое дешевое жилье разворачивает, люди халают кто сколько может. Должны быть дифференцированные нормы квартплаты — за квадратный метр, с учетом удобств. С жильем у нас напряженка страшная, но она еще долго будет сохраняться, если срочно не ликвидировать эту уравниловку.

На мясные и все дефицитные продукты цены нужно поднять как минимум в два раза. По государственным ценам питаются только те, кто имеет доступ к этим продуктам, блат и тому подобное. Мы всю жизнь питаемся с рынка, и нас повышение цен на мясо не волнует, лишь бы эти продукты были в свободной продаже, в широком ассортименте. А вообще цены на продукты должны быть гибкими. Залежалось мясо — сбавь цену. Сейчас в кооперативных магазинах мясо и колбасы продаются свободно, но иногда вид у них — собаке не дашь, а цены на уровне (лучше сгноим, но не снизим ни на копейку). Рыночная система — вот выход, но с потолком по максимуму.

Промышленные товары. Опять же нужна гибкость. Только спрос упал — сбавляй цену, иначе через год товар пойдет в утиль. А то, что детские и молодежные товары должны быть дешевые, так как доходы у молодых низкие, — слишком однобокий подход. Товары нужны разные! И дорогие, и дешевые. А если опять начнется уравниловка типа дотаций малообеспеченным семьям, компенсаций по 30 рублей в месяц, то мы никогда не вырвемся из этого замкнутого круга. Сейчас у нас голодающих нет, но вместе с тем нет и социальной справедливости. Один работает в поте лица, другой пьет беспробудно, а живут они в одинаковых условиях.

Н. П. ЦИОСЬ,
Калининград

Хочу поспорить с директором НИИ цен. Например, отвергая снижение цен на автомобили до двух тысяч, тов. Чепланов пугает нас возможной спекуляцией. Можно подумать, что сейчас она отсутствует! С трудом верится, что профессор не имеет понятия о маxровой спекуляции автомобилями на Кавказе, где 25 тысяч — божеская цена за «Волгу». О том, что за списанный «УАЗ-469» предлагают сверх цены 5—6 тысяч. И совсем не выдерживает критики утверждение директора, что если будем покупать автомобили за границей, то разоримся. Дескать, придется платить золотом, валютой и дефицитным сырьем. Но ведь не боимся мы разориться, покупая в других странах бульдозеры, экскаваторы, самосвалы и прочую технику. И лес, и уголь, и газ, и нефть идет в оплату. Кто-то возразит: дескать, сравнил легковушки с мощной

строительной техникой, которая намного нужнее, чем персональное авто. Да, нужнее, но ведь у нас есть свои тракторные и экскаваторные заводы. Но они не справляются со своими обязанностями, поскольку имеют монополию на производство и продажу своей техники. А вот когда предприятие или совхоз сами будут решать: брать ли технику Павлодарского, Волгоградского тракторных заводов или продукцию японских концернов, то наши машиностроители сами, без призов, будут выпускать продукцию, не уступающую мировым аналогам. Когда в автомагазине покупатель будет думать, какое авто ему взять — «Опель», «Хонда», «Форд», «ЗАЗ», то ни один советский завод не станет выпускать автомобили по нынешней цене. Это касается и продукции других предприятий. На полках с «Маяками», «Нотами», «Орбитами» и прочей радиоаппаратурой надо поставить «Шарп», «Сони», «Филипп». Без всякой денежной реформы цены на радиоаппаратуру слепят, как тополиный пух.

Всем нашим товарам нужна конкуренция. Она скажется на кармане работника радиозавода (швейной фабрики). И вряд ли он позволит, чтобы советский покупатель с восторгом приобретал «Сони», глядя с презрением на «Весну».

Андрей ДЕНИСОВ,
Южно-Сахалинск

Допустим, цены на продукты питания повышенены. Государство выплачивает нам компенсацию. Но возникают вопросы: какой экономист подсчитал, на сколько подскочат рыночные цены? Кто будет выплачивать компенсацию за рыночные цены? Они будут расти до тех пор, пока идет повышение государственных цен. Каждое повышение цен — дополнительная помощь спекулянтам. Поднимать же благосостояние можно не только повышением зарплаты, но и снижением цен на продукты питания, одежду, мебель, бытовую технику, электронику. Хватит выгораживать головотяпов, растратчиков и им подобных за счет трудящихся.

Г. А. СОРОКИН,
Ташкент

Размышления профессора Чепланова о путях и методах укрепления товарноденежных отношений, повышении роли денег, по-моему, очень противоречивы. Так, вслед за обоснованным выводом о необходимости повышения розничных цен на продукты питания, об отмене продовольственных дотаций следуют

предложения о введении дотаций малообеспеченным семьям и повышении заработной платы всем трудящимся в связи с ростом цен. Правомерны ли такие предложения?

Да, стоимость продукции животноводства у нас в 1,5—2 раза выше, чем государственная розничная цена. Мы действительно не имеем права и возможности далее расходовать десятки миллиардов рублей на дотации. Лучше использовать средства на повышение эффективности общественного производства, развитие народного хозяйства, чтобы в конечном счете получить реальную возможность снизить эти самые цены. В статье же, по существу, предлагается направить высыпавшиеся после отмены продовольственных дотаций средства не на вышеуказанные цели, а на выплату других дотаций. Где же логика?

Хватит уж культивировать уравниловку, распределяя все на всех поровну. Чего мы боимся? Расслоения общества на «бедных» и «богатых»? Но страшен не слишком большой или маленький рубль, страшен рубль незаработанный. Вот этот, незаработанный рубль следует «держать в уме» при введении всевозможных надбавок, дотаций и т. п. Лишь лица с фиксированными доходами (пensionеры, инвалиды) могут рассчитывать на повышение пенсий при росте цен на продовольствие. Потому что эти люди, как правило, не могут уже работать и получать больше за лучший труд.

О. ПАВЛОВА,
кандидат экономических наук,
г. Горький

В материале «Цены, цены...» говорится, что основным контролером цен будет Госкомцен! А ведь во многих публикациях этот комитет критикует за то, что вопросы ценообразования он отдал на откуп министерствам и ведомствам!

Минсвязь повышает цены на почтовые отправления. Если раньше установка квартирного телефона стоила 20 рублей, то сейчас — 100! А между тем качественные показатели работы этой отрасли не улучшились. Решается вопрос о повременной оплате разговоров с домашнего телефона. И, несмотря на многочисленные протесты, Минсвязь сделает свое.

Так же поступит и МПС, ратующее за повышение тарифа в метро. Уже увеличилась оплата и в сфере бытового обслуживания — гостиницы, прокат и т. п. Мне кажется, что система самофинансирования и самоокупаемости в сфере обслуживания населения (без радикального вмешательства Госкомцена, который по этим вопросам сидит с кляпом во рту) разделет рядового потребителя до трусов.

Я пользуюсь льготами участника войны. Два раза в году (к 9 мая и 7 ноября) нам дают праздничные наборы: 3 кг муки, 2 кг мяса, 2 кг гречки, по одной банке сгущенного молока, шорты, импортный конфитюр, 1 кг колбасы, 400 г масла, коробку конфет, одну пачку индийского чая. Стыдно? Или и на том спасибо сказать? А что делается в магазинах, где обслуживаются инвалиды войны? Да их там 15—20 процентов! Остальные — работники райкомов и райисполкомов, иностранные специалисты и... все «заслуженные», которых сейчас больше, чем фронтовиков.

Я третий год стою в очереди на стиральную и швейную машинки, а очередь лет на 5—7!

И. СМОЛЯНИЦКИЙ,
рядовой пенсионер,
ветеран войны и труда,
Новосибирск

Леонид ПЕРЛОВ
Фото Сергея ВЕТРОВА

Булочную в Новых Черемушках железным узором украсили Александр Пономарев, Тимур Алимов, Борис Фалин.

МОСТЕРЫ

— Пятьнадцать процентов?! Да мы в трубу вылетим...

— А меньше заводу — какая выгода? С этих же производственных площадей, что вам отдаем, вдвое-втрое больше иметь можем... Пятьнадцать процентов — это по-божески.

— Это двадцать пять тысяч в год!

— Так у вас и оборот в двести тысяч. Хозяйствуйте, считайте... Заместитель директора московского металлургического завода «Серп и молот» Паренков и председатель кооператива «Прометеи» Чerenков почти ровесники. К тому же тезки — оба Сергеи. И ценят друг в друге доброжелательность, деловитость, компетентность. Но симпатии — симпатиями, а дело — делом. И, составляя проект договора между заводом и кооперативом на 1989 год, каждый отстаивал свои интересы. Неличные, понятно...

На каких процентах останавливаются, не знаю, но уверен: договорятся. Поэтому что нужны друг другу завод и кооператив, государственное хозяйство и кооперация.

Кооперативов, нынче каких только нет! Но «Прометеи» — особый. Не о «гамбургерах», не о штанах-самопалах речь веду — о работе мужской, красоте, огнем рожденной. О кузнецах.

...В цехе ремонтно-механического оборудования «Серпа и молота», где кооператоры арендуют «угол», на красном месте, прежде привычном для «Морального кодекса строителей коммунизма», увидел иное, что назвал бы кодексом профессиональной чести: «Прометеи» — это машина времени, уносящая в русские былины. Лучшие художники и кузнецы возрождают утерянные древние традиции ручной ковки. Секреты Сварога, Перуна, Велеса воплощены в личинах, жиковинах, дровницах, люстрами, подсвечниках... Не подвла-

стные времена, в пламени рожденные: зеркала, балюстрады, перила, решетки, экраны на батареи, мебель, кресты, сейфы. Любую вашу фантазию — в явь!

Понятно, это реклама. Но реклама, так сказать, и для внутреннего потребления. Она не дает опускать планку мастерства — о халтуре, браке тут и помышлять нечего. Акоп Огоян — студент из «Строгановки», сказал мне:

— Мы недавно партию подсвечников под пресс пустили. У кого-то они прошли бы на «ура», мелкий брак, незаметный. Для нас — ЧП, марку держим.

Непросто держать марку, когда на пути кооператоров шилов куда больше, чем роз. Когда соблазн быстрых денег (именно «быстрых», какие у кузнеца «легкие»?) довольно-

таки ощущим, когда не хватает оборудования, инструмента, да и тех самых производственных площадей...

— Трудностей не занимайтесь, — говорит Сергей Черенков. — Поначалу никак место не могли найти. Гарантом стал Мосторглабснаб, но у него нет помещения. В Красногвардейском райисполкоме посоветовали: обратитесь на «Серп и молот». Тут-то и встретили единомышленников. Прежде всего Сергея Леонидовича Паренькова. Без его поддержки все куда сложней было бы. Хотя, повторюсь, сложностей хватает. И не столько организационных, экономических, сколько психологических...

Последнее поясню. Косо смотрят в цехе на кооператоров. О взаимопонимании говорить приходится с большой натяжкой. Один молодой рабочий откровенно рубанул: «Рвачи они, деньги куют! Я полюбопытствовал, откуда взял это.

— Да все толкуют. Я за двести девяносто горюлюсь, а им тыщи плывут.

Ох уж эти пресловутые «тыщи». Тот же Сергей Черенков сменил не одну специальность, прежде чем пришел к своему заветному. Ремонтировал квартиры, делал чеканку, резные деревянные рамы для зеркал, был электромонтажником. На заводе кузнецом зарабатывал до 700, но ушел — душа не принимала гнать

«сериику». Игорь Горбачев, инженер-металлург, художник-профессионал, преподавал в Строгановском училище, мастером ПТУ работал, ювелир Виктор Грудинкин на Тушинском ЖБИ был кузнецом, Саша Пономарев заканчивает Московский педагогический институт. Так что фантастические тысячи свели их вместе? Или иное — душевная потребность в красоте, тяга к честному, осознанному труду, когда формула счастья, по выражению ребят из «Прометея», проста: «Идешь на работу — радуешься!»

Но коснемся и «низкой» материи. Средний заработка у богачей из «Прометея» 500-550 рублей. У заводчан — 250. Вдвое меньше. Но... Кузнецы работают вдвое больше. Через их руки за день проходят тонны металла.

Они художники, делают уникальные авторские вещи. Отходы, вторсыре превращают в каминные наборы, штучные подсвечники и рамы для зеркал... Фонари и козырьки, кованые ими, украшают кафе «Сказка» и Свято-Даниловский монастырь. В магазине «Русский сувенир», что на Кутузовском проспекте, их работы не залеживаются. Заказов — на полгода вперед.

Почему же в цехе так пристальнены к труду кооператоров, а к деньгам их? Председатель СТК Евгений Лаврентьевич Кулагин заметил:

— Если бы они пирожки пекли... А то ведь бок о бок работаем... Вот людям и обидно...

Хозрасчет на заводе и хозрасчет в кооперативе. Вроде одна забота, одна цель, а результаты разные. Скажем честно, промышленный кооператив, даже не поддержаный мощью госфондов, не обеспеченный средствами и материалами госзаказа, быстрее, четче реагирует на рыночную конъюнктуру, работая качественней, с меньшими затратами. Тут и впрямь

Из пламени — на наковальню!
Мастер ручной ковки
Виктор Шернев.

жизнь заставляет поворачиваться.

А все ли психологически готовы к такой напряженной работе, не к митинговой, а к реальной перестройке? Ведь кооператоры «Прометея» предлагали: пусть слесарные, сварочные операции возьмут на себя рабочие цеха. Останутся на пару часов после смены, сотня в месяц гарантирована.

Никто не захотел...

Издавна кузнецы были в почете и уважении. Не только хозяйственными нуждамиправляли (какая деревня, городок России без кузницы и кузнецов!), но и украшали быт. Где они нынче, кованые, узорчатые решетки, оградки, балюстрады, ворота, каждые на свое лицо? Перевелись приметы кузнечного искусства в наших городах. А ведь это тоже наследие, завет духовный.

И понятно мне желание будущего педагога Тимура Алимова не только подхватить, но и продолжить нить народного рукомесла, обучая ему своих завтраших воспитанников. И понятна горечь в словах Игоря Горбачева:

— Теперь много пишут, говорят о кузнечном искусстве. Конкурсы проводят городские, всероссийские. Прекрасные, уникальные вещи творят там и показывают. Любой «западник» их бы с руками оторвал. А у нас дальше выставок дело не идет...

Тесно «Прометею» в закутке ремонтного цеха. Тесно работам его художников-кузнецов в выставочных залах, магазинах, даже в самых изысканных интерьерах. Кузничная вязь, ажурная звонкая ковка просятся на улицы и площади города. Об этом мечтают ребята.

Гудят горны. Воздух горяч и зыбок. Довела раскаляется металл в огне. И вот подхватывают его щипцами — и на наковальню. Стучат молоты, молотки, молоточки — перезвон, как в деревенской кузне. В легком изгибе, изящном узоре застывает железо.

Припомнилось присловье: «Гнется, куется — да не ломается». В нашем случае это не только о металле.

Игорь ДУЭЛЬ

ШПАРИЧУК НА КРИВЫХ ДОРОГАХ

В ОСОБО КРУПНЫХ РАЗМЕРАХ

Должно быть, работники следственных органов, ухватив первые ниточки этого дела, испытывали оторопль. Преступление выглядело отчаянно дерзким.

По документам выходило, что три малых рыболовных сейнера, принадлежащих колхозу «Новый мир», регулярно в течение нескольких месяцев сдавали плавбазам довольно солидные уловы знаменитой дальневосточной сардинки иваси. Плавбазы, как положено, перечисляли колхозу деньги за рыбу, колхоз выдавал экипажам положенную зарплату и премии. Между тем даже беглое изучение реальной ситуации убеждало, что ни одной сардинки эти сейнеры никак не могли поймать.

Начать с того, что у экипажей МРСов не было рыболовных билетов, разрешающих добывать иваси. То есть они никакого права не имели выходить на лов.

Главное же, что суда этого типа в принципе не приспособлены к ивасевому промыслу. Сардины ловят кошельковыми неводами. Сама по себе счастья эта огромная — многие сотни метров сетевого полотна, грузы, поплавки, трюсы. И вес у кошелька весьма солидный. А малый рыболовный сейнер действительно мал. Недаром именуют его в просторечье «эмэрской», а то и панибретски — «маруской». И если кому-нибудь придет в голову погрузить на МРС огромный кошельк, «маруску», пожалуй, не утонет, но уж осядет основательно... А уж развернуть кошельк, привести его в рабочее положение на крохотной палубе — дело вовсе невозможное.

Следствию не составило труда установить: ни кошельковыми неводами, ни другими орудиями лова, хоть в какой-то степени пригодными для добычи иваси, три колхозных сейнера вооружены не были. Не имелось у них на борту и поисковых приборов, без которых пытаются поймать рыбу, да еще в солидных количествах — занятие пустое.

Вывод был однозначный: никакой сардины новомирровские сейнеры не могли ловить и не ловили. Стало быть, и приемные документы, и весь остальной ворох бумаг, на их основе писанных, — чистейшая липа. Естественно, никто не поверил, что работники плавбаз просто так, за здоровью живеша, подарили колхозным рыбакам тысячи рублей. Можно было предположить: за выписку липовых квитанций на якобы пойманную «маруськами» рыбу брались мэда — и немалая. А коли так, то выходит, что на промысле действовала организованная преступная группа. В ее должны были входить капитаны «эмэрской» и работники плавбаз: капитаны-директора, заведующие производствами, сменные мастера, приемщики — словом, все должностные лица, ставившие свои подписи на липовых документах, а также и некие посредники, действовавшие установлению отношений между псевдодобывающими и экипажами плавбаз.

Работники следственных органов потратили более года, стараясь раскрыть механизм действий всех звеньев «синдиката», прояснить роль и функцию ка-

ждого, кто к этому делу имел отношение. Преступления квалифицировали так: говор, взятки, хищения в особо крупных размерах — «джентльменский набор», который карается крайне сурово, в том числе даже исключительной мерой. Само собой, с расхитителями такого масштаба не стоит церемониться. И значительная часть привлеченных к делу — особенно те, кто, по мнению прокуратуры, пытался выкрутиться, тем или иным способом мешал следствию, — задолго до суда была взята под стражу.

О махинациях с рыбой, которыми занимались на плавбазах, не раз уже поступали сигналы, а разговоры вокруг этого шли многие годы.

Мне и самому приходилось их слышать в течение всей четверти века, что связано с рыбаками, что бывал на промысле. Начало цепочки таково: сейнер при сдаче улова получает квитанцию на меньшее количество рыбы, чем доставил. Если расхождение между реальным весом улова и цифрой в документе невелико, пять — десять процентов, рыбаки довольны, считают, что на плавбазе работает народ порядочный. Небольшой запасец приемщику надо иметь для того, чтобы перестраховаться от всевозможных напастей. А их в морской работе великое множество. Есть и еще одна статья, на которую капитан-директор плавбазы нередко вынужден расходовать излишек рыбы, но о том разговор пойдет позднее.

Однако бывает, что «улов принимают плохо» — то есть записывают рыбы намного меньше. Особенно часто такое случается, когда на промысле выпадают удачные денечки. Тут у плавбаз толпятся настоящие очереди. Все торопятся: скорей бы сдать, чтобы снова заловиться, пока прет рыба в сети. И в этой гонке не до мелочей. Из-за десятка центнеров никто не станет тратить время на споры: себе дороже. Да и «задние» из очереди давят — отходи скорей, не задерживай.

Промысел сардин в смысле возможностей для всяких махинаций особо благоприятен. Иваси — рыбка нежная, лишний раз тронешь ее сетью или каплером — отскочит мясо от скелета, потеряет товарный вид. Поэтому сардину добывчики к себе на палубу не поднимают: обловят косяк кошельком и сразу же зовут плавбазу. И та берет улов прямо из сети к себе на борт. Сколько рыбы в кошельке — только на глазок и можно прикинуть. А глазок-то у каждого насибиду: одному вечно кажется, что хватнул он больше, чем на самом деле, другому — меньше. И высший судья — плавбазовский приемщик: сколько записал, столько в кошельке, считай, и было.

Сам собой возникает вопрос: зачем плавбазе неучтенная рыба? Куда она девается? Тут область догадок. Об иных путях ее реализации слухи столь туманные, что воспроизвести их не решусь. Но про один из путей говорят постоянно, на любом промысле. Рыбу продают... добывчикам. Конечно, не всем — особо доверенным. Схема простая: одному сейнеру записали меньше рыбы, чем он на самом деле добыл, другому — больше. С капитана последнего взяли мэду. Зачем, спрашивается,

ему это нужно? А вот зачем. К примеру, капитан заплатил плавбазе по рублю за центнер. Его заработка за тот же центнер — два рубля. Уже выгодно! Если же с помощью такого рода прибавок экипаж перевыполнит план, то будет еще и премия. Выгода множится.

О такой схеме взаимоотношений работники правоохранительных органов давно наслышаны. Да попробуй поймай жуликов за руку! Понятное дело, фальшивый передовик никогда не признается. Однако и обманутый плавбазой рыбак тоже чаще всего промолчит: доказать свою правоту трудно, а вызвать на себя гнев начальства плавбаз — упаси бог! Будут ставить в самый хвост очереди (конечно, под благовидными предлогами), начнут прикармливать, занижать сорт, перевешивать улов по несколько раз. Ну, а постороннему человеку совсем не просто углядеть, что какому-то сейнеру меньше записали рыбы, какому-то больше. Да и пойди докази, что сделано это нарочно и небескорыстно.

Словом, давно уже работники следственных органов пытались рыбных комбинаторов накрыть. А тут вдруг подарок — не отпрешься: сардину колхозные «эмэрски» не ловили, деньги получали. Все ясно как божий день: именно этим экипажам продавали плавбазы зажуленную рыбу.

Версия казалась единственно возможной. И все объяснения новомирровских рыбаков воспринимались как попытки уйти от карающей дланя закона.

Думаю, если бы работники прокуратуры лучше знали тонкости взаимоотношений между добывчиками и приемщиками рыбы, они бы иначе восприняли объяснения своих подследственных и не спешали с выводами.

Я уже намекал, что страховочный запасец рыбы, без которой не обходится, считай, любой кристально чистый, но предусмотрительный капитан-директор плавбазы, расходуется хоть и бескорыстно, но все же незаконно. Что это за ситуация, как и почему они возникают — скоро об этом пойдет речь.

ПОРУШЕННЫЙ ЗАМЫСЕЛ

А пока о другом. Чтобы все стало исчертывающее ясно, придется углубиться на несколько лет в прошлое, в те времена, когда в «Новом мире» председательствовал Иван Алексеевич Шпарицук.

В конце семидесятых все чаще стала заходить речь об организации прибрежного промысла. Впрочем, говорили об этом и много раньше. Но до того времени добыча рыбы в заливе Петра Великого была жестко ограничена, практически почти совсем запрещена. А «Новый мир» стоит на берегу Уссурийского залива — узкой части залива Петра Великого.

Когда стало ясно, что строгость запрета вскорости будет значительно ослаблена, организация прибрежного промысла всталась, как говорится, в повестку дня. Естественно, «Новый мир», крупнейший из своих собратьев в крае, выросший когда-то именно на прибрежном лове, не мог остаться в стороне.

Шпарицук разработал целый стратегический план его воссоздания. Зная, сколь ненадежны бывают партнеры по

всяким деловым отношениям, Шпарицук хотел подстраховаться от любых неожиданностей. А вдруг закапризничает торговля? Мало ли что может случиться — машины сломаются, закроют магазины на ремонт или еще какая напасть. Что тогда? Куда девать мгновенно портящийся улов? Чтобы прибрежный промысел не был подвержен никаким катаклизмам, Шпарицук решил завести собственные колхозные ходильные емкости, а также перестраивать и расширять засолочный, коптильный цехи. Будет в том реальная потребность — строить кулинарный, консервный.

Однако замысел свой Иван Алексеевич воплотить не успел — вскоре он был от председательской должности отрешен. А новое руководство «Нового мира» посчитало весь этот набор береговых обзаведений делом слишком хлопотным. Тем паче, как ни крути, и донесы главнейший показатель деятельности колхоза — вал, объем добычи. А его дают крупные суда на дальнем промысле. И тот мизер, что добавят «маруски» — сущий пустяк, который никак не стоит трудной, требующей множества забот «возни».

А тут изменили правила рыболовства в заливе Петра Великого, и как раз к тому времени пришли в колхоз заранее заказанные МРСы. На них, естественно, сразу был спущен сверху план. И вышло в точности все то, чего опасался Шпарицук. Торговля особого интереса к прибрежному лову не проявляла — заказы давала крошечные, копечные. Да и то требовала, чтоб улов колхозники доставляли в магазины сами. А исправных автомобилей на тот момент в «Новом мире» практически не имелось. Можно было еще вывернуться — сдавать рыбу береговым комбинатам, но с ними вовремя не заключили договоры.

В общем, промучившись с месяцем, стали экипажи «марусек» досаждать колхозному руководству: что это за работа — ни плана, ни заработка. Деятели из правления «отфутболивали» их от одного стола к другому, что-то обещали, на что-то выражали надежду, ношло время, а ничего не менялось. В конце концов рыбакам сказали: захотите заработать, сами вывернетесь, найдете дело.

И они нашли.

«ХОЗЯИН, НЕТ ЛИ КАКОЙ РАБОТЫ?»

Возвращаюсь памятью более чем на десять лет назад, когда ходил помощник капитана по политчасти на одном из траулеров «Нового мира». Судно, на которое меня направили, вело промысел в Беринговом море. Добирались я до своего траулера на «рыбацком извозчике» — пассажирском судне «Приамурье». И выпало мне стать свидетелем весьма характерного эпизода.

«Пассажир» наш вез большую партию рыбобрабатчиков — человек семьдесят. — на плавбазу, работавшую у северных берегов Сахалина. А когда добежали, разгулялся ветерок, пошла сильная. О том, чтобы скинуть бот, не могло быть и речи.

Капитаны стали советоваться, за каким выступом берега лучше спрятаться. Сутки бегали от мыса к мысу. «Приамурье» впереди, а за ним тяжело топала медлительная плавбаза. Но ветер будто бы нарочно гонялся за судами: где несколько часов назад была тишина гладь, пока добегали, поднималась зыбь.

Наконец капитан-директор плавбазы взмолился по радиотелефону:

— Не могу я так больше без толку шарахаться! Ваше-то судно зафрахтовано Дальрыбой. Плата посуготчная! По морям крутишься, в дрейфе ли валяешься — все одно денеки капают. А у меня план горит. Рыба в цехах на исходе. Добытчики волят — принимай. Я бы рад, да не могу — за вами бегают.

Капитан «Приамурья» от всей души ему посочувствовал:

— Понимаю вас, понимаю, но за людей-то мне отвечать. А на бот их в такую погоду никак не посадишь. Велик риск!

Капитан-директор задумался, помолчал, потом спросил:

— А если не ботом забирать? Если эрэс вызвать, дадите добро?

— Эрэс? — переспросил капитан «Приамурья». — Рыболовный сейнер? Что ж, пожалуй! Посудина солидная. Да он-то согласится с промыслом уйти? Ведь столько времени потеряет!

Капитан-директор, не сдержавшись, фыркнул в микрофон.

— Согласитесь! — выдавил он из себя, едва сдерживая смех.

А я мигом удрал из рубки, чтоб находиться вволю. Только торговый моряк, ничего не знающий о промысле, мог задать такой наивный вопрос: согласится ли эрэс выполнить желание плавбазы? Да он в восторге будет! Да клиники сейчас капитан-директор добровольцев, сейнеры наперегонки побегут, хоть на сутки забросят добчу.

Почему? — спросите. Потому что прекрасно знают: плавбаза с ними щедро рассчитывается. Чем? — спросите. Да той самой неучтенной рыбой! Запишут на него полтора-два суточных уловов, и, когда будет сейнер, отходя от плавбазы, качаться на волне, покажется, что он кланяется благодетелю, словно офицант, получивший щедрые чаевые.

Словом, согласился, конечно, первый же вызванный сейнер и доставил рыбобрабатчиков с «Приамурья» целехонькими.

Дело обычное. У плавбазы часто возникает множество дел, которые своими силами выполнить или очень трудно, или вовсе невозможно. А права законным способом быстро (то есть прямо на месте, не обращаясь за «добротом» к береговому начальству) оформить плату за услугу у нее нет. Вот и превращается не проведенная по квитанциям рыба в своего рода валюту. На то и намекал я, когда говорил, что даже честному капитану-директору в иных случаях этот запасец бывает нужен.

Теперь, думаю, сюжет с уголовным делом для догадливого читателя более ясен.

Да, экипажи колхозных «эмэрэсов» использовали практически единственный шанс обеспечить себя делом, а значит, и заработком. Они знали, что в открытую часть Уссурийского залива подошли огромные косяки сардин. Промышляла там большая экспедиция, работало несколько плавбаз. И каждая спешила, пока привалила рыбакская удача, набрать у добывчиков побольше иvasi, обработать, выдать готовую продукцию. Никто не хотел в эти уловные дни хоть на час отрываться от промысла.

...Вам случалось видеть, как весной бродят по дачным поселкам небритье мужики, вооруженные деревянными ящиками с нехитрым инструментом? У каждой калитки они останавливаются и громко вопрошают:

— Эй, хозяин! Нет ли работы по плотницкой части?

Если, приехав в возлюбленную свою латифундию, обнаружили вы, что, скажем, обвалилось у вас за зиму крыльцо, какой же радостью наполняет ваше сердце этот молодецкий волчь!

Точь-в-точь такая ситуация произошла в море, на промысле, когда с одной плавбазы на другую стала передаваться новость: в районе появились три «эмэрэски», готовые выполнять любую хозяйственную работу. А дело было на валом. На одной из плавбаз подошли к концу продукты. Ослабив дневной рацион обработчиков, старалисьрастянуть остатки хоть на лишних день-два: ведь за снабжением чаще всего плавбаза сама должна идти в порт. Хоть недалек путь, да все же несколько часов ходу, потом надо где-то приткнуться у пирса, разыскивать снабженцев, собирать на документах подписи, съезжаться с автомобильным цехом... Суток, а то и двух как не бывало. А ведь путина, как страда: час потеряешь — годом не наверстаешь.

Тут появляется под бортом «эмэрэска». За продуктами сгонять? Пожалуйста! Хотите — своего представителя сажайте, хотите — давайте доверенность. Доставим в лучшем виде. Что скажешь? Благодетели! Дуйте, парни! Родина ваши заслуги не забудет!

У другой плавбазы иная нужда. На пришвартованный к ней плашкоут (баржу) надо срочно погрузить консервы и доставить в порт. Значит, уходить с промысла? И снова колхозники тут как тут. О чем речь? Нагрузим, доставим!

Дальше — больше. Как пишут в рекламе: список услуг расширяется. На одной из плавбаз полетела деталь в важнейшем рабочем механизме. То и дело простиравшаяся добрая сотня обработчиков рыбы. Запасной детали нет. Пытались выточить ее на судне — ничего не выходит. Есть, конечно, обычный путь: радиограмма начальству. Пока она дойдет, пока там найдут подходящую сталь, пока выточат, пока попадется попутное судно, чтобы деталь на плавбазу забросить — сколько дней пройдет? А что ни день — убытки в десятки тысяч, прием рыбы приходится ограничивать. И тут опять эти колхознички: нет ли какой работы? Да есть, только вряд ли справитесь — нам вот детальку бы... А в экипаже «эмэрэска» матрос Виктор Кислица. До того как пойти в море, работал токарем, имел высокий разряд, друзья у него на заводе... Словом, взяли детальку — и на берег. Через день подходит — получите заказ. Вставили детальку, машина крутится как часы. Выработка снова вверх, никаких перебоев. Добывчикам указание — возобновляйте лов. И пошло-поехало. Что скажешь? Спасители!

И так бегали туда-сюда. Если учесть всю выполненную работу, выйдет, что благодаря услугам «марусек» плавбазы дали дополнительной продукции на несколько миллионов рублей. А как рассчитывались? Да мы ух знаем: рыбой. И все были довольны. Конечно, до тех пор, пока не явились на свет слова: говор, взятка, хищения в особо крупных размерах. А чуть позже — и небо в крупную клетку.

КУДА МУЖИКУ ПОДАТЬСЯ?

Почти физически — даже барабанную перепонку заломило — слышу грозный и громкий оклик: «Да как можно? Здесь нарушения явные!» Сам понимаю — не ангелы. Повинны, может, не в тех грехах, что прокуратурой усмотрены, но небезгрешны, куда там! От многочного в этой истории меня воротит. Ведь, как ни погляди, но в ее основе вопиющее поругание справедливости. Работа плавбазам не с неба сыпалась — обживались добывчики истинных. И расторопные колхозные молодцы о том прекрасно знали. Да и собственнически туфты они произвели изрядно.

Только от всех таких объективных признаков легче мне не становиться. Жаль грешников! Ведь страдают-то за проявление инициативы. Кабы стояли у пирса в отсутствие работы, играли в домино — получали бы гарантинные гроши за пролов, были кругом чисты. Так столь ли виноваты рыбаки, если для того, чтобы найти работу, были вынуждены прибегать к жульничеству?

Нет, опять же не спорю: липа она

и есть липа, туфта она и есть туфта, сколько ни трать белил, грязь все равно не забелишь — пропустит. Но сама эта грязь откуда взялась? Давайте-ка прямо ответим, не юля: от десятилетиями въевшегося убеждения, что в жизни (в хозяйственной особенно) по одним прямым дорогам не пройти, — коли хочешь чего-то реального добиться, кривых дорожек не миновать.

К великолепию сожалению, именно такой была и остается пока наша экономическая реальность. Ведь и сегодня еще никем не придумано, как без долгих оформлений и прочих проволочек, в морских условиях немыслимых, могут рассчитываться те же плавбазы за удовлетворение своих насущнейших нужд, как получить необходимое, не обворовывая добывчика, не платя кому-то плодами чужого труда? А ситуация-то на промысле повторяется. Спросим самого знающего законника: как тут без липы, без туфты обойтись? И ничего толкового не услышим в ответ. Не положено пока простых и прямых дорог. А на старой, кривой, установлен прокурорский шлагбаум.

Тут, конечно, можно пустить в оборот утешительную сентенцию. Мол, есть пока разрыв между генеральными лозунгами дня и отдельными устаревшими ведомственными установлениями. Но что же волить во всю ивановскую? Перестройка только начинается. Пройдет время — ликвидируется разрыв, отменят идиотские инструкции, позволим людям деятельным вести дело по уму.

Искренне, от всей души надеюсь, что так оно и будет! Но я-то могу надеяться и ждать, а конкретный хозяйственный деятель ждать не может. Он включен в неостановимый процесс.

Страшное получается противоречие! Тем страшнее оно, что бьет по костям, в подых именно людей деятельных, тех, кому на роду написано быть прорубами перестройки. И вот что, по моему пониманию, хуже всего, опаснее всего: пока инструкции будут приводиться в соответствие с лозунгами — особенно, если это дело затягивается, сколько же мы можем толковых трудяг потерять! А с кем тогда перестройку совершать?

Ведь и в нашем случае рыбаков силком толкнули на кривую дорогу, почти загнали деятелями, куда худшие по своим человеческим качествам, чем сами эти подсудимые. И те, кто недоработали, не сумели найти законного обоснования реальным хозяйственным нуждам. И те, кто намекали: хотите заработать — отыщите дело.

Рассказывал Шпарийчук (его рыбаки избрали общественным защитником). Стали на суде допрашивать матроса Виктора Кислицу. И так он четко на вопросы отвечал, что судья невольно удивился:

— У вас что, юридическое образование?

— Десять классов у меня образование, — ответил матрос.

— Откуда такая грамотность в юриспруденции?

— Так ведь в тюрьме полгода просидел — это все равно, что университет окончил!

К чему Виктору, честному работяге, такие университеты?

К чему они капитану Сергею Рогожникову, человеку добрейшему и честнейшему, но отчаянно неудачливому в жизни?

К чему эти университеты другому капитану — Николаю Майшуку, еще совсем молодому парню, который до всей этой напасти был членом райкома комсомола, а потом, конечно же, «исключен из рядов ВЛКСМ в связи с уголовным делом».

Говорил я с Николаем, и страшно было слышать от парня неполных тридцати лет такие слова:

— Теперь уже никаких перспектив у меня нет. Жизнь загублена. Век ходить в преступниках.

Говорилось это тоном спокойным, как о чем-то фатально неизбежном. А ведь были у молодого капитана далеко идущие планы. И колхоз возлагал на него немалые надежды.

Как хотите — не могу со всем этим смириться! Не понимаю, кому нужно вот так разбрать-разбросать толковыми людьми. Что, у нас их избыток обнаружился?

ОПТИМИСТИЧЕСКИЙ ФИНАЛ?

Честно сказать, в конце 1986 года, когда писал я об этой истории, особых надежд на публикацию не имел. Убежден был — защитные мои речи безнадежно запоздают, станут никчемными, ибо совершенно не сомневался: засудят рыбаков. По той ли статье, по другой ли, но вину найдут. Тем более такой крупный процесс.

А судебное разбирательство по делу 27 обвиняемых, к которому привлекли без малого 300 свидетелей, тянулось и тянулось. Однако, видать, сказались благодатные перемены в жизни страны. Судебная коллегия по уголовным делам Приморского краевого суда под председательством Н. П. Титова вернула дело на доследование. Обоснование такого решения занимает тридцать страниц убористого текста. Полутрагодовой труд следователей подтверждается в этом документе беспощадной критике.

Например, иные из открывшихся на суде «проколов» следствия просто нелепы. Капитан одной из плавбаз обвиняется в нарушении пункта «Устава службы на судах флота рыбной промышленности СССР», какового в уставе нет вовсе. Помощник капитана-директора по производству другой плавбазы, отвечающий за переработку рыбы, обвиняется в нарушении статьи устава, где изложены обязанности... гарпунера китобойного судна. Его коллега обвинен в нарушении статьи того же устава, где речь идет об обязанностях главного механика.

Осенью восемьдесят седьмого беседовал я с одним из создателей обвинительного заключения по делу рыбаков — Владимиром Васильевичем Дютином, старшим следователем управления внутренних дел Приморского крайисполкома. Владимир Васильевич жаловался: трудно такое гигантское дело вести. Тем более обвиняемые распределены по всему Дальнему Востоку. Ведь иные из плавбаз базируются в Магадане, на Камчатке. К тому же — сетовал Дютин — подпись о невыезде (меру пресечения, принятую ко всем обвиняемым) приходится то и дело нарушать. Ведь три года длились суд и следствие, а если рыбаков не выпустили в море, на что им жить? Говорил Владимир Васильевич и о других сложностях в работе над этим делом. И видимо действительно утомленный. Но оптимизма при всем том не терял — твердо верил, что до нового года удастся закончить обвинительное заключение — и уж такое, где каждая строка будет звучать в высшей мере убедительно. Ибо сам Дютин нисколько не усомнился в правоте следствия и после определения краевого суда.

Однако всего через два месяца после моего разговора с Владимиром Васильевичем следствие «было закрыто», а само дело передано в товарищеский суд, который весной нынешнего года полностью оправдал всех обвиняемых. Полагаю, и Дютин вздохнул облегченно, узнав об этом решении: практически немыслимо было уже разобраться в той путанице, которая представлена в деле.

Представляю и чувства двадцати семи обвиняемых, которые уже, как говорится, давно принялись сушить сухари. Одно только омрачает оптимистический финал: кто вернет этим людям три года жизни, бессонные ночи, сотни тысяч нервных клеток, как известно, не восстанавливающихся?

Здравый смысл восторжествовал. Победила справедливость. Но какой ценой? И где гарантии, что подобная история не может повториться? Пока действуют ненужные инструкции, пока живы прежние отношения в хозяйственной, экономической жизни — таких гарантий нет.

«В наше время надобно мертвых ставить на ноги, чтобы напугать и усвистить живую наглость и отучить от нее ротозеев, которые ей дивятся с коленопреклонением».

Князь П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

Виктор АНТОНОВ

Этот красавец особняк XVIII века, этот портал с колоннами на заснеженном взгорке я узнал сразу, как только автобус свернулся к деревне. Так вот оно — пристанище гражданина мира — автора «Писем русского путешественника», вот она — обитель творца «Истории государства Российского!.. Примерно так; в духе карамзинистов, ликовал я, предвкушая встречу с домом, где блаженной памяти Николай Михайлович Карамзин более десяти лет корпел над летописями и преданиями, слеп над календарями и манускриптами, свершая свой «подвиг честного человека» — из немоты воскрешая нашу Историю. «Древняя Россия, каза-

был свидетелем, как постепенно без приглядя рушилась родовая каменная часовня, как в последние годы заселили усадьбу новые шумные жильцы, как заасфальтировали старую липовую аллею, обнесли все новым забором, повесив по одну его сторону большой транспарант: «Играйте же, дети, резвитесь на воле!», а по другую — почти такое же, как в Остафьеве, предупреждение: «Во избежание инфекционных контактов посторонним вход запрещен!» И хотя пионеров зимой там быть не могло, проникая на территорию, помню, чувствовал себя не только посторонним, но чуть ли не нарушителем госграницы. Такова магия всякого запрета...

Забор оборвался над заводью оставьевского прудика, и по льду я перешел на другой берег, туда, где среди

Усадьба

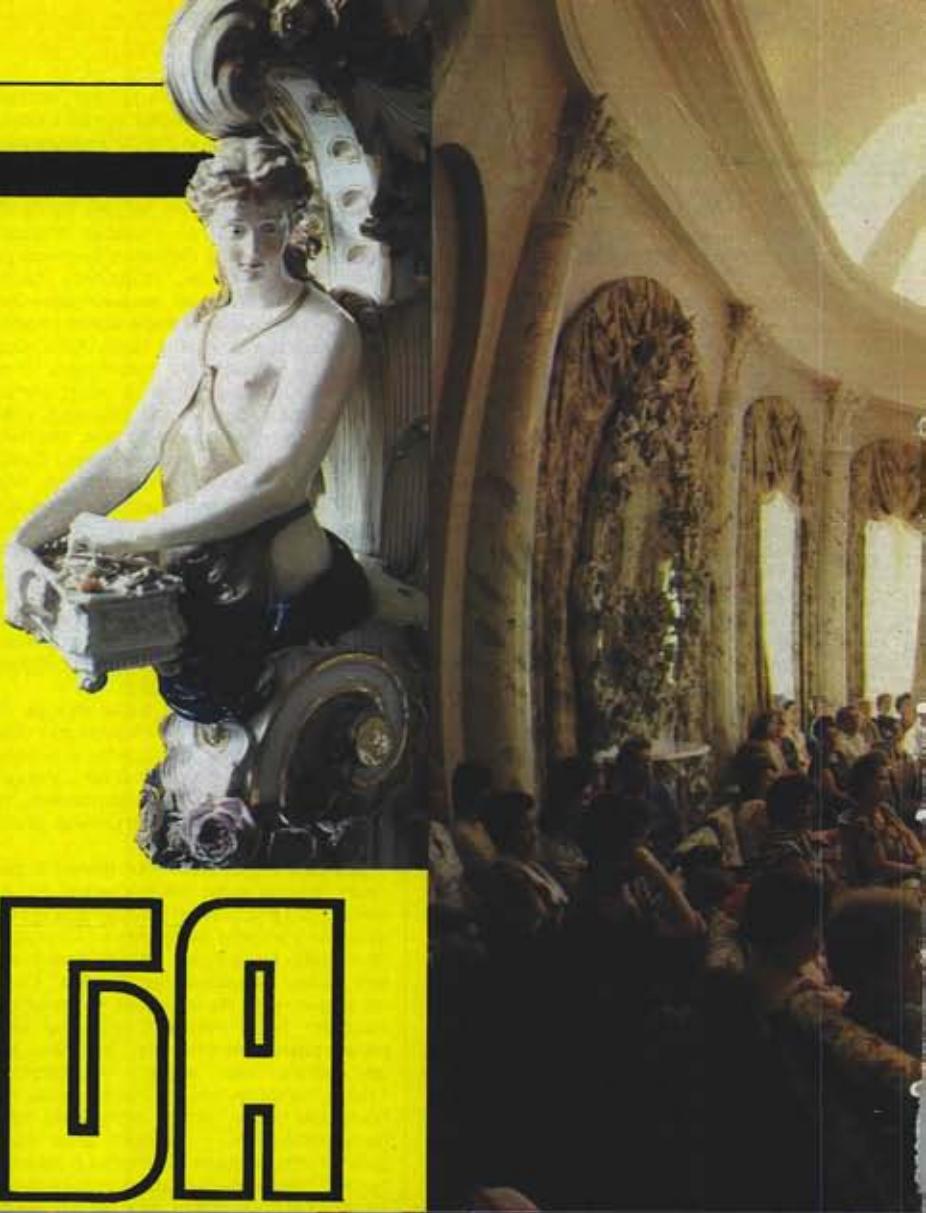

лось, найдена Карамзиным, как Америка — Коломбом, — писал Пушкин. — Несколько времени в обществе ни о чем ином не говорили...»

Однако еще в автобусе меня предупредили и аншлаг у ворот усадьбы подтвердил, что «на территорию Дома отдыха вход запрещен». Но, согласитесь, быть у самой воды и не напиться — обидно. Будка вахтера была пуста, и оставалось пойти наудачу в обход забора. А он был хороший: выше двух метров, глухой, железобетонный, без всякого намека на щели.

Пока шел, вспомнил другой, очень похожий забор — вокруг пионерлагеря — тоже на месте усадьбы XVIII века, куда наезжал в свое время Александр Васильевич Суворов и где, по преданию, посадил он молодой дубок. Нынешней раскидистый гигант, дуб этот

замшелых, толстых стволов шпилем высился обелиск В. А. Жуковскому, а под самыми окнами блестели глянцево четырехгранными красного гранита с золотым тиснением: «Н. М. Карамзину» и «Князю П. А. Вяземскому». Чуть поодаль черная колонна с бюстом сенатора П. П. Вяземского, а в конце аллеи, почти над прудом скромный обелиск А. С. Пушкина с надписью на постаменте: «Он жил среди нас...»

Эту аллею Пушкин назвал «Русским Парнасом», и недаром: кто из поэтов той поры не хаживал под сенью лип старинных (на много строк одних перечислений — и все какие имена)? Давно здесь не Парнас, а пантеон...

Обойдя «карамзинскую» березовую рощу, возвращаясь, вдохнув, кажется, того спокойствия, какое должен был ощущать историк после своих ежевечерних прогулок — перед тем, как засесть за рукопись. «Остафьево достопамятно для моего сердца: там мы наслаждались всей приятностью жизни», — подтверждает надпись на памятнике Карамзину. — Там текли средние, ёдва ли не лучшие лета моего века, посвященные семейству, трудам и чувствам общего доброжелательства, в тишине страстей мятежных...»

Насчет тишины страстей мятежных — это как? Да, он жил тут отрешенно, посещения докучали ему. Лишь самые близкие рисковали его навещать: Дмитриев, Жуковский, Пушкин (дядя). Да и с ними общение было затруднено. И. И. Дмитриев свидетельствовал (почти обиженно): «Ни об чем не мог думать, ни об чем не мог говорить, ничего не мог понимать, — кроме предмета своих занятий. Спал и видел только его, во сне и наяву». М. П. Погодин — один из первых биографов Карамзина — и через 39 лет, войдя в комнатку на втором этаже остафьевского особняка, словно бы увидел, как историк «в тиши уединенья читал, писал, тосковал, радовался, утешался своими открытиями, куда приносились к нему любезные тени Несторов, Сергиев, Сильверстов, Аврамиев, где он беседовал с ними, спрашивал о судьбах отечества, слушал внутренним слухом вечерний их голос и передавал откровения златыми устами своими». И снова Дмитриев: «Я видел Карамзина в этом виде: с поднятыми перстами и с пламенем в очах».

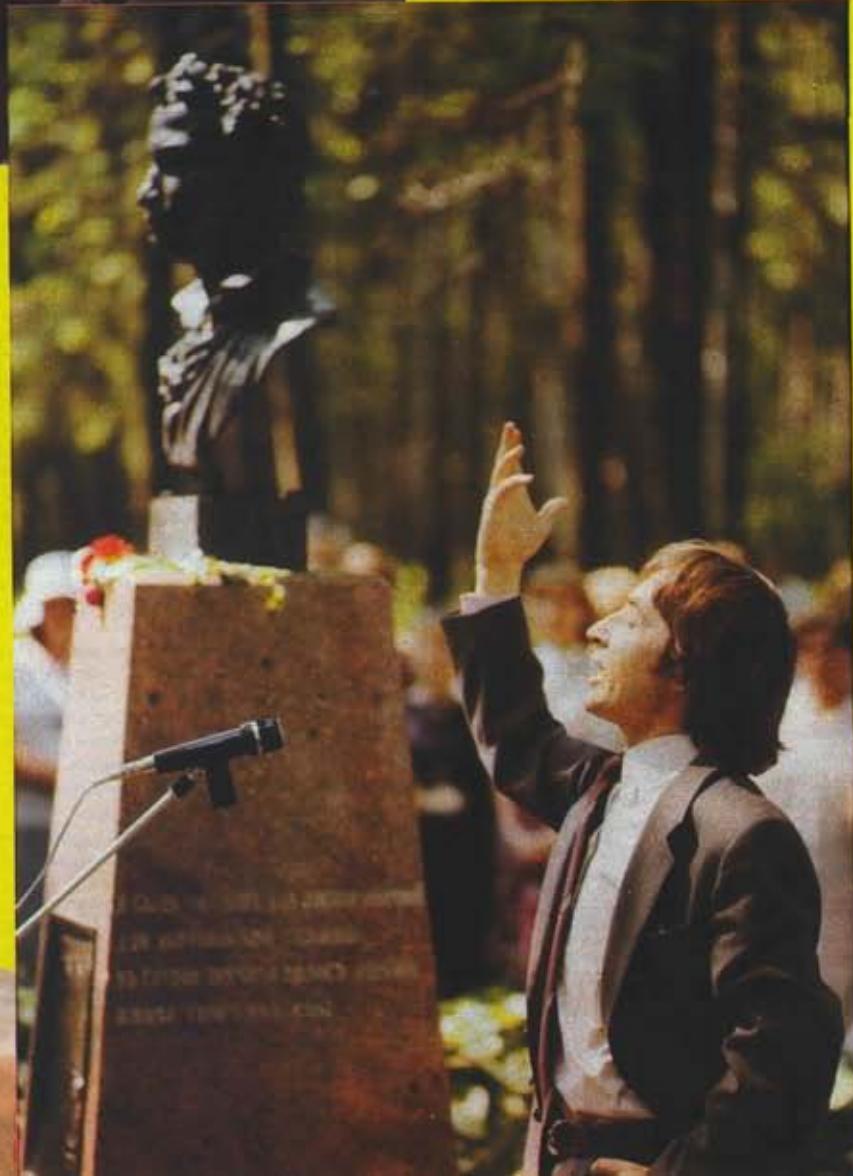
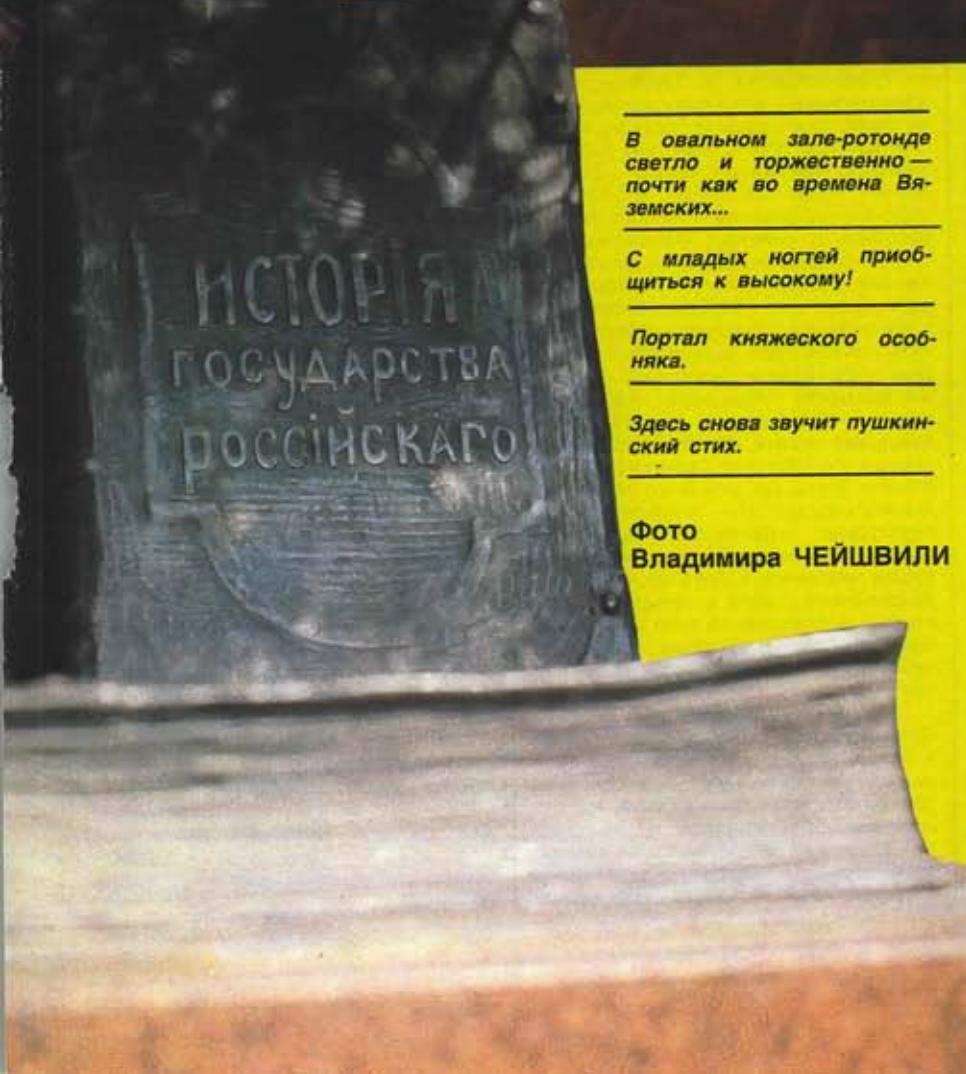
В овальном зале-ротонде светло и торжественно — почти как во времена Вяземских...

С младых ногтей приобщиться к высокому!

Портал княжеского особняка.

Здесь снова звучит пушкинский стих.

Фото
Владимира ЧЕЙШВИЛИ

«Ни о чем ином... Только его — во сне и наяву»...

Но довольно, пора возвращаться из первой трети XIX в последнюю четверть XX... От ворот мне навстречу уже спешил вахтер-привратник в окружении дворовых псов. («Ну и занес же черт в Остафьево, хоть сам нашептал: оставь его!» — мелькнуло в голове.) Путь к отступлению был отрезан.

— Ну вот, слава богу, нашелся человек! — улыбаясь дедок. — А то мне звонят, кто-то, мол, ходит по территории, все ходит и смотрит... Так что придется вам зайти к директору.

Я спросил: как его найти и чей же здесь дом отдыха? Оказалось, ХОЗУ Совета Министров СССР.

Директор был строг, но справедлив (видно, процедура выдворения незванных гостей для него дело привычное), посмотрев удостоверение, молвил:

— Журналисты, знаю, народ въедливый: порой в такие места проникают, куда другому просто не попасть. Это они молодцы, — и, заметив мою улыбку, добавил: — Нет, сюда-то лучше не надо, ни к чему. А вас, собственно, что интересует конкретно? История? Ну что ж, когда-то тут князья, графы жили, а после революции здесь дом отдыха. Так что история самая обычная...

Так кто же был строителем и первым владельцем остафьевского имения? Энциклопедии сообщают скромно: князь Андрей Иванович Вяземский, наместник нижегородский и пензенский, тайный советник и сенатор, отец поэта П. Вяземского. И далее следуют статьи о сыне и внуке, а о нем больше ничего. Что ж, быть отцом поэта — не так уж мало. Потому и хотелось узнать некоторые подробности.

Вообще-то род князей Вяземских восходит по прямой к Владимиру Мономаху. Кого только не было в нем за восемь веков! Здесь и Андрей — Длинная Рука, получивший в удел Вязьму и давшись имя роду, — погиб на Калке в 1224 году. И опричник Афанасий — «келарь» карающей братии Иоанна IV, не избежавший участия многих любимчиков грозного царя — умер под пыткой в 1570-м. И Никифор — наставник царевича Алексея Петровича, за что и поплатился головой в 1718-м...

История государства Российского... На какой странице ни раскрой — всюду кровь, кровь, кровь. Герои, палачи или их жертвы... Впрочем, такова при беглом взгляде история любой державы.

Возвращаясь к Андрею Вяземскому, отметим не только успехи его в службе, но и страсть к книгам — в собранной им библиотеке пять тысяч томов. Среди его приятелей немало литераторов, но особенно близки двое, ставшие на стыке веков законодателями литературного вкуса: Иван Дмитриев и Николай Карамзин. Чаще других они бывали в его столичном доме и позже в первопрестольной.

Еще не родились сыновья, чье поколение громко заявит о себе, заполнив своими именами столбы энциклопедий, те, что, с юности впитав либерализм отцов, наполнят его бунтарством своего века. Декабристы и поэты — вот цвет грядущего дворянства...

Но пока сами отцы еще молоды. Вольтер, дружеское общение у камина и европейское масонство (тогда еще далекое от терроризма, напротив — гуманинейший путь усовершенствования мира) — вот круг их бытия. Служба Отечеству и частная жизнь — все неразрывно переплелись: победы над османской Портой, проигрыши за ломберным столом...

Роман Андрея Вяземского с девицей Елизаветой Сиверс в Ревеле (где он командовал полком) имел несколько странное окончание: Елизавета Карловна вскоре вышла замуж, но не за князя — ему же оставила на попечение малолетнюю дочь Катерину (которая еще сыграла свою роль в нашей истории). Зато уж вояж в Европу «с деликатной целью» увенчался полной вик-

торией: холостой, но не бездетный князь встречает за границей замужнюю ирландку Евгению О'Рейли, влюбляется и добивается ее взаимности (а от ее мужа развода), увозит с собой и женится вопреки желанию родственников. Ей-то и суждено будет (под именем Екатерины Ивановны) стать матерью поэта П. Вяземского. После этого она проживет недолго и почти не оставит в детях памяти по себе.

В год рождения сына Петра (1792) князь Андрей покупает Остафьево под Москвой — в основном из-за липовой аллеи и пруда. Старую постройку безжалостно сносит и на ее месте возводит двухэтажный каменный особняк — по моде того времени, но и на века — с колоннадами до флигелей (а-ля Кваренги или Старов?), с овальной колонной залой, откуда дверь вела в липовую аллею, а за ней — парк с каменными беседками и гротами, пруд с купальными домиками и паромной переправой (многого из этого уже нет в помине).

Так что остафьевские окрестности Петруша Вяземскому памятны с детства: регулярный английский парк развили у него на глазах, в эту «карамзинскую» рощу отправляли его, совсем мальчика, в сумерках — дабы победил свой детский страх. Ну, а в пруд бросали, чтобы сам выучился плавать. И княжич стучал зубами в темноте, глотал прудовую тину ради отцовской причуды: воспитать отпрыска в спартанском духе. «Отец со мной был выскакивал и строг», — признавался Петр Андреевич. — Я более боялся, нежели любил его».

Странный все же человек был Вяземский-старший. Далеко еще не старый, прогрессивных взглядов, вроде заядлого читателя, сам дружный с писателями, а собственному сыну запрещал подобные занятия, вернее, не поощрял их, отдавая предпочтение точным наукам (в доме были разные физические приборы). И всячески пытался ограничить чрезмерное воображение наследника, сломить его своеобразие. Но не тут-то было: по натуре мягкий (спартанское воспитание потерпело фiasco), Вяземский-младший в этом оказался тверд, впервые, может быть, оправдав свое имя (Петр по-гречески — «камень»). Лишний пример, что силой от детей многое не добьешься.

Но до чего прихотлива порой судьба! Когда друг семьи, известный уже писатель Николай Карамзин посватался к старшей дочери Андрея Ивановича (той самой, рожденной в Ревеле и носившей лишь отчество, но не фамилию отца), десятилетний Петр вместе с младшей сестрой стали интриговать против жениха в пользу другого претендента: майора, приносившего детям подарки и разные сладости. И страшно подумать: а ну как интрига удалась бы — ведь много в жизни зависит от случая? Так и «Истории государства Российской», поди, не было бы? А в истории нашей словесности не было бы, возможно, дружбы Карамзина и Пушкина и не хватало бы одной главы о «потаенной любви» Александра Сергеевича. Но, к счастью, все было так, как было: Карамзин женится на красавице Катерине, поселяется в Остафьеве, начинает писать свою многотомную «Историю», а добрейший майор навсегда исчезает из истории.

Ах, если бы побольше понимал Петруша в ту пору да умел бы предвидеть судьбу, никогда бы не поплылся ни на какие прянки. Через пять лет уйдет из жизни князь Андрей Иванович, поручив другу и зятю опеку над сыном.

Родитель на одре болезни роковой
Тебя вверял меня хладеющей
рукой, —
напишет позже уже маститый поэт Вяземский, и это будет правдой, —
...О как исполнил ты содружества
завет,
Ты юности моей взлелеял сирый
цвет.
О, мой второй отец...

А Николай Михайлович не только хлопотал через влиятельных друзей о камер-юнкерстве для юноши, но и был его наставником в поэзии (ведь отцу, как мы знаем, не удалось отдать сына от сочинительства). Правда, первые свои опыты начинаящий стихотворец стыдился показывать «второму отцу», ибо знал отнюдь не понаслышке о взыскательности Карамзина к стилю, о чем даже ходили анекдоты: «Карамзин, некогда спрошенный, откуда берет он свой чудный слог, ответствовал просто: — Из камнина. Я бросаю в него, что написал вчера, и пишу заново — и снова бросаю. И так до тех пор, пока не сочту написанное достойным внимания».

А слог его был действительно гипнотический: иные несчастливо влюбленные московские барышни по прочтении «Бедной Лизы» шли топиться именно в пруд возле Симонова монастыря, описанной в повести. Не спешите обвинять их в наивности и легковерии — такая реакция скорее естественна. В пору увлечения Европы сентиментализмом (у нас его нарекут карамзинизмом, хотя Николай Михайлович не был зачинателем направления, но лишь первым среди равных), когда синематограф еще не изобретен, а журналистика в младенческом состоянии — немудрено, что жизнь большей части просвещенной публики была сугубо книжной...

Но совсем скоро главный труд жизни — первые тома «Истории» — пройдет испытание огнем отнюдь не каменным. Экземпляр, отданный в кремлевский архив, сгорит вместе с летописями в московском пожаре 1812 года. Но знать, и впрямь... «рукописи не горят»: именно в Остафьеве уцелели черновики, были спасены буквально чудом — чудом в лице двух иностранцев: швейцарки Бер, гувернантки детей Карамзина, и давнего жильца, видимо, беженца от якобинского террора, итальянца Батонди. История должна знать имена своих героев. «Девица Бер», — сообщал Петр Андреевич по возвращении с войны, — храбростью свою и благородствием защищала от врагов, более месяца беспрестанно набегавших, мою деревню и заслужила от крестьян прозвание храброй мамзели, а от меня беспрепятственную благодарность».

Лишь отступили французы, Карамзин опять в деревне, продолжает труд свой — он боится не успеть (вот уж поистине: «ни об чем ином»). Еще в 1811-м он отказался от предложенного губернаторства в Твери — мотив единственный: «Или буду худым губернатором, или худым историком».

И вот год 1816-й, воистину знаменательный. Карамзин привозит в столицу восемь томов «Истории», хлопочет об издании (Александр I освободил эту рукопись от цензуры). Карамзиновых поселяют в Царском Селе. Тогда же приехавший в лицей Василий Львович Пушкин организует встречу племянника с Карамзинным и Вяземским (Жуковский чуть раньше свел знакомство с «молодым чудотворцем Пушкиным» и тогда же призывал: «Нам всем надо соединиться, чтобы помочь вырасти этому будущему гиганту, который всех нас перерастет!»). Вот кто станет крестными отцами поэта. Да, это было особое духовное родство. И — завертелось! Литературные чудачества «Арзамаса», его войны с «Беседой...», дружеские пики, послания к друзьям, слезы неразделенной любви к женщине вдвое старше и ставшей по гроб жизни верным его другом. Первые эпиграммы, первые поэмы, первая ссылка... Кипучая, мятущаяся юность поэта.

...После того, первого посещения Остафьеву приходилось мне побывать в разных усадьбах, тоже используемых для сегодняшних нужд — в основном под санатории и дома отдыха. Но они проигрывают Остафьеву в ухоженности. Многим из них, кажется, не хватает лишь хорошего забора. Да-да. С одной стороны, хочется, чтобы люди ходили

и смотрели свободно. А с другой стороны, как уберечь заповедное место от порчи? От тех, кто идет сюда не с фотоаппаратом и этюдником, а с гвоздиком да с ножичком...

Санаторий «Быково» в бывшем дворце Воронцовых-Дашковых. Старинный парк, пруды с утками — красиво! На острокве — каменная баженовская беда-коттонда, недавно отреставрированная, свежепобеленная, а под куполом — слова, слова. Гвоздем, конечно (и чтобы дотянуться до потолка, нужно было встать на плечи приятеля-сообщника)...

Санаторий «Мцыри» в лермонтовском Середникове. Ножевые автографы всюду: на дубах, на пихтах, на скамейках в парке и даже на древнем вязе у церкви, в огромном дупле которого, как утверждают, юный Миша оплакивал первую сердечную драму и подсыпал первые рифмы. О горькая нежность потерь, о сладкая горечь стихов...

Нет, никакие запреты не в силах охранить, коли нет в душе благоговения, почтения к прошлому — единственного заслона кощунству. А уж почтение-то воспитывается отнюдь не бетонными заборами и не страхом перед запретами.

На память не одного поколения санкционированное уничтожение красоты и истории под знаком борьбы за чистоту идеи. К стыду своему, мы почти не знаем тех, кто в трудные годы пытался противостоять варварству. Это вслед им пришли люди, не заставшие взрывов, зато услышавшие голос совести и вышедшие в ночные пикеты — дабы отстоять хоть что-то, хоть как-то исправить ошибки отцов...

Сейчас такая волна пошла: всюду, где хоть раз останавливался Пушкин, музей открывай, — возмущался один из работников дома отдыха в Остафьеве. — Скоро их как грибов будет, без счета...

Ну, нет, это, нам, прямо скажем, не грозит. Сохранить бы те считанные места, где поэт действительно жил и творил. Хорошо бы не забыть и современников его, что помогли ему сберечь божий дар...

Петр Андреевич Вяземский — фигура более чем противоречивая в истории своего времени. До сих пор спорят, чего же в нем больше: вольнодумца и едкого сатирика (удивляются: как такое мог сказать князь?) или сановника, аполлогета самодержавия (возмущаются: и это — друг Пушкина?!). Вот вам два взгляда на один портрет, с дистанцией в сорок лет.

**Пушкина: Судьба свои дары явить
желала в нем,
В счастливом баловне соединив
ошибкой
Богатство, знатный род —
с возвышенным умом
И простодушие с язвительной**

улыбкой.

И В. Курочкина, переписавшего пушкинский панегирик в эпиграмму:
**Судьба весь юмор свой явить
желала в нем,
Забавно совместив ничтожество
с чинами,
Морщины старика с младенческим
умом
И спесь боярскую с холопскими**

стихами.

(«Эпиграфия Бавию», 1861)

В котором из них больше сходства с оригиналом — пусть рассудят потомки...

Прожил Петр Андреевич долгую жизнь, написал немало как поэт и критик; носил он, конечно, и вицмундир, но иначе, нежели в халате и на диване, его не представляю. Друзья не раз упрекали его в лености — он с готовностью ее признавал.

**Прости, халат, товарищ неги
праздной,
Досугов друг, свидетель тайных
дум,**
писал двадцатипятилетний Вязем-

**Прости! Тебя неверный друг
покинет... (1817)**

Но не покинул — и через 60 лет:

Жизнь наша в старости —

изношенный халат:

И совестно носить, и жаль оставить...

...И как боец свой плац,

простреленный в бою,

Я холю свой халат с любовью

и почетом. (1877)

Да, последний из парнасцев, он жил более прошлым, часто перебирая любимые реликвии, вспоминая старых друзей.

Язвительный поэт, остряк

замысловатый,

И блеском колких слов и шутками

богатый...

Ты право получил, благодаря судьбе

Невежество разить анафемой

игровой.

Это Пушкин — о нем. А что ж сам он писал в ту пору?

Давно ли ум с фортуной в скоре?

Давно ли честным быть смешно?

Давно ли искренним быть горе?

Давным-давно...

Или вот еще, из пожеланий Василию Львовичу Пушкину на Новый год:
**Пусть нашим цензорам дозволят
Дозволить мыслям вход в печать...**

Неплохо сказано, право. Умел же он ввернуть этакое бонмо — за что и уважали друзья. Но теперь-то, когда сам глава цензурного ведомства и товарищ министра — не дай бог подчиненные узнают. Как там дальше-то?

**Исправники в судах исправны,
Полковники не палачи,
Министры не самодержавны,
А стражи света не съчи...**

И тому подобное. Так и кажется порой, кто-то другой писал:

**Бог голодных, бог холодных
Нищих вдоль и поперец,
Бог имений недоходных,
Вот он, вот он, русский бог.
К глупым полный благодати,
К умным беспощадно строг,
Бог всего, что есть некстати...
Бог всех с аненской на шеях,
Бог дворовых без сапог...**

Да вы ли это сказали, князь Петр Андреевич? Вы, вы — не отпираться. (Через 34 года стихотворение впервые будет напечатано в Вольной русской типографии А. И. Герцен в Лондоне. Карл Маркс просит сделать для него перевод «Русского бога». Сам же обер-шенк двора и сенатор Вяземский не подпишется под сим грехом юности. «Раскаившимся сатириком» назовет его Герцен.)

...Октябрьская звездная ночь 1857 года. Умирающая луна над Осташевом навевает грусть. Ему 65, жизнь кажется обузой, как и служба, — чуть отвлекают лишь зарубежные путешествия, но и они приезжаются. И сюда, в имение, уже не тянет, как прежде. «Белеет над прудом пристанище молитве, дом божий, всем скорбям гостепримный дом». Здесь за церковной оградкой похоронены почти все его дети... Свет луны осыпал пеплом бельведер на крыше и, расчесанный гребнем колоннады, лег меж лиловых шеренг. — Всех друзей тоже проводил в последний путь. А теперь вот словно все они выстроились тут в аллее — пантеон российской словесности. 30 лет как нет Карамзина, потом ушел Грибоедов, 20 лет как прошли с Пушкиным и Дмитриевым, за ними следом, почтитай, Денис Давыдов, а через пять лет разом Крылов и Баратынский, потом Языков, пять лет назад Гоголь и Жуковский и совсем недавно — несчастный Батюшков. Упокой, господи, их душу. — Шуршит под ногами опавший лист. — Теперь вот с Тютчевым вместе хлопочут об издании сочинений Пушкина. Эх, Пушкин, зачем не послушал ты наших советов? Пожил бы еще. Все гордяня наша!

— Мы еле заставили его умереть по-христиански, — проговорился тогда император, послав умиравшему высочайшее прощение за дуэль, и добавил: — Бог с тобой, Жуковский, даже не проси.

для его жены и детей его я готов сделать все, будь уверен, но к самому Пушкину писать, как к Карамзину, не стану — тот жил и умер, как ангел. А этот...

Но зачем приехал он в родовое гнездо — ворошить прошлое, бередить душу? Кто его ждет здесь, кто встретит у порога? У сына Павла давно своя жизнь, свои интересы, свой круг — в основном учения братия. А давно ли, кажется, ребенком приставал он здесь к Александру Пушкину, прося что-нибудь написать в свой альбом?

Итак, решил я снова побывать в усадьбе Вяземских, узнать: не переменилось ли что за четыре года? Со звоном прежде с музеем А. С. Пушкина, где меня заверили, что у них не бывает трудностей с посещением Осташева и что там теперь новый директор. Но раз обожглись, вечно будешь дуть — звоню этому директору.

— Пожалуйста, — отвечает, — все, что на территории — памятники и прочее — можете посмотреть.

— А внутри? Карамзинскую комнату, например...

— Нет, вот в здание ни в коем случае.

— Что так?

— А вдруг вы инфекцию занесете, мы же за отдыхающих отвечаем.

— Но в будни ведь нет отдыхающих?

— Все равно, нам категорически запрещено пускать посторонних...

Забор стоял все так же непоколебимо и железнобетонно, и ворота были все те же. Прежний директор, пожаловался местный старожил, ушел, так и не сделав калиточки на территорию — для местных жителей. А обещал ведь. Новый же директор Виктор Павлович Булганин, тот и не обещает.

— А зря, хорошо бы, — считает вахтер Валентина Михайловна Лапшина. — Все было б куда зайти ребяткам из поселка, а то ж бедным просто некуда податься.

— Ну да, — возражает аноним, тот самый, который боится избытка пушкинских музеев, — только сделай открытый вход — враз все вытопчут. Тогда все старания насмарку: понадут из Подольска, из Москвы — порядка не жди. Видели таблички, что посторонним рыбу в пруду ловить запрещено? А рыбаков на льду видали? То-то и оно. Но это хоть местные, а то ведь одно время повадились подольские, стали рыбьи багрить...

Неужели и рыба есть? В таком-то прудике?

Он, с гордостью: — А как же? Одно время тут министр рыбного хозяйства жил, так в пруд запустили белого амура.

— А, тогда понятно.

— Конечно, наша организация все же побогаче. А если передать, как вы предлагаете, под музей, откуда у него такие средства — тут ежегодный ремонт в копеечку обходится. У нашего управления все-таки и стройматериалы под рукой, и краска. Где все это будет доставать, отдел культуры, не представляю... И притом учите, тут у нас большое присадебное хозяйство, тут нам квартиры строят. Куда от всего этого поедешь?

— Зачем же переезжать? Выстроите новый корпус под пансионат, как уже построили Дом культуры и детсад...

Здесь-то и начинается самое интересное. Как рассказала и. о. главного инженера дома отдыха В. П. Лопухова, было уже созвещение с участием руководящего звена хозуправления Совмина и подольского отдела культуры, давно претендующего на этот старинный особняк, чтобы открыть в нем филиал областного музея краеведения. В обсуждении участвовала и Т. В. Голубцова, бывшая тогда заместителем министра культуры СССР. Итогом разговора было... Ну вроде бы что может быть итогом давнего спора с привлечением такого заинтересованного арбитра, как Министерство культуры? Ах нет, замми-

нистра продемонстрировала в данном вопросе беспристрастность и объективность. Узнав, сколько стоит ежегодный косметический ремонт здания, а тем более предстоящая капитальная реставрация (да еще нужно изыскивать средства на строительство нового корпуса для дома отдыха), посоветовала она отделу культуры навсегда оставить свою идею. Владеть княжеским особняком — не по карману.

Что ж, совет мудрый, но прежде чем воспользоваться им и навсегда оставить любые идеи, попробуем разобраться в некоторых «почему». Для себя хотя бы, там ведь уже все решено, есть уже смета работ по капремонту и реставрации на 1991 год.

Правда, подробностей того исторического совещания Валентина Петровна поведать не могла, так как сама не присутствовала на нем, а с Виктором Павловичем встретиться снова не удалось, по телефону же он ответил просто, что вовсе не обязан помнить все и заниматься этим ему некогда...

Кстати, от Валентины Петровны тогда и услышал, что они-то вовсе не против поменять свое старинное здание на другой, более современный корпус, со всеми удобствами. «Пусть построят в нашей зоне — пожалуйста, передадим».

Отлично! Значит, не из-за чего и копья ломать? Только непонятно, почему строить новый корпус должен кто-то другой, а не само ХОЗУ (организация богатая стройматериалами, техникой)? Да очень просто: выселяете — предоставьте другую площадь, такой закон. Но разве, получая в аренду (то есть во временное пользование) это здание, управление отдавало взамен что-нибудь?

Когда в конце 20-х М. И. Калинин, живший по соседству, приглядел особняк под санаторий ВЦИК, разве шел разговор о компенсации музею-усадьбе? Нет, конечно. Просто убрали роспись купола овального зала, перестроили колоннады под жилые помещения. Собрание картин, минералов, оружия, коллекцию фарфора, раритетов пушкинской поры — в общей сложности на два музея, кроме того, богатейшую библиотеку, собранную тремя поколениями князей Вяземских, почти всю мебель — куда все это дели? Распихали по разным музеям, а ценнейший оставьевский архив перевезли в соседнее село — чтобы не мешал. Собрал эти ценности под своей крышей последний из Вяземских, Павел Петрович, — филолог и историк, основатель «Общества любителей древней письменности», а по его смерти бережно хранилось все детями и внуками из рода Шереметевых...

И когда сразу после Великой Отечественной военный госпиталь выезжал из усадьбы, тоже, понятно, никто не толковал о компенсации. Да и о музеях ли в ту пору думали? Другие были нужды, другие заботы... Но теперь-то — через 40 лет с лишним, да еще в свете поворота сознания нашего поколения к истории — отчего бы не вернуть снова усадьбу музею?

Только почему, собственно, районный отдел культуры, почему краеведческий музей? Если в районе нет подходящего помещения для хранения бывшей ма-монта, то при чем здесь Осташево? Сотрудники дома отдыха верно заметили: пусть себе отреставрируют одну из запущенных церквей и используют. Вон сколько по району.

И ведь верно, памятники архитектуры как раз по ведомству отдела культуры. Отреставрировать каждый такой — благое дело. Нет средств? А как же они рассчитывают поддерживать усадьбу в должном состоянии? Это же недешево...

Действительно, не может же дом отдыха нести ответственность за все, что вокруг: за окрестных детей, которым некуда податься, или за Троицкую церковь, что через дорогу, — «памятник ар-

хитектуры XIX века», который хоть и «охраняется государством», но имеет довольно жалкий вид.

Теперь вопрос Министерству культуры. Неужели, выходя на столь ответственный разговор о музее, оно совсем не представляло, что почем и есть ли у райотдела средства? Да, Осташево более иных мест имеет право стать музеем, нет, не Вяземского и не пушкинских посещений даже, — памятником культуры двух веков и четырех поколений, собравших и сберегших наследие. Только это не районный и даже не областной уровень.

Что с того, что Вяземский живал тут не всякое лето, а Пушкин вообще наезжал сюда раз три-четыре. Куда меньше, чем Василий Жуковский, Александр Тургенев или Денис Давыдов, зато больше, чем Батюшков и Гоголь, Грибоедов и Мицкевич. Говорят ли о чем эти факты? Тут был Российский Парнас — вот единственно важное. Пушкин, приезжая сюда, знал, что встретит братьев по духу, что тут можно говорить все, можно слушать и читать «крамольные» стихи. И спорить, спорить. О Екатерине Великой и Пугачеве, о Потемкине и Фонвизине, о друзьях декабристах и положении в Польше. И, конечно, о Карамзине, чей дух, кажется, витал над окрестностью. А ведь сперва Пушкин не принял «Истории», активно, юношески максималистски:

**В его «Истории» изящность, простота
Доказывают нам,
Без всякого пристрастия,
Необходимость самовластия
И прелести кнута.**

Понадобятся годы, чтобы дорасти до зрелого понимания, что труд сей — «не только создание великого писателя, но и подвиг честного человека». Последняя пушкинская оценка совпадет едва ли не буквально с восторженным отзывом другого современника: «Русский народ достоин знать свою историю. История, Вами написанная, достойна Русского народа». Это слова Николая I из рецензии на имя Карамзина: «И за покойного государя, и за себя самого, и за Россию изъявляю Вам признательность, которую Вы заслуживаете и своей жизнью, как гражданин, и своими трудами как писатель»... В этом мнении они сошлись, да только ярочли они «Историю» по-разному: первый напишет «Бориса Годунова», а второй подпишет приговор декабристам...

Но меня все преследует вопрос анонима: зачем нужен еще один музей? Однажды академика Д. С. Лихачева спросили: чем он объясняет нынешний интерес к отечественной истории? Что это, мода или поворот в сознании многих людей?

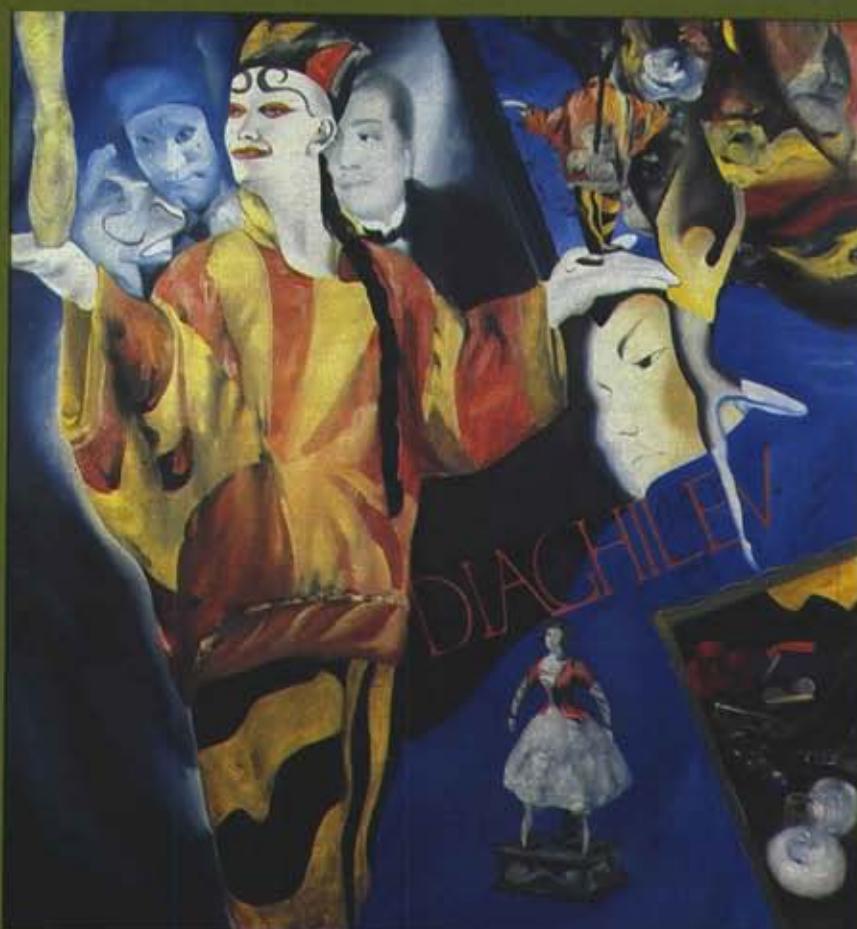
— Нет, это не мода, — ответил он. — Просто мы уже дошли до крайности в своем небрежении прошлым... Дальше пути нет — тупик.

Кое-что переменилось в Осташеве. Теперь в дни рождения Пушкина все же открываются ворота на территорию заповедной усадьбы и сотни людей отовсюду съезжаются сюда: выступают с речами, читают стихи, школьники приобщаются к славному наследию. Словом, все, как положено в Пушкинские дни. Но одного, даже большого праздника все равно мало на всех желающих. И на встрече руководства дома отдыха с представителями Министерства культуры тоже оговаривали «определенные дни каждого месяца», когда бы ворота эти были открыты для экскурсантов. С того обсуждения прошел уже второй год... И упорство Совмина здесь можно понять: каждая экскурсия ломает режим отдыхающих. Стоит ли мешать им? Не кроется ли тут ответ и на наш вопрос: а нужен ли музей?

Нет, это не вопрос. Вопрос в другом: как учиться истории, если на историко-культурные объекты вечно не хватает средств? Где ж учиться культуре, когда история — наша память и боль — за бетонной стеной?

ДАРЬЯ СЕМЕНОВА:

"ВЫРАЗИТЬ ХАРАКТЕР"

Дипломная работа выпускницы Суриковского института Дарьи Семеновой «Групповой портрет первых комиссаров» сейчас находится в музее истории Ленинграда. На выставке русской и советской живописи в Париже в 1982 году молодая московская художница стала лауреатом премии Салона французских художников.

Когда в прошлом году «Смена» в одном из номеров поместила портрет «Левица», многих он возмутил — как Семенова посмела показать прекрасное лицо талантливой певицы Пугачевой! И невозможно было объяснить, что для художника важно передать свое видение человека, то, как Ты его чувствуешь, Ты воспринимаешь. Выписать интерьера, одежду, черты лица и заставить зрителя всплескивать руками в восторге: «Ах, как похоже» — невелика заслуга. Художник в этом случае выполняет роль наблюдателя, фиксирует беспристрастно изображаемое, а ведь это функция фотографии. Для меня важно было показать Пугачеву — человека сильного, и в то же время не лишеннего обычных человеческих слабостей, подчас даже растерянности. Показать женщину — наскрившую в своих порывах, честную в проявлениях чувств.

Недавно я закончила работу над портретом другой женщины, перед которой преклоняюсь — Майи Плисецкой. Изящество, благородство, необъюнивленная женственность и в то же время мужество, упорство в достижении поставленной цели. Это ли не характер, не личность, достойная уважения!

Не могу сказать, что Майя Михайловна полностью согласилась с моей трактовкой. Но ведь это МОЕ понимание личности. Этот портрет будет выставлен на одной из ближайших выставок.

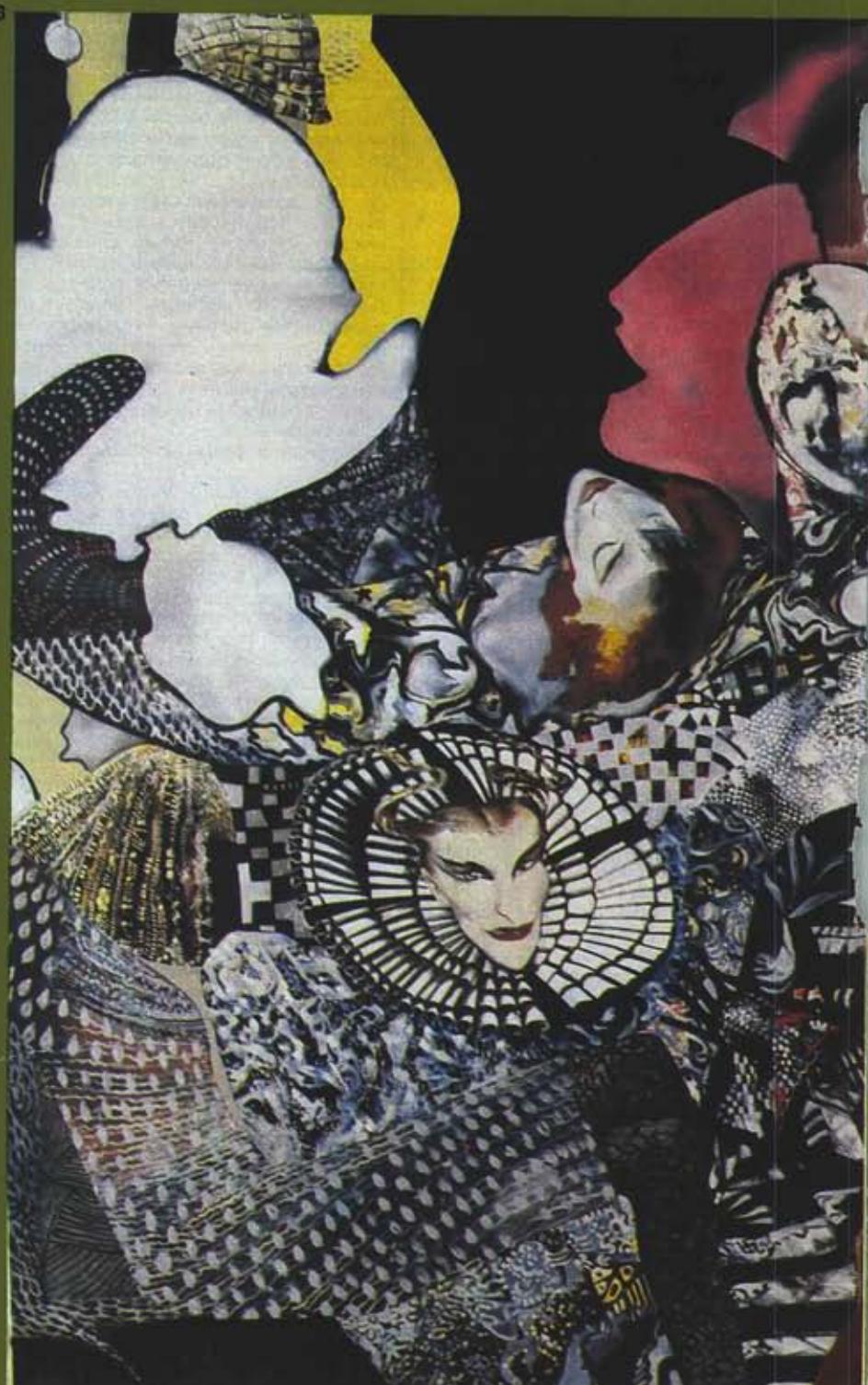
Но, если говорить честно, в последнее время я разлюбила выставлять свои работы. Понимаю, что художник не может существовать без зрителя, который питает, заряжает своими биотоками, дает толчок новым мыслям. И все же... Обиды слишком долго живут в нас... Конечно, все знают, что есть такие профес-

ции, где пристальное внимание коллег к твоей работе способно надолго выбивать из творческой колеи. Подчас лишать радости творчества. К сожалению, я не застрахована от подобного чувства. Назовем его «ревностью к успеху коллеги». Верно говорят, что иногда успехи товарища огорчают больше собственных не приятностей. Но понимая это, стараюсь честно относиться к «товарищам по цеху». Подавить в себе это постыдное чувство. Работы других художников мне интересны, интересно, что они говорят, на каком языке, кому. Даже если я вижу ложь, подтасовку, стараюсь понять, зачем это сделано. Но, впрочем, это уже другой разговор, далекий от искусства. Вообще же в советской живописи сей-

час многообразие стилей. Прекрасно. Выбор развивает понимание, заставляет задуматься. А время — лучший судья — покажет, какой из стилей имеет право на жизнь, какие картины станут историей искусства.

И все же как часто мы, художники,ываем нетерпимы друг к другу. А уж кому-кому, а художникам известно, сколько сил, времени, эмоционального заряда вкладывается в работу! Затем ждешь, ну если не доброго слова, то хотя бы доброжелательного разбора, рад бы и критическим замечаниям, но обоснованным. Увы. Профессионального разбора редко добиваешься от «собратьев по кисти».

Никогда, кажется, не забуду свою первую персональную выставку

1. Аукцион.
2. Русские узоры.
3. Модели сезона.
4. Майя Плисецкая.

Фото
Владимира ЧЕЙШВИЛИ

4

в Экспериментальном зале Ленинградского союза художников. Сколько певала надежд! И что же? На закрытии выставки совершенно случайно услышала слова, глубоко потрясшие меня: «Позорища, конъюнтура! Неужели и она член Союза художников?» Конечно, не мне судить о достоинствах и значимости моих работ. У каждого свое восприятие. А ну да бог с ними... Трудно говорить об этом. Хотя, если честно, нет-нет, да и всплывают вопросы: «Откуда это неприятие? Почему происходит прямо-таки уничтожение друг друга?» Выставка в Ленинграде была рапортажная, журналистская, как говорится, «на злобу дня»: графические портреты, живописные холсты из Афганистана и Никарагуа. Подобные «журналистские» работы почему-то воспринимаются коллегами как попытки сделать карьеру. Только непонятно на чем? Работы,

представленные на той злополучной выставке, дороги мне. Это мой отчет о поездке в Афганистан и Никарагуа. Меня часто спрашивали: «Не страшно было?» Ведь и убить могли. И стреляли, можно сказать, рядом. Солдаты часто просили написать их портреты. Все делаешь как можно быстрее, а вот вернуть его готовым порой и некому...

Эти поездки много дали мне. И не только в творческом плане. Я лучше поняла себя. Оценила свои силы. Я уехала в то время, когда казалось, что жить, собственно, не стоит. Знаете, бывает так — черные дни бесконечной полосой... И никакого просвета. И только там я осознала, что бывают ситуации, когда личные неприятности просто ничто, и даже горе отступает перед каким-то высшим смыслом — долгом, ответственностью...

Записала Елена КОНГАЛЕВА. 21

"ВСЕ ПРАВИЛА"

БОРИС СЛУЧКИЙ

Право галочки. Право ставить синих птиц или красных птиц.
Право выпустить галочек в заводы подготовленных кем-то страниц.

Странно право жизни и смерти в наше время выглядит. Смертьте право галочки. Точно оно праву жизни и смерти равно.

Обладал и я этим правом на прекраснейшей из планет. В свежем кителе, с видом бравым я решал, кому жить, кому нет.

Осторожно, спокойно, ловко дурака я такого валил: птичке скручивалась головка, клонуть птичке — не позволял.

Перемешаны кричащие и правда. Просочилось добро сквозь зло. Это все чистейшая правда. Был я молод, и мне — взло.

ЗАВЕРШЕНИЕ ОПЫТА

Доделаем эксперимент. Проверим предложенный метод. Пока не доделаем этот, не нужно других перемен.

То время давно отшло, то время свое открипало, когда начинали сначала с утра. Каждый день. Набело.

Нам опыт дается с трудом. С усилием нитка прядется. Мы строим единственный дом, в котором пожить нам придется.

Опять затевать перемеры параметров духу не хватит. Доделаем эксперимент — детали потомки отладят.

Господи! Время выдели: не пожалеешь, бог. Все, что глаза перевидели, пересказать бы смог, кроме большого пропуска... (Что же поделаешь с ним — бог не имеет допуска к нашим делам земным.)

Бог не бывает допущен, бог за дверьми стоит, когда на дуэли Пушкин в тридцать семь убит.

— Подравняйся! — Не пожелал подравниваться.

— Стройся! — Не захотелось строиться.

Образ вовсе не такого равенства у меня в мировоззренье кроется.

Не казарма с казнами и казнами и с неоИванушками Грозными и не банок полка или рота с равенством сардинки или шпрота!

Я вам не штампованный пятак. Если так, то я — не так.

Что полцарства! Коня — не стоит. Не советую никому. День грядущий уже готовит царство целое мне одному.

Неужели возьмете полцарства и слизойдете до веряка? Отвечайте так: благодарствуя, вы напали на недурака.

То ли в жизни еще бывает! Так ли я временами играл! С неба мой журавль приплывал, а синицу я в руки не брал.

СТОЛ В ОКНЕ

Бетонный стол поставили в окне. Торчит он между мной и небесами. А что от них осталось мне, об этом умозаключайте сами.

Перечеркнул пространства синеву. В окно глядит, не скажет «здравствуй». Отныне в перегулке я живу, а прежде в звездном обитал пространстве.

Когда в окошке дерево росло и зеленело или облетело, оно напомнить не могло число, цифры, штампованные из металла.

Фонарь не прибавляет свету мне: я обходился звездами с луной. Бетонный стол поставили в окне. Меж вечностью поставили и мною.

МНОГОВАРИАНТНОСТЬ ИСТОРИИ

Туповатые лица этрусков... В историческом

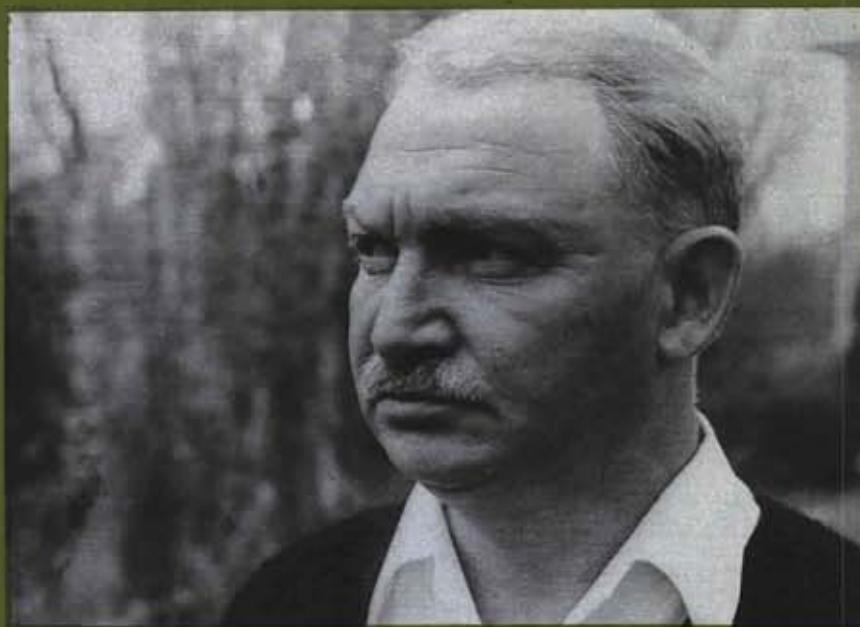

фото из архива Б. Служского

ходе
утруски
этых вытрясли. Целый народ.
Сколько было, а словно и не было.
Нет, не пощадило их небо,
а могло бы — и наоборот.

Если б дрогнули римские рати,
левый фланг или правый фланг,
а не потрудились ради
скоротечных и вечных благ —
в туповатых этруских лицах,
никому не известных никак,
узнавали бы лица великих
мудрецов,
знаменитых всяки.

Потому не за страх, а за совесть
укрепляя обороноспособность,
деловито ли, воровато,
но стараясь, покуда живой,
чтоб из множества вариантов
отбрала история твой.

Будто ветер поднялся,
до костей пробрали
эти клятвы всех и вся
в верности морали.

Все-таки чему верны?
Не традициям войны
и не кровной мести —
согести и чести.

Это все слова, слова,
но до слез задело,
но кружится голова.
Слово тоже дело.

Смирно мы стояли. По команде.
А когда командовали «Вольно»,

вольничали тоже по команде,
смирно вольничали мы нивольно.

Эта точность, воинский порядок
нас в такое чувство приводили,
что гражданское, как непорядок,
в качестве примера приводили.

Старичок семидесятилетний,
непорядочный и лицемерный,
прославлялся, словно дождик
летний,
в лексике цветистой и чрезмерной,
в лексике барочной
прославлялся старичок порочный.

Вспоминаешь, горестно хохочешь,
бытием не оправдать сознанья.
Подбирать не хочешь
рифмы к этому воспоминанию.

Всегда над нами что-то есть.
Наш потолок. Чердак. И крыши.
Хотите — можете залезть
на крошки ржавую. Но выше

теперь окажется Кавказ.
Ну, что же! Поднимайтесь в гору!
Но реактивному мотору
дано подняться выше вас.

Пойдете на аэродром,
взьмется лайнер в небо. Вы же,
вы в мире все-таки родном
пока останетесь. А выше

иные движутся миры,
бесстрастной силой кружимы...
Удалены, недостижимы,
да будут вам они милы!

Всегда над нами что-то есть.
Нам все-то низко, все-то тесно.
И это делает нам честь.
И нам и страшно, и чудесно.

-НЕПРАВИЛЬНЫ!

ДИСКУССИЯ У КОСТРА

Заявляет он мне с тревогою,
что не учится изнанусть
из последних стихов очень многое:
— Нет, не учится, как ни тщусь,
как ни тщусь и как ни тружусь.

Что-то новое в воздухе носится,
признаю, но не сознаю —
он ко мне хорошо относится:
словно человек к соловью.

к соловью, издающему трели,
но пронзительные, словно дрели.
Отводя их рукой, как мошку,
снова тянется он к вешмешку.

В вешмешке же тот самый Блок,
что продрался сквозь века чащобы.
И на каждой колючке — клок,
по клоку всем геологам чтобы!

Я химфизики не понимаю,
я физхимики не признаю,
урбанизмом его донимаю
в этом дальнем и скучном краю.

Физик-химик-биолог-геолог,
но стихов у него много полок,
и хорошие это стихи:
без грухи, чепухи, шелухи.

Вот он, вкус его,
с предпочтением
вечных рифм типа: новь-кровь,
образованный долгим чтением
изнанусть
у многих костров,

образованный шелестом чащи,
тем, что книжный шкаф — вдалеке,
но что с книгой видишься чаще,
если носишь ее в вешмешке.

Он, усатый и бородатый,
внемлет, голову наклоня,
затянувшейся цитатой
он воспринимает меня,

водопада слышавший воды,
от которых ломит висок,
он готов и водопровода
слышать тоненький голосок.

Много псевдонимов у судьбы:
атом, рак, карательные органы
и календари, с которых сорваны
все листочки. Если бы, кабы

рак стал излечим, атом — мирным,
органы карательные все
крестиком отчеркивали жирным
нарушены знаков на шоссе,

вслед за тридцать первым декабря
шел не новый год —

тридцать второе,
были б мудрецы мы и герои,
жили б очень долго и не зря.

Но до придорожного столба

следующего

все мои усилия,
а затем судьба, судьба, судьба —
с нею же не справлюсь, не осилю,
а какую надпись столб несет,
это несущественно, не в счет.

СОДЕРЖАНИЕ ИСТОРИИ

Ах, история, ах, чудеса!
Впрочем, если от дела не бегать,
всех уроков-то — на два часа.
Третий час уже ничего делать.

Сколько там ни листай фолианты,
ни выслушивай их голоса —
не умножаются варианты.
Всех уроков — на два часа.

Но какая прекрасная мука,
наслажденье какое уму
думать:
все-таки это — наука,
учит все-таки
кое-чему.

Если с толком мозги раскинуть,
можно новых дорог не торить,
можно все ошибки людские
изучить и не повторить.

НЕСКОЛЬКО ИСТИН

Несколько мыслей,
несколько истин.
В детстве они показались мне
выспренними.

После встречались они на пути
в прошлом,
в притче,
в заповеди.

Мало их было
с первого взгляда:
несколько истин!
А много ли надо?

Старше и опытнее
становясь,
я почему-то почувствовал связь

с ними, зазубренными в школе,
с ними, забытыми, только на волю
я соскочил со школьной скамьи.
Вдруг я допонял:
они — моя.

Выспренность — искренность
обернулась.
Пропись, как перепись стала проста.
Вдруг разогнулась былая сутулость,
стало понятно: она — высота.

Вызубрить и позабыть и принять
где-нибудь в третьей трети пути
к тем же потерянным в детстве
словам —

грустное счастье, прекрасная мука.
Лучший пример, всем наукам наука.
Большего не пожелаю я вам.

Публикация Юрия БОЛДЫРЕВА.

Олег ХЛЕБНИКОВ

Спустя годы эта встреча мне стала
казаться одной из самых важных
в моей жизни. А тогда я просто очень
волновался.

Стояла снежная и теплая московская
зима 1975 года. Я приехал из Ижевска
на студенческие каникулы и сразу же
позвонил в «Альный парус» «Комсомольской
правды» — единственное место
в Москве, где меня ждали. Чуть больше
года назад мои стихи неожиданно для
меня (их послали друзья) появились на
этой странице для старшеклассников
в «Комсомолке», а вскоре из «АП»
пришло письмо с предложением приезжать
в Москву и дружить. Вот я и приехал. Тогдашний капитан «Ального паруса»
Юрий Щекочихин и зав. школьным
отделом Геннадий Жаворонков посмотрели
мои новые стихи и переглянулись: «Ты уже договорился?» — спросил Юрий, «Завтра пойдем», — ответил Жаворонков.

И наступило завтра. Я понимал, что
в этот день меня должны «показать»
какому-то большому поэту, может быть,
даже... Я строил радужные планы,
представляя, как познакомлюсь с тем,
чьи стихи любил тогда больше всего,
как скажу ему об этом, а он в беспро-
спектном своем литературном одиночестве
обретет, наконец, если уж не достойного друга-соперника, то по мень-
шей мере долгожданного поэтического
сына... Когда мне сказали, что мы идем
на семинар при МГК ВЛКСМ к Борису
Слуцкому, я был разочарован. Конечно,
я знал, что это хороший поэт, но стихов
его читал мало и помнил в основном то,
что в «Лошади в океане», «Кельн-
ская яма», «Физики и лирики». Правда,
еще мне нравились строчки Слуцкого про то, что «интеллигентнее всех
в стране девятнадцати», но на сколько же
больше строк я любил у другого поэта!

Когда мы с Жаворонковым вошли
в комнатку, где должен был начаться
семинар, я впервые увидел Слуцкого.
И испугался. Выглядел он очень внушительно,
смотрел сурово из-под седых
насупленных бровей, высокомерно, как
мне показалось, запрокидывал седую
голову назад, говорил отрывисто, рез-
ким голосом.

Жаворонков подошел к нему и что-то
сказал — явно про меня. Слуцкий, по-
слушав, редко останавливал его и начал
семинар. Я понял, что ничего хорошего
ждать не приходится, может быть,
даже меня вообще не станут здесь слушать.
И точно. Занятие Слуцкий начал
с опроса своих семинаристов, написали
ли они что-то новое. И было ясно, что
это затягивается надолго. «Ладно, послуша-
ю же интересно», — подумал я.
Как вдруг он сказал: «Кто тут Хлебников?
Выходите».

На ватных ногах — что называется,
под коленками тошило — я вышел

к столу, за которым сидел, а точнее
сказать, над которым как-то склоно-
разно возвышался Слуцкий: «Читайте,
только внятно и членораздельно!»
Я начал Боковым зренiem видел, от
волнения неправдоподобно близко, что
жесткие усы Слуцкого при моем чтении
то поднимаются, то опускаются. Не
было никаких сомнений, что эти видо-
изменения впрямую связаны с оценкой
стихов. Только как? То ли когда усы
вверх — ничего, сойдет, может быть,
даже нравится, то ли — когда вниз.
«Еще!» — периодически говорил Слуц-
кий. И опять-таки было непонятно, что
это значит: может быть, он хочет оты-
скать хоть какую-то защелку, чтобы не
убивать меня до смерти?

Наконец, я отчитался и Слуцкий стал
задавать вопросы. Еще никто и никогда
меня так подробно не опрашивал. Его
интересовал буквально все социаль-
ное положение моих родителей, будущая
специальность, любимые книги, цель
приезда в Москву. Тут для солид-
ности я почему-то решил не признаваться,
что приехал прежде всего «себя
показать» и других «посмотреть»:
я вспомнил мелков поручение, получен-
ное в родном Ижевском механическом
институте, и стал путано объяснять, что
именно я должен в Москве сделать —
для пользы науки, чтобы не осталось
никаких сомнений, какой я одновремен-
но физик и лирик.

Но вот эта пытка кончилась. И нача-
лась другая Слуцкий стал спрашивать
буквально у каждого участника семина-
ра мнение о моих стихах. До сих пор
думаю, что его собственное мнение во
многом зависело от того, что скажут
уважаемые им «семинаристы»...

Но по крайней мере худшего не про-
изошло: меня не выгнали. И в конце
семинара, когда Слуцкий обратился ко
всем: «А теперь можете задавать мне
любые вопросы — при условии, что они
касаются литературы», — я даже осме-
лился спросить его, кого он считает
лучшими современными поэтами. Ответ
Слуцкого был очень обстоятельный, лишенный
какой бы то ни было вкусовой или «школьной»
узости (и моего любимого в те годы поэта назвал!),
и видно было, что ответ этот хорошо
продуман, даже порядок, в котором на-
зываются имена, был четко выверен.

Только лет десять спустя я узнал
о пристрастии Слуцкого к такого рода
статистике: он любил определять для
себя первую пятёрку и первую десятку
современных поэтов и вско пропаганди-
ровал среди других свое мнение. Его
ближайший друг, также поэт фронто-
вого поколения, Давид Самойлов рассказы-
вал, что однажды Борис Абрамович
совершенно серьезно спросил: как он
считает — они, Самойлов и Слуцкий,
в первой десятке или в первой двад-
цатке? Самойлов ответил остроумно:
«По-моему, в первой двадцатке, но что-
то предыдущих восемнадцати на вид-
но». Такой ответ показался Слуцкому
слишком несерьезным...

Когда семинар кончился, Борис Абра-
мович подошел ко мне и спросил, не-

ожиданно пасково и хитро улыбаясь, как мне здесь понравилось. О своих стихах в тот день — кроме каких-то поправок к выступлениям участников семинара — я от него так ничего и не услышал.

А на следующий день в «Комсомолке» лежал его «врез» к моей подборке, который до сих пор цитируется больше всех рецензий и статей «про меня».

Подборка с «врезом» была набрана в тот же день и на следующий появилась в газете — я держал ее в руках уже вечером, накануне, чуть сырватую и, казалось, пахнущую снегом. А снег и в самом деле шел — крупный, пушистый, Москва от него выглядела удивительно светлым городом, и будущее казалось тоже удивительно светлым. Как никогда — ни до, ни после... С тех пор ни одна публикация — даже выход первой книжки — не вызывала у меня такой радости.

Студенческие каникулы кончились. Я уехал. Перед отъездом Слуцкий — почти в тоне приказа — велел мне каждый месяц писать или звонить ему из Ижевска и сообщать о своих делах. Я подчинился и — обрел Учителя. Раз в месяц я звонил Борису Абрамовичу, и он говорил, что обязательно мне нужно прочитать, куда послать стихи. Так появилась моя первая публикация в «Юности» — с жуткими, ханжескими, на мой взгляд, правками — вот она меня совсем не обрадовала, я пытал гневом, хотел жаловаться — Слуцкий ответил: по его мнению, от моих жалоб могли пострадать хорошие люди, в трудных условиях делающие нужное и полезное дело для нашей литературы...

И разве мог я тогда предположить, что эти мои ежемесячные не такие уж навязчивые, им самим санкционированные звонки для него обременительны? Но... это было именно так. Борис Абрамович тогда переживал тяжелейший период своей жизни: смертельно заболела жена, самый родной для него человек и самый близкий друг. Все его мысли и силы уходили на то, чтобы попытаться ее спасти. Откуда же он брал их еще и на меня, мальчика из Ижевска, пишущего стихи? А ведь я далеко не единственный, кому Слуцкий помогал (и многим еще подробнее — и словами, вспомнил его стихотворение «Не за себя прошу», и деньгами). Не единственным «воспитуемым» я был и в тот роковой в его жизни период. Вскоре после смерти жены Борис Абрамович тяжело заболел, перестал встречаться с людьми, бросил писать, перестал интересоваться литературой. А до болезни он писал невероятно много и читал буквально все, что издавалось — вплоть до республиканских литературных журналов и газет — и всегда (что удивительная редкость в современном литературном процессе) говорил авторам свое мнение о прочитанном. Сначала хотелось верить, что он просто подавлен горем и очень устал, но потом уже не могло оставаться никаких сомнений в серьезности болезни Слуцкого. Всеми лет до самой смерти, он провел в добровольном одиночестве — жил на квартире брата в Туле, возился с детьми племянницы, никого не принимал и слышать ничего не хотел о литературных делах. Быть может, кроме личной трагедии, это была его реакция на прасловотое «время застоя»? Не барсусь судить. Во всяком случае, у большого поэта стихи и судьба всегда связаны неразрывным узлом.

Все годы болезни Слуцкого и после его смерти, несмотря на долгую болезнь, внезапную и трагическую для всех, кто его любил, стихи этого поэта регулярно появлялись в печати — остроактуальные и, конечно, «новые», неизвестные читателям. В этот период большинству читателей казалось, что он продолжает писать и даже прогресировать как поэт — настолько стихи

были свежими и, что называется, актуальными (вот один из вариантов конкретной реализации поэтического профилактика).

И после смерти у него оказалось более двух тысяч неопубликованных стихотворений, среди которых сотни (!) сильных и есть такие, которые умножают это значение в русской литературе на какой-то большой и до сих пор неизвестный нам коэффициент! Слуцкий поэт реально продолжает жить среди нас — это отнюдь не пустые слова! — и более того, оказывается одним из самых живых современных поэтов...

Быть может, это и есть столь редкая в России счастливая поэтическая судьба? Не знаю, во всяком случае, оплачивающая она страшной ценой. И сейчас, радуясь за посмертную судьбу Слуцкого, я не могу отделаться от чувства досады: нет больше у начинаящих поэтов такого строгого и великолужного литературного «дядьки», никогда не будет полон и на третью огромный, сделанный по специальному заказу, чтобы вместить все присыпаемые рукописи, почтовый ящик на двери маленькой квартиры вблизи Железной дороги.

Чтение стихов Слуцкого — дело не простое, особенно с непривычки. Оно требует от читателя душевной работы. Для поэзии годится преображеная действительность. Действительность же как таковая отображенная точно и достоверно, к поэзии как будто прямого отношения не имеет. Это — правило. Исключение из него — поэзия Слуцкого. Он добровольно взял на себя функции газеты, в то время как газеты писали как раз действительность не реальную, а до неузнаваемости преображенную — притисками, раздутыми авторитетами, умалчиваниями — словом, всем тем, что является общизвестной сегодня характеристикой брежневского времени.

Но интереснее другое. Оставил нам свои стихотворные свидетельства, Слуцкий сам отнюдь не остался свидетелем, сторонним наблюдателем. Стремясь к предельной объективности, он тем не менее создал не фотографию мира, а свой собственный, узнаваемый и ни на какой другой не похожий мир. Его стремление к объективности, широта социальных интересов расширили его поэтический мир, а не разрушили, как это произошло, к сожалению, у многих поэтов, не столько избранных, сколько избранных для себя роль трибуна. Быть может, объяснение этому феномену Слуцкого достаточно простое: все, о чем он писал, всерьез волновало его, болело и не было у него этого невероятного по своей пошлости деления стихов на «гражданские» и «для души», «для печати» и «для вечности», которое, увы, так часто встречается у многих современных стихотворцев.

Не случайно написал Слуцкий о стариках, которые слушают погоду «в мировом масштабе». Это он о себе писал. Не могу отдохнуть от картины, которую сам не видел никогда (но уверен, кто-то видел неоднократно): Слуцкий нахмурил брови (а это при его суровой внешности выглядело достаточно грозно), читает передовицу центральной газеты, причем картина эта относится к тем годам, когда передовицы, пожалуй, никто, кроме стариков, уже (и еще!) не читал. Хоть один из этих «стариков» должен был нам что-то сказать!

И вот один заговорил. Лично на меня его слова произвели сильное впечатление... Но — как ни горько — в полный голос заговорил он только после смерти. Таким образом началась потихоньку выясняться величина поэтического айсберга, который носит имя — Слуцкий.

Исклучительно важно, что не только социальное и политическое значение отличает речь Слуцкого. Лирика кровно связана с понятием нормы — в отно-

шении к жизни, любви, смерти. Стихи о непобедимости любви, о тяжести утраты близкого — это, в сущности, утверждение норм человеческой жизни, так же, как романтические стихи, клеймящие позором человеческие недостатки — это определение антинормы. Цель и тех и других — утверждение подлинно человеческого в человеке и обществе. Так вот, Слуцкий, поэт-реалист, самый, быть может, «не романтический» из всех, подобнейшим образом занят утверждением нормы и выявлением антинормы в нашей жизни. Социальные коллизии — это коллизии его внутреннего мира, поскольку социалистическую идею он воспринял как свою личную. Вспомним.

*Я говорил от имени России,
Ее уполномочен правотой,
Чтоб излагать с достойной прямотой
Ее приказов формулы простые...*

И рядом поставим другую его стихи:

Я строил на песке.

*А тот песок
Еще недавно мне скалой казался.
Он был скалой, для всех скалой
остался,*

*А для меня распался и потек.
Я мог бы руки долу опустить.
Я мог бы отдых*

*пальцам дать корявым.
Я мог бы возмутиться и спросить,
За что меня и по какому праву.
Но верен я строительной программе,
Прижат к стене,*

*вися на волоске,
Я строю на бегущем под руками,
На уходящем из-под ног песке.*

Само сопоставление этих стихотворений трагично. И достаточно внимательно прочитать второе, чтобы убедиться, что трагедия эта личная, тем более глубокая, что связана она с явлениями общественными. Тут уместно вспомнить пресловутое «сердце поэта», через которое проходят мировые трещины.

Стремясь оставить достоверные свидетельства времени, стремясь сказать буквально обо всем значительном, что видел и пережил, Слуцкий в итоге написал прежде всего самого себя. Причем масштаб поставленной им задачи дал какой-то очень важный импульс всему его творчеству. «Рулите выше», — говорил Л. Толстой, — течение все равно не снесет».

Кажется, Гете сказал, что суть поэтического дара — характер. И без Гете своим умом можно понять, что большой поэт — это всегда незаурядная личность. Даже столь родственная явление поэзии исповедальность, если она в полной мере будет присуща (что тоже маловероятно) человеку заурядному, стихи до поэзии не поднимет. Личность поэта подобна сильному магнитному полю — она продолжает действовать и после прочтения стихов. Со стихами просто хороших мастеров (а это тоже не просто — быть мастером) происходит такая будничная странность: краяются, когда читаешь, а по прошествии времени уменьшаются в размере, а иногда и вовсе растворяются. Слуцкий не уступает времени ни пяди своей поэтической территории.

Услышав имя Слуцкого, широко и поверхностно информированные собеседники всегда спрашивают об истории с Пастернаком. Удивительнее всего, что этот вопрос почему-то не возникает и не возникает в связи с именами многих наших, и ушедших уже, и по сей день здравствующих, известных писателей и поэтов, выступавших на том злополучном погромном писательском собрании нашего активнее Слуцкого. Почему? Возможно, дело в том, что совершенно несопоставимы их имена с именем Пастернака — уж очень раз-

ные весовые категории? А может быть, причина в другом — гораздо легче они простили себе свой грех, чем Слуцкий, и забыли о нем легко — опять же в отличие от Слуцкого, который помнил до конца жизни, и это чувствовалось во всем, что он говорил и делал. Искупали ли он свою единственную за все время, изобиловавшую подобными ситуациями, вину до конца? Не знаю. Но его болезнь, его многолетнее затворничество — тоже искупление вины, то наказание, которое он сам избрал для себя, и жестче никто бы придумать не мог...

Стихи Слуцкого полностью удовлетворяют ахматовской формуле: «По мне в стихах все быть должно некстати, не так, как у людей». Примечательно, что это «не так, как у людей» возникает у Слуцкого как раз от огромного желания сделать так, чтобы «действительность... в строку зажата... являла образ и пример», сделать здравый смысл мерилом поэтического и социального сознания.

Стряп свой мир на этом фундаменте, он создал его удивительно неожиданные условно-поэтические мирки, которые как огня боятся прогонки «сквозь прозу», а в итоге оказываются сложенными, обезличенными и просто скучными. У Слуцкого же хотя не все стихи совершенны, интересны практически все.

Но поскольку в стихах все-таки важнее, как, а не что, собственный поэтический мир невозможно построить без своей собственной системы приемов, своего собственного инструмента, в конечном счете — собственной поэтики. И здесь у Слуцкого все в порядке. Это видно хотя бы и по тому, что многие совершенно не воспринимают его стихи — неприятие — наиболее благополучная первая реакция на все новое. Многие упрекают Слуцкого в неуклюжесть, «сработанности топором». Но дело в том, что Слуцкий не «всплывает», а говорит, и ему намного важнее передать интонацию своего ни на чей другой не похожего голоса, нежели скрупулезно соблюдать основательно поднадоечные, указывающие та-та-та. Не размер довлеет над поэтом, а поэт над размером, не размер сковывает интонацию, а интонация управляет размером.

Кстати говоря, уже Блок и Маяковский видели в дальнеке, который разрабатывали и который так пригодился Слуцкому, в акцентном стихе выход из туника современной им поэтики. Конечно, это вовсе не значит, что классические ямы и хорей нужно сдавать в архив — у того же Слуцкого мы найдем много совершенно классических по метру строк — но есть и другие пути, позволяющие даже на уровне воспроизведения одного только ритма стихотворение сделать узнаваемым.

Почти не касаясь традиционно выигрышных поэтических сюжетов или перевосмисляя их иронией (слышать эту иронию очень важно для восприятия его стихов), Слуцкий осваивает для поэзии незнакомые ему мотивы и реалии.

И в заключение мне хочется прочитать стихотворение, в котором Слуцкий очень четко выразил свое понимание роли и задачи поэта:
*Все правила — неправильны,
Законы — незаконны,
Пока в стихи не вправлены
и в ямбы — не закованы.*

*Период станет эрой,
столетье — веком будят,
когда его поэмы
прославят и рассудят.*

*Пока на лист не ляжет
«Добро!» поэта,
пока поэт не скажет,
что он — за это,*

до этих пор — не кончен спор.

ГЛАЧ ПО СЛУЦКОМУ

В стихах дышала ярость,
И каждая строфа,
Как туча, приближалась,
Несенная спирта.
Он чуял гул. Сжималась
Рука, ища слова,
Была в которых жалость
И доброта жива.
Он был поэт эпохи,
Что оттепель звалась,
И ей не спал попреки,
Что нехотя плелась;
Он лежал в ее пророки,
В стихах пылала страсть.

В стихах пылала страсть
Очтыванно и жарко!
И как в восторг не впасть,
Когда сверкали ярко
И рифменная счасть,
И справка, и ремарка,
Стихия в них слилась
С щедростью подарка.
Когда огромен дар,
Годна любая малость:
Ее, как в лузу шар,
Вгонял, сама вгонялась!
Когда внутри был жар,
Все Слуцкому давалось.

Все Слуцкому давалось,
Еще бы не далось!
Строка в строфе держалась
Отнюдь не на авось.
И мысли возмужали
Пронзили нас насквозь.
И ритмы, родные как жалость,
Тревогой тотчас рос.
Стих веры был исполнен
И не искал прикрас.
И юмор строки полнил,
С иронией сплетаясь,
И все, что Слуцкий помнил,
Все в дело шло и в масть.

Все в дело шло и в масть —
Такое дело было!
На целое и часть
Хватало сил и пыла.
Как раз шел звездный час,
Хула, как слава, листила.
Но тут на всех на нас
Зима дыхнула с тыла.
И оттепель на нет.
Хоть не сошла — ужалась.
На Слуцком в цвете лет,
Явили кровожадность,
Сошлся клином свет:
Эпоха в нем нуждалась.

Эпоха в нем нуждалась,
Поскольку Пастернак,
Как в прессе утверждалось,
Изгой и тайный враг.
И Слуцкий встал, отважась,—
В страшнейшей из атак

И принял эту тяжесть,
Ведь лично как-никак
Тащил эпохи бремя,
Не скрывал балласт,
Чтил вместо Бога Время
И признавал как власть.
Поэтому со всеми
Стал Пастернака клясть.

Стал Пастернака клясть
Минуты три — не долго.
На дальше не горазд,
Хотя и узник долга.
Но от таких мытарств
Не много было толку
И, дома затворясь,
Он плакал втихомолку.
...Как будто сам отверг
Себя, и вот что сталося:
Хоть сорок лет не век
И уж совсем не старость,
Но голова, как снег.
Но сердце исстрадалось.

Но сердце исстрадалось,
Пришла пора невзгод.
Пусть чаще разудалость
В строфе свое ввернет,
Все то, что издавалось,
Все сорт не тот и счет,
Но совесть не сдавалась,
Работала, как крот,
И не давала спуску
Душе на день, на час,
Утряска чтоб с утруской
Стихи не начались.
Но сна лишился Слуцкий,
Испуг стал, как напасть.

Испуг стал, как напасть.
За что судьба карала?
И тут по-новой — хрясть! —
Татьяна захвата.
Но все ж на этот раз,
На десять лет без мала,
На каждый день и час
Ему душа достало.
Он дотянул свой крест,
Покорствуя, не споря;
Стерпел гостей приезд,
Поминок таюторье,
Хоть был один, как перст,
В отверженности горя.

В отверженности горя
Небрит, неприбран, вдов,
Планиду переспоря,
Себя передоров,
В неистовом задоре
Четыреста стихов
Сложил... но без подспорья
Свалился — был готов...
Так напоследок дерзко
Талант взыграл и смолк.
Сработалась нарезка —
Пожалте под замок...
Страшась всю жизнь ареста,
Он дальше жить не мог.

Он дальше жить не мог;
Но жил еще лет девять.
(Сказал: «Не дай мне, Бог...»)

Наш бог, и как не верить?!)
Уныл, убит, убог,
Унижен, словно челядь,
Сложить не мог двух строк,
Не знал, как быть, что делать.
То сидят на кровати,
То шаркнет в коридоре,
Книг не желал читать,
Газеты бросил вскоре
И спать не мог опять
В забросе и в затворе.

■
В забросе и в затворе
Домучился старик.
(Судово — не санаторий,
А грязный черновик...)
Но все же Борис при вздоре
Ошибок, шор, вериг
Воспел России горе
И потому великий:
За раненое сердце,
За дар, что был высок,
За жалости усердье,
За взлет последних строк
Он переходит в бессмертье,
Земной отбывши срок.

■
Земной отбывши срок,
Он станет горсткой пепла...
Поэтам невдомек,
Что приросла, как лепра,
К ним тысяча горьких строк
И в памяти окрепла,
И смерть свою, как рок,
Попрала и отвергла.
Воскрес, а не успел
Большой поэт, матерый!
И что над гробом треп,
Хочу забыть который,
И что сосновый гроб,
И новый крематорий?!

■
И новый крематорий,
Как некогда Донской.
Дымил и горы горя
Гнал в небо за Москвой.
И здесь, без предысторий,
Такой или сякой,
Был Слуцкий не в фаворе,
А в череде людской.
...Работали проворно.
Не нарушили срок:
С повозки на платформу
Гроб, как торпеда, лег,
И люк, закрытый черным,
Его прибрал и скег.

■
Его прибрал и скег
Уже для жизни новой.
Не зря завет изрек:
«В начале было Слово...
И Слово было Бог...»
(Точней — первооснова!)
Знал Слуцкий в слове толк,
Служил ему сурово.
Как завещал господь...
Когда строфа слагалась,
Мог все перебороть —
Дух презирал усталость.
Не стал пророком хоть,
В стихах дышала ярость.

■
В стихах дышала ярость,
В стихах пылала страсть.
Все Слуцкому давалось,
Все в дело шло и в масть.
Эпоха в нем нуждалась:
Стал Пастернака клясть.
Но сердце исстрадалось,
Испуг стал, как напасть.
В отверженности горя
Он дальше жить не мог,
В забросе и в затворе
Земной отбывши срок.
И новый крематорий
Его прибрал и скег.

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

На вопросы
читателей отвечает
юрист Министерства
финансов РСФСР
Александр
КИСЕЛЕВ.

Сейчас ужесточились
требования к нарушите-
лям трудовой дисципли-
ны. Какие меры воздей-
ствия можно применить
к прогульщику?

В. ЛОВЧЕВ,
Рязань

Прежде всего следует определить,
кого мы называем прогульщиком. Это
человек, отсутствовавший на работе
в течение всего дня (смены) или более
трех часов (суммарно или подряд).

К прогульщикам применяются раз-
личные меры воздействия. Например,
в дисциплинарном порядке ему может
быть объявлено замечание, выговор
или строгий выговор, он может быть
переведен на нижеоплачиваемую рабо-
ту или смещен на низшую должность на
срок до трех месяцев и в крайнем слу-
чае уволен с работы. В этом случае
увольнение производится со дня, сле-
дующего за днем издания приказа; если
же он в работе так и не приступил —
с первого дня прогула. Помимо дисци-
плинарного взыскания, оно может быть
применено только одно, нарушителя
можно лишить полностью или частично
итогового вознаграждения за год («13-й
зарплаты»), в обязательном порядке
уменьшить продолжительность очеред-
ного отпуска на число дней прогула (в
случае увольнения соответственно
уменьшается сумма компенсации), ему
может быть перенесена очередь на по-
лучение жилья, отказано в представ-
лении льготной путевки, очередной от-
пуск перенесен на другое время.

Подробный перечень мер воздей-
ствия на прогульщиков приведен в Ти-
повых правилах внутреннего трудового
распорядка.

Расскажите о льготах
при уплате налога с хо-
лостяков.

Д. ГОЛУБИН,
Москва

Молодожены, независимо от даты ре-
гistrationи брака, освобождены от упла-
ты налога на холостяков, одиноких
и малосемейных граждан в течение
первого года совместной жизни. С тем
чтобы избежать возможных споров
о сроках уплаты налога, необходимо
в течение 20 дней со дня регистрации
брака представить в бухгалтерию сви-
детельство о регистрации брака. В тех
семьях, где в течение года ребенок не
родился, удержание налога возобнов-
ляется после истечения годичного сро-
ка. Если по каким-то причинам брак
в это время расторгается, бывшие суп-
руги должны незамедлительно поста-
вить об этом в известность бухгалтерию
или финорган, так как в этих случаях
с разведенными мужчинами, не имеющими
детей, налог вновь должен удерживаться
сразу после развода.

Незамужние женщины, не имеющие
детей, независимо от того, были они
замужем или нет, от уплаты налога ос-
вобождены.

¹ ВЕНOK СОНЕТОВ — стихотворное про-
изведение из пятнадцати сонетов. Первая
строка каждого сонета повторяет последнюю
строку предыдущего; заключительный
сонет (магистрал) состоит из первых
строк каждого из четырнадцати сонетов,
связывая их воедино.

Замок Мюзияк, 7 ноября 1818 года.

«Это мое завещание, через несколько дней я поставлю последнюю точку в моей печальной судьбе и меня больше не станет. Эти строки я пишу в здравом рассудке, и, клянусь честью, что события, которые я вознамерился пересказать и свидетелем которых невольно стал, происходили именно нижеизложенным образом. Если бы их можно было хоть как-то истолковать рассудком, то я бы не был доведен до такой увы, печальной крайности. Да простит меня Всевышний, вняв тому, что я по крайней мере не предал своей клятвы и возвратил моим предкам, графам де Мюзияк, их родовое имение, из которого они были несправедливо изгнаны, и где я нашел свою могилу. Посему тем, кто познакомится с этими зловещими записками, — моим дальним родственникам, судебским и, кто знает, быть может, зрудитам грядущего столетия — я все же должен дать несколько предварительных разъяснений.

Я, Пьер Орельен де Мюзияк дю Кийи, являюсь последним потомком по прямой линии графов де Мюзияк, ведущих свою родословную, хотя это и не точно, еще со временем до начала религиозных войн. Наш родовой замок Мюзияк был выстроен моим предком, благородным Орельеном дю Кийи, в благословенный 1632 год. Стоит мне только окнуть взглядом стены моего кабинета, в котором я нахожусь в данный момент, и я вижу всех, кто в свое время обитал в нашем родовом гнезде. Вот Пьер де Мюзияк — друг маршала де Тюренна, а вот Эдуард и Пьер — советники в парламенте Бретани, и наконец, Жак Орельен — мой несчастный отец, лейтенант полка Королевы, гильотинированный в 1793 году — ровно двадцать пять лет тому назад. Моя бедной матери все же удалось вместе со мной бежать в Англию, где я и воспитывался неподалеку от белых скал Дувра. Иногда она брала меня за руку и вела через ланды* к крайней точке какого-нибудь мыса и там, указывая пальцем в сторону нашей страны, похожей на нависающее над волнами облако, страстно взывала ко мне: «Обещайте мне вернуться туда, вырвать замок из рук самозванцев и предать погребению останки графа — вашего отца — в склепе часовника, рядом с останками его предков... Ради меня!»

Моя бедная мать поднимала к небу глаза, полные слез, уже не в силах закончить фразу. Мы оба возвращались взволнованными до глубины души, и моя решимость взять ее призываю с каждым днем все возрастала. Да, я еду во Францию сразу же по достижении возраста, в котором смогу отстаивать свои права. Между тем я изо всех сил старался закалить свой дух, читая зато дыхание возвышенных произведений своего соотечественника — графа Шатобриана; его «Ренз» стал моей духовной книгой. Увы! Не было ли я, подобно Рензу, обречен, будучи существом особым, на те же ужасные испытания и трагическую любовь? Впрочем, пока еще рано рассказывать о Клер...

Итак, я рос одиноким и диким на берегу океана, через который иногда докатывались грохот битв и звон набата, возвещавшие всей Европе о приближении Узурпатора. Иногда нас навещали эмиссары с потерянной нами родиной. Они заезжали к нам в промежутке между своими разъездами: то вандаец, приехавший просить о субсидиях, то бретонец, уклоняющийся от воинской повинности. При свете свечи, за скромным ужином, они рассказывали новости о нашем замке. Со временем нашего изгнания замок Мюзияк уже дважды сменил хозяев, и оба раза его новых владельцев постигла трагическая и страшная часть. Что касается первого — члена Конвента, то он покончил с собой; второй же — скупщик национальных ценностей — просто сошел с ума. Крестьяне видели в этом карающую руку Господа, да и мы сами были склонны думать именно так — ведь все знали, что эти безбожники сравняли нашу часовню с землей. «Это месть наших предков», — уверяла моя мать, которая с каким-то неистовым увлечением зачитывалась тогда книгами Левиса**, Матюрона*** и Байрона. И вот эта столь набожная женщина взывала к бретонским святым — Ронану, Жальдасу, Корантену и Тюгваллу**** с такой страстью, что ее молитвы походили скорее на проклятия.

Незадолго до падения Бонапарта и его краха в 1815 году моя бедная мать заболела. В ее переполненных воспоминаниями, сожалениями и химерами мозгу что-то, должно быть, надломилось, так как она утратила способность ходить и временами бредила. Реставрация Бурбонов дала мне возможность вернуться во Францию, однако я не мог бросить мою бедную мать, которой дорожил больше жизни, а о том, чтобы взять

*Ланды — песчаные или болотистые пустоши, поросшие вереском. — Здесь и далее примечания переводчика.

** Мэттью Левис (1775—1818), английский писатель.

*** Шарль Робер Матюрэн (1782—1824) — ирландский романист и драматург.

**** Исторические личности, жившие в V—VI веках и распространявшие христианство.

ее с собой, не могло быть и речи. Смирившись, я решил ждать ее кончины, пребывая в состоянии такой глубокой печали, что даже не в силах описать ее. Доходившие из Мюзияка новости умножали мою печаль: некий Луи Эрбо — свежеспеченный имперский барон — откупил наш замок. Поговаривали, что он несметно богат. Так как же мне, с моими скромными средствами, удастся убедить этого выскочка возвратить землю славных предков? Разумеется, я мог бы заполучить часть пресловутого эмигрантского миллиарда, так сильно занимавшего газеты того времени. Но для этого мне пришлось бы интриговать при дворе, а ведь в ту пору я находился на чужбине, прокованый к постели умирающей матери. О Всевышний, как я вслед за матерью стал докучать тебе своими мольбами! Как я просил тебя либо излечить мою родительницу, либо же дать нам возможность обоим умереть друг подле друга! Как я заклинал тебя в моменты помутнения рассудка уничтожить эту проклятую семью Эрбо, которая вследствие какого-то странного психического расстройства моего переутомленного разума превращалась в образ торжествующего беззакония. Тогда я еще не знал, о Всемогущий Боже, что ты удовлетворишь мою просьбу так жутко и непредвидено для меня самого.

Незаметно и тихо год назад моя мать угласла. Испуская свой последний вздох, она сжала мою руку в своей и голосом, который я никогда не забуду, прошептала:

— Поклянись!

И я поклялся посвятить себя изгнанию нуворишей Эрбо из колыбели нашего рода. Затем, преисполненный отчаяния, одним прекрасным утром я сел на шхуну, направлявшуюся в Кале. Не стану описывать охватившее меня волнение на родной земле, замечу лишь, что мое лицо красноречиво свидетельствовало об этом. По крайней мере в первые дни своего путешествия я служил объектом весьма пристального внимания и деликатного отношения со стороны хозяев гостиниц, начальников почт, равно как и всех прочих людей — ремесленников, студентов или же разряженных мещаночек, с которыми обычно теснились в дилижансах. Несмотря на свою печаль, увидев Париж, я пришел в неподдельный восторг. Моя бедная матушка в своих рассказах часто описывала красоты столицы и меланхолическое изящество ее неба, однако она умолчала об очаровании этого города, упорядоченного каким-то художником-геометром, о его огромных садах и широких оживленных улицах с магазинами, витрины которых ломились от самых разнообразных и самых дорогих товаров. Она умолчала о свободе этих улиц, разбегавшихся лучами во все части света, словно спицы колеса, от горделивого монумента, который должен был свидетельствовать о победах изгнанника острова Святой Елены, а своими недостроенными арками символизировал спасительное падение Узурпатора. Какие бы угрызения совести я ни испытывал, признаю, что эти немудреные соблазны утешили меня, и поскольку я начал с того, что ничего не скрывал, то мой хмурый облик смуглелся от вида многочисленных миловидных мордашек. Представьте себе мальчика, воспитанного при брязгах оружия, привыкшего к трауру, слезам, спартанскому образу жизни, к культивированию горького чувства мщения и к торможению нежных порывов, заставляющих сердце подростка биться чаще, — и вы составите себе точное представление о мужчине, коим я и был: наивным и полным огня, отчаявшимся и вместе с тем жаждущим утешения. Так что улыбки, обращенные ко мне благодаря моей приятной наружности, воспринимались словно жестокие укусы, боль от которых еще долго не проходит. «Неужели, — думал я, — у меня не хватит мужества не дать себя отвлечь от выполнения моей миссии какой-нибудь лживой прелестница!»

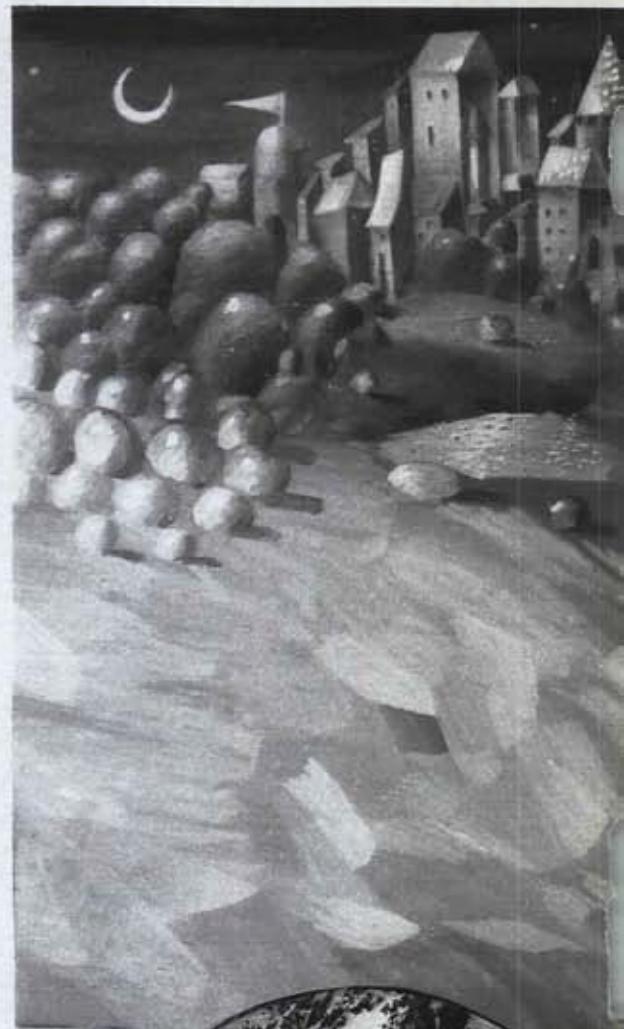
Вот почему я решил ускорить свой отъезд и заранее оплатил место в дилижансе, который менее чем за неделю должен был доставить меня до Ренна, а оттуда до Мюзияка два дня езды.

Вскоре мы уже пересекали первые ланды и сосновые леса; наконец-то я вдыхал воздух Бретани. Я слышал журчание пчел родного края, и высокопарные слова Ренз зажигали в моем сердце огонь.

Казалось, голос с небес предрекал мне: «Человек, пора твоего возвращения еще не наступила; подожди, когда поднимется ветер смерти, тогда ты полетишь к этим не изведанным тобою местам, к которым так тянется твое сердце».

Откуда мне было знать, что ветер смерти очень скоро подует мне в лицо?..

Наш дилижанс под звон бубенцов и щелканье кнута прибыл в Мюзияк в начале второй половины дня. Слуга вынес мой багаж, и несколько мгновений спустя я уже устроился под вымыщенным именем в лучшей комнате постоялого двора. Из своего окна я увидел ярмарочную площадь: несколько старых домов с величественными подъездами, горстку низеньких домиков и густую зелень какого-то парка, закрывавшего вдали линию горизонта. Я хорошо помнил, что этот парк примыкал к замку. Значит, старинная обитель Мюзияков находилась где-то здесь, на расстоянии нескольких ружейных выстрелов. Я даже почувствовал легкое недомогание от охвативших меня радости, опасения, горечи и надежды. Мне захотелось закричать, и, сраженный силой своих чувств, я упал на кровать. Однако через мгновение я был уже на ногах, так мне хотелось побыстрее пройтись по поселку, где, будучи еще ребенком, я часто гулял со своей матерью. Сняв с вешалки непрятательный редингот и надев его, я обулся в туфли с пряжками, а затем, взглянув в висящее над камином зеркало, убедился, что могу выйти, что и не замедлил сделать.

В ЗА

БУАЛО-НАРСЕЖАК

ПОСУ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГОВУС

Ориентировался я без особых трудностей и сразу же направил свои стопы к верхней части поселка, так как намеревался посетить нотариуса. Жив ли еще метр Керек? Если да, то он наверняка не откажет мне в помощи. Поскольку было очень жарко — не помню, говорил ли я вам, что дело было в августе, — я решил зайти в церковь. Остановившись на какой-то момент в тени колонны, я посмотрел на балтистерию, где мой крестный отец — граф де Савез — держал меня над купелью. Он тоже исчез в этом революционном водовороте, так же как и моя тетка — Аньес де Лезе и ее две дочери — Франсуаза и Аделаида. И вот я — последний отпрыск этой могучей ветви, срубленной топором в самом расцвете... При этой мысли отчаяние камнем легло мне на плечи, поэтому, когда я стучался к нотариусу, настроение мое было мрачным. Оно стало еще более мрачным, когда я узнал, что метр Керек умер, а его контора принадлежит теперь некоему метру Меньяну, имя которого я услышал впервые. Когда меня ввели в его комнату, я отметил, что вид он имел компанейский и приветливый. Очки придавали его взгляду какой-то оттенок молодости, удивления, внушиавшего доверие. Я сразу же почувствовал, что смогу довериться ему и рассказать о своей жизни. Тут он весьма любезно поинтересовался, кто я такой.

— Пьер Орельен де Миозияк! — не колеблясь, ответил я.

Лицо этого добряка стало пунцовыми, и он принялся мять свои маленькие грациозные руки.

— Господин граф, — очень трогательно пробормотал он, — господин граф... Возможно ли это!

Будучи крайне удивленным, он подошел ко мне,

и мы долгое время стояли молча, испытывая сильное волнение. Наконец он взял себя в руки и предложил мне подробно рассказать историю своей жизни.

— Боже мой!.. Боже мой!.. — то и дело повторял он в то время, как я описывал ему плачевную картину нашего существования в Англии. Потом, сняв очки, он стал рассматривать меня своими близорукими глазами, в которых читалась беспредельная доброта. Когда же я окончил свой рассказ, он горячо сжал мои руки.

— Господин граф, — воскликнул он, — еще никогда в жизни я не слышал столь волнующего рассказа, и вы видите, насколько я потрясен услышанным! Я весь к вашим услугам — располагайте мною по своему усмотрению.

— Прежде всего, — сказал я, — мне бы хотелось оставаться инкогнито — по крайней мере до моего очередного указания. Малейшего намека будет достаточно для того, чтобы зародить у барона подозрения и обречь мои планы на провал. И еще бы мне хотелось, чтобы вы поговорили с ним и выяснили его намерения.

— Увы, — вздохнул нотариус. — Увы, господин граф.

— Что это значит?

— Да то, что барон Эрбо не болтливого десятка, и, признаюсь, я никогда не видел его.

— Как же так? Даже в день составления купчай?

— Контракт составлял не я, а мой предшественник — метр Керек, это произошло буквально за несколько дней до его кончины. Господь принял его бедную душу!

— Но неужели с тех пор...

— С тех пор я часто видел ланда барона в поселке и даже беседовал с Антуаном — его слугой, но вот поговорить с его хозяином случая не выпадало.

— Как?! Вас ни разу не пригласили в замок?

— Ни разу. Эрбо не принимает у себя никого.

— Отчего же?

— Оттого, что они знают, господин граф, что этот замок принадлежит не им. Между нами говорят, они купили его за бесценок, но все же в Миозияке они чувствуют себя чужаками. Появясь они в поселке, с ними бы никто даже и не поздоровался. А к их кучеру Антуану здесь тоже относятся с недоверием. Наши люди не любят его и всякий раз дают ему понять это.

— Но...

— Да нет же, господин граф! Здесь дело ясное. Все вас только и ждут, как мессию, да и сам барон уже долгие годы живет в страхе, опасаясь вашего возвращения. Стоит вам только появиться, как он сразу же уберется отсюда.

— Спасибо, — пробормотал я, весьма смущенный простотой и откровенностью этого доброго малого. — Однако в мои намерения вовсе не входит выгонять этого господина. У него, вероятно, семья...

— Да, он женат, — подтвердил нотариус. — И у него есть дочка... похоже, прехорошенькая. Иногда, по вечерам, ее видят прогуливающейся в глубине парка.

— А сколько ей лет?

— Двадцать, и зовут ее Клер.

— Однако она не виновата в том, что отец нажил состояние на службе у Бонапарта.

— Разумеется, нет!.. И все же чувства, испытываемые нашими согражданами по отношению к ее семье, не являются тайной и, я полагаю, даже доставляют ей страдания. К ее изголовью уже неоднократно призывают врачи. Рассказывают, что она несколько... странновата. Все это весьма печально.

— Быть может, это из-за нее, — предположил я, — Эрбо живут столь уединенно.

— Нет, господин граф. Они замкнулись потому, что прослушали о проявлениях враждебности, жертвами которой стали предыдущие владельцы замка. Его первый покупатель — некий Мерлен, — выйдя покрасоваться в поселок, вызвал своим появлением даже небольшой бунт. Его чуть было не забросали камнями, и ему пришлось окопаться за водяным рвом. А когда он выходил прогуляться в парк, то на нижних ветвях дубов висели манекены с дощечками на шее и надписью: «Смерть члену Конвента!» Затем кто-то отравил

его собак. И тогда, побежденный одиночеством и страхом, он повесился. Несколько месяцев спустя ему на смену появился некий Леон де Дерф, которому сразу же устроили настоящую травлю. Я не в силах перечислить все оскорблении, которым он подвергался. Дошло даже до того, что он вообще не высывал носу из замка без своего ружья. Мало-помалу он начал худеть, одичал и в конце концов лишился рассудка. Пришло его увезти в карете, и, когда она проезжала через поселок, было слышно, как он внутри веет и стучит кулаками. Затем многие годы замок стоял бесхозным. Эрбо купил его тогда, когда Бонапарт уже отрекся от престола. Возможно, он желал найти себе убежище вдали от Парижа, где власти начали преследования сторонников Императора. Наши люди оставили семью барона в покое, увидев, что новые хозяева замка ведут себя крайне скромно. Чтобы вы, господин граф, могли представить себе, как они ведут себя, скажу лишь, что когда им изредка случается проезжать через поселок, то занавеси кареты всегда тщательно задернуты, так что даже профиль сидящих внутри невозможно различить.

— Знаете ли вы, — воскликнул я, — какую вы вызвали во мне жалость по отношению к этим людям?! Я хочу немедленно написать им письмо и предложить выгодную сделку, ибо я вовсе не из тех людей, которые пользуются чьим-либо затруднительным положением, извлекая при этом для себя максимальную выгоду. Я, увы, уже не столь богат, но никто не посмеет сказать...

Нотариус возвел обе руки к небу, словно священник перед алтарем.

— Позвольте уведомить вас, что ваше состояние по-прежнему значительно. Мой предшественник, метр Керек, весьма удачно поместил ценности покойного графа де Миозияка. Я тоже, в свою очередь, сделал все от меня зависящее. Мы еще поговорим о ваших делах поподробнее, но знайте, что отныне и навеки, каковы бы ни были притязания барона, вы сможете выкупить замок!

— Хвала господу! — воскликнул я. — И да будет вам благословенны. Итак, я не хочу медлить...

Нотариус поклонился и, вызвав клерка, приказал принести мне бумагу и чернила. Он почел за честь самому заточить перо, при помощи которого я одним махом составил письмо, настолько любезное, что лучшего и желать нельзя. Но у меня никак не выходила из головы несчастная девушка, ставшая, как и я, жертвой сумасшествия людей и ненастных времен. Предложенная мною сумма представляла собой несравненно большую, чем барон мог того ожидать. И все же в своем письме я дал понять, что в случае отказа мой гнев не уступит по величине моей щедрости. В то время, как я писал, метр Меньян отошел к амбразуре окна, откуда рассеянно наблюдал за рыночной площадью.

— А вот, кстати, и слуга барона, тот самый Антуан, о котором я вам только что говорил, — сказал он в то время, как я осушил чернила песком. — Он, вероятно, приехал за какими-нибудь покупками. Я полагаю, господин граф, что вам лучше было бы отдать письмо ему в руки.

Согласившись с метром, я предложил ему просмотреть написанные мною строки. Увидев предложенную сумму, он вздрогнул и закачал головой.

— Господин граф весьма щедр, однако позвольте себе усомниться в том, что барона можно убедить подобными доводами!

— Ну что ж! Попытка не пытка.

Этот добрый малый проявлял величайшую любезность, он проводил меня и, показав на слугу барона Эрбо, распрощался со мной. Антуан покупал свечи и коноплю, однако я не стал задерживать свое внимание на его покупках, так как тут же нашло наше старое ланда, стоящее на площади, и мое сердце учащенно забилось. Улисс, в свое время вернувшись с Италии, был встречен верным псом. Меня же встретил лишь этот древний, изъеденный годами экипаж, словно трогательный остаток нашего бывшего великолепия, — ведь даже кобыла уже давно околела. Подойдя к нему, я положил руку на деревянную дверцу, на которой уже полустерся наш герб: крест, окаймленный золотом, на небесно-голубом фоне. И вот здесь, перед этим экипажем, пахнувшим кожей и потом, я вновь увидел графа, моего отца, причем с такой поразительной отчетливостью, что даже застонал от ужаса и отступил на несколько нестройных шагов.

«Будьте покойны, — подумал я в этот миг, — ваш сын решительно намерен сдержать свою клятву, так что ваши останки вернутся в ваше родовое имение». Но тут показалась слуга, нагруженный великим множеством пакетов.

— Эй! — крикнул я. — Будьте любезны передать это господину барону Эрбо.

— От кого? — недоверчиво буркнул грубян.

— От графа Миозияка дю Кийи, — бросил я гневно. Стоило только этому неотесанному мужлану услышать мое имя, как он тут же, поклонившись мне до земли и побросав кое-как свои покупки на сиденья, лихо взмахнул кнутом и погнал лошадей, понесшихся во весь опор и потрясших мою бедную карету так, что она чуть было не рассыпалась. Я не мог удержаться от улыбки. Значит, поручение будет выполнено молни-

ДОВАННОИ

ночно, и вскоре барон задрожит за своими башнями и галереями с навесными бойницами.

Мною овладело непреодолимое желание вновь увидеть обитель своих предков, и, выйдя за пределы поселка, я быстрым шагом направился к густой зелени, наполовину закрывшей стену парка. Еще несколько мгновений, и я уже шел вдоль ограды замка. Она, слава Богу, не пострадала от страшных событий, опустошивших всю местность. Тем не менее то там, то сям сраженные бурей деревья повредили своим падением верхнюю часть стены. Благодаря выкорчеванным корням и переплетенным ветвям я без труда забрался в парк. Лишенная постоянного ухода зелень разрослась настолько буйно, что ориентировался я не без труда. Выпугнувшись из кустов и кустарников, обхвативших меня со всех сторон, я неожиданно узнал ведущую к пруду дорожку, и мною овладело нежное волнение. Я даже не стал сдерживать свои слезы. Мне хотелось броситься на землю, поцеловать ее, прижать к сердцу мои родные владения, которыми я дорожил больше, чем своей плотью. Наконец, перед моим восторженным взором открылась величественная картина мирных вод, простирающихся до самой стены замка, и у меня из горла сам собой вырвался возглас: «О Мюзияк, твой сын вернулся к тебе!» Пав на колени на тенистый берег пруда, я возблагодарил небо за свое счастливое возвращение. Вечерний ветер нагнал тростник, разевал мои волосы, он был похож на дуновение надежды. Уверенный в своей победе, я обратил свой ясный взор к колыбели моих первых лет. Бросая вызов временам и ненастям, замок все так же возвышался всеми своими горделивыми башнями, обвитыми густым плющом вплоть до самой крыши. Флюгеры, сделанные в виде вставших на дыбы драконов, рассекали поднимающийся из труб тонкий сизый дым, а заходящее солнце освещало фасад и окна замка. Неожиданно я заметил на нависающей над клумбой балюстраде изящный силуэт мечтательной девушки в белом, с букетом цветов в руках.

«Это она», — подумал я, бледнея.

Меланхолический вечер, легкий всплеск бьющейся о берега воды, сплетение всевозможных волнительных чувств делали эту непредвиденную встречу куда сладостней, чем первое свидание. Но эта прекрасная девушка была дочерью вторженца, а я — законный господин этих мест — вынужден был прятаться, словно какой-то бродяга. В конце концов любопытство победило возмущение, и, укротив свою злость, я украдкой, прячась за заросли тростника, дошел до террасы, вокруг которой летали стрижи. Но меланхолическое дитя даже и не подозревало о моем приближении. Силуэт ее вырисовывался темным пятном на фоне пурпурного неба так, что я не мог разглядеть ее лица; я видел лишь руки, обрывающие розу, душистые лепестки которой, плавно кружась, долетали до меня. Из окон гостиной доносился томный звук спинета*, и на какое-то мгновение я почувствовал мимолетные угрызения совести. Ведь я же невольно разрушил царящий здесь мир и покой. Ведь из-за меня девушка, черты которой я мог лишь домыслить, заплакала слезами! Нет, нет, дорогая мама! Я вовсе не забыл о ваших уроках, но я всегда терзался от их безжалостной строгости. В то время, как я мучился сомнениями, опьяненный этими горькими прелестями, послышался женский голос.

— Клер! — звал он ее. — Клер!..

Вздохнув, девушка исчезла из моего поля зрения. Я повторил про себя это имя, которое без всяких видимых причин стало мне казаться восхитительным. Клер! Уж ее-то по крайней мере мне хотелось бы убить...

Наступила ночь; по водной глади прошла рябь, в тростнике подали голос лягушки. Изворотливый, словно рептилия, я обошел террасу и бесшумно прошел вдоль хозяйственных построек, но внезапно остановился на углу конюшни. Боже! Исчезла. Часовня исчезла, точнее, она была здесь, в траве: ее тонкие колонны рухнули, арки развалились, и руины заросли чертополохом. Словно слепой, я сделал несколько шагов, вытянув вперед руки. Неописуемый ужас охватил меня. Но нет! От страшнейшего испытания я все же был избавлен: склеп остался нетронутым, алтарный камень с искалеченным крестом, на который пауки набрасывали паутины, заслонил собой вход.

Теперь жестокое упорство поселчан мне стало понятнее. Вместе с тем страх, сразивший Мерлена и де Дерфа, тоже стал объясним. Я ощущал одновременно гнев и ужас других — настолько скорбное величие святого места делало содеянное святотатство ощущимым. «О Боже! — прошептал я, — прости их и прости меня!» И я перекрестился, чтобы снять проклятие, нависшее над замком Мюзияков... Тогда я еще не знал, что оно обрушится и на меня, что мне вскоре предстоит пасть невинной жертвой для искупления преступления!

...Кто бы ты ни был, читатель, потерпи минутку, пока я отдохну на своем бесконечном пути. Позволь мне поразмыслить над тем торжественным моментом, когда я, стоя у развалин семейного храма, возобновлял свою клятву мщения. Моя судьба пошатнулась именно

в ту минуту. Взвешенный на ее весах, я был отброшен в потемки. За что, Господи? За какой проступок ты наказал меня? Быть может, я неправильно действовал, предложив Эрбо слишком уж большую сумму для возмещения убытков? Быть может, мне следовало вообще оставить их в покое и очистить свое сердце от ненависти, заложенной моей матерью? И следовало ли заставлять Клер и меня расплачиваться за пролитую кровь?

Этого мне знать не дано. Меня окружает темнота, и в душе моей царят потемки. О, боги мщения, еще одно усилие! Помогите мне поднять этот столь тяжелый пистолет. Пусть и моя кровь прольется в свой черед! Тогда я смогу присоединиться к моей любимой и заснуть подле нее сном Тристана!..

...На постоянный двор я вернулся в изнеможении: мои руки и лицо были все исцарапаны, а сердце наполнено любовью и гневом.

Увы, я уже полюбил эту девушку, которую толком и не разглядел, поэтому и возненавидел эту любовь. Еще долгое время я стоял и смотрел на поднимавшуюся в небе луну, слушая лай собак.

Наконец я лег спать и погрузился в полный кошмаров сон. И вместе с тем это была моя последняя спокойно проведенная ночь.

На следующий день я вновь увиделся с метром Меньяном и составил с ним контракт на случай, если барон все же уступит моему желанию. Мои финансовые дела оказались крайне запутанными, мне потребовалось приложить невероятные усилия, чтобы вникнуть во все множащиеся объяснения этого доброго малого. Видно, мне недоставало ощущения действительности, благодаря которому мой отец и дед сколотили себе солидное состояние. Замечу вскользь, что от них я унаследовал лишь некоторую выпавшую, неординарную наружность и непомерную любовь к верховой езде. От матери же, напротив, наряду с явной склонностью к мистицизму я унаследовал меланхолический и угрюмый характер, вследствие чего я не уделял своим интересам должного внимания. Итак, из разговора с нотариусом я извлек лишь его ручательство собрать за двадцать четыре часа предложенную мною для барона сумму. При этом мне пришлось подписать несметное количество бумаг, и мы расстались, назначив встречу на следующий день.

Настал полдень, и я решил совершить мюцион верхом. Найти приличную лошадь в Мюзияке не составляло труда: поэтому я не замедлил остановить выбор на «огнедышащей» полукровке, которая понесла меня бешеным галопом по соседним ландам. Поначалу, опьяненный, я полностью забылся в этой скачке. Душистый ветер с луга разевал мои волосы, а букет запахов чебреца, утесника и майорана наполнил мои легкие. Я чувствовал, как кровь закипает в жилах, словно забродившее молодое вино. Но мало-помалу я замедлил скачку, утомившись от избытка испытанного мною счастья. В моем воображении предстал образ девушки с розой, подобно ночному светилу над ревущим штормовым морем. Пустив шагом своего скакуна и отпустив поводья, я погрузился в одно из тех смутных мечтаний, которые даже самым горьким страданием придают какую-то сладостную привлекательность. Нет, я, конечно же, не мог полюбить незнакомку, черты лица которой скрыла от меня ночь. Она была всего лишь тенью, вздохом, сном, женщиной в белом, появившейся вдруг из пруда среди сумеречного тумана. И совершенно бесполезно пытался я прогнать из своей головы это наязчивое видение. Напрасно, используя все доводы разума, я пытался в своих глазах прозреть дочь этого облагородившегося за счет интриг мужланы. Мое сердце призывало ее, а губы произносили ее имя. Чувства, восстав против чести, горели таким жаром, что я почувствовал, что мое состояние близко к обморочному. Словно умалишенный, я без конца повторял: «Клер! Клер!..», и мне казалось, что вся природа вторит мне пением птиц, шепотом ветра и журчанием ручейка. Клер!.. Клер!.. Я чувствовал себя одновременно несчастнейшим и счастливейшим из смертных.

Лошадь моя отклонилась с пути, и моему удивлению не было предела, когда я обнаружил, что она идет дорогой, ведущей к замку. Он стоял, обращенный задней стеной к поселку, а фасадом к ландам. Для того чтобы достичь главной аллеи, ведущей к воротам, мне необходимо было сделать довольно большой крюк. И вот, пока я пребывал в сомнениях относительно того — ехать ли мне дальше, рискуя столкнуться с человеком, смерти которого я так часто желал, за моей спиной неожиданно раздался грохот мчавшегося экипажа. О том, чтобы повернуть поводья, нечего было и думать, а вот укрыться за посадкой деревьев, тянувшихся слева от меня вдоль парка, у меня еще хватало времени. Как только я достиг этого убежища, появился экипаж. Это была та же знакомая мне карета из замка. Слуга голосом и кнутом подгонял лошадь, и наш старый экипаж, трясясь и вздрогивая, несся, словно летящий по волнам корабль. Он, вероятно, лишился рассудка, либо же какая-то серьезная причина заставляла его мчаться во весь опор. Однако у меня не было времени разрешить эту дилемму, так как в этот момент произошло то, чего я опасался: раздался оглушительный треск, и экипаж, наклонившись вперед, чуть было не перевернулся. Антуан отча-

янно пытался совладать со своей взмыленной лошадью. Пришпорив коня, я помчался на помощь и, к счастью, сумел справиться с обезумевшим животным, в то время как этот малый, спрыгнув с козел, схватил удила и пытался успокоить лошадь. В этот момент дверца кареты хлопнула, что, разумеется, заставило меня обернуться. О Господи! Какие слова могут выражать то, что я тогда испытал?! Едва не лишившись чувств, я был не в состоянии пошевелиться. Я весь превратился в зрене, и моя жизнь продолжалась лишь благодаря тому, что я видел девушку, рука которой по-прежнему скимала ручку дверцы. Пораженная, она смотрела на меня, словно лань на охотника, и, прочтя в ее глазах ужас, я тут же обрел все свое хладнокровие. Спешившись, я церемонно поприветствовал ее и представился. Пока мой язык говорил, глаза усердно запечатлевали каждую черточку ее лица! И сегодня, несмотря на ужасные события, удрутившие меня, я без труда представляю себе ее золотистые волосы, обнажившие нежное ухо, боязливую улыбку, бездонной глубины глаза, изящную ручку, супорожью впившуюся в дверцу, испуганный лик... Она ответила мне несколько дрожащим голосом, и я убедился, что не ошибался — это была именно она, дочь барона Эрбо — Клер!.. Клер!..

— Не бойтесь меня, — сказал я. — Я оказался здесь совершенно случайно, и я рад, что мне выпал случай помочь вам в трудную минуту.

Она склонила голову в знак благодарности и, приподняв край платья, подошла к кучеру, рассматривавшему лопнувшую ось.

— Сможет ли экипаж ехать дальше? — спросила она.

— Надеюсь, — проворчал слуга весьма не понравившимся мне тоном. — Я скреплю ее.

— Поторопитесь!

Чувствуя, что мое присутствие становится наязчивым, я готов был уже откланяться и прыгнуть в седло, но тут очаровательное существо жестом остановило меня.

— Господин граф, я хочу выразить вам свою благодарность...

Понизив голос, без тени страха она свою равнодушную рукой, чтобы остановить готовые сорваться с моих губ возражения.

— Знаете, — прошептала она, — что ваше письмо было благосклонно воспринято в замке. Мой отец как раз думал о том, чтобы покинуть эту местность... по небезызвестным вам причинам... Увы! Меня бы это очень огорчило.

— Мадемузель!

— Я вас ни в чем не упрекаю, — продолжала она, — этот замок принадлежал всегда только вам...

— Уверяю вас, что...

— Прожитые здесь нами дни были исполнены неприятностей... О! Не только из-за окружающей нас враждебности. Неприязнь людей ничто по сравнению с неприязнью вещей!..

И, вздохнув, она пригладила рукой платье цвета зеленого луга и продолжила разговор.

— По правде говоря, мои родители боятся. Молчание деревьев, отделяющих нас от поселка, печальное одиночество этих ланд, по которым лишь изредка проходят отдельные группы путников, крики куликов над прудом — словом, все кажется им дурным предзнаменованием...

— Но вам!.. — вскрикнул я.

— Мне?.. Я слишком хорошо сочетаюсь с меланхоличностью этого места. Я люблю голоса теней и наполняемые старыми стенами секреты. Иногда мне кажется, что я начинаю понимать, почему этот бедный Мерлен повесился, а его преемник потерял рассудок.

Пока она говорила, какая-то странная восторженность мало-помалу оживляла ее тонкие черты, а ее сверкающие взгляды, казалось, устремлялись к какой-то варварской и проковывающей к себе сцене за моей спиной. Совершенно спонтанным порывом, в котором она даже не почувствовала ничего оскорбительного, я подошел к ней, взял ее за руку и пылко сжал ее.

— Мадемузель... — начал я.

— Но она деликатно высвободила свою руку.

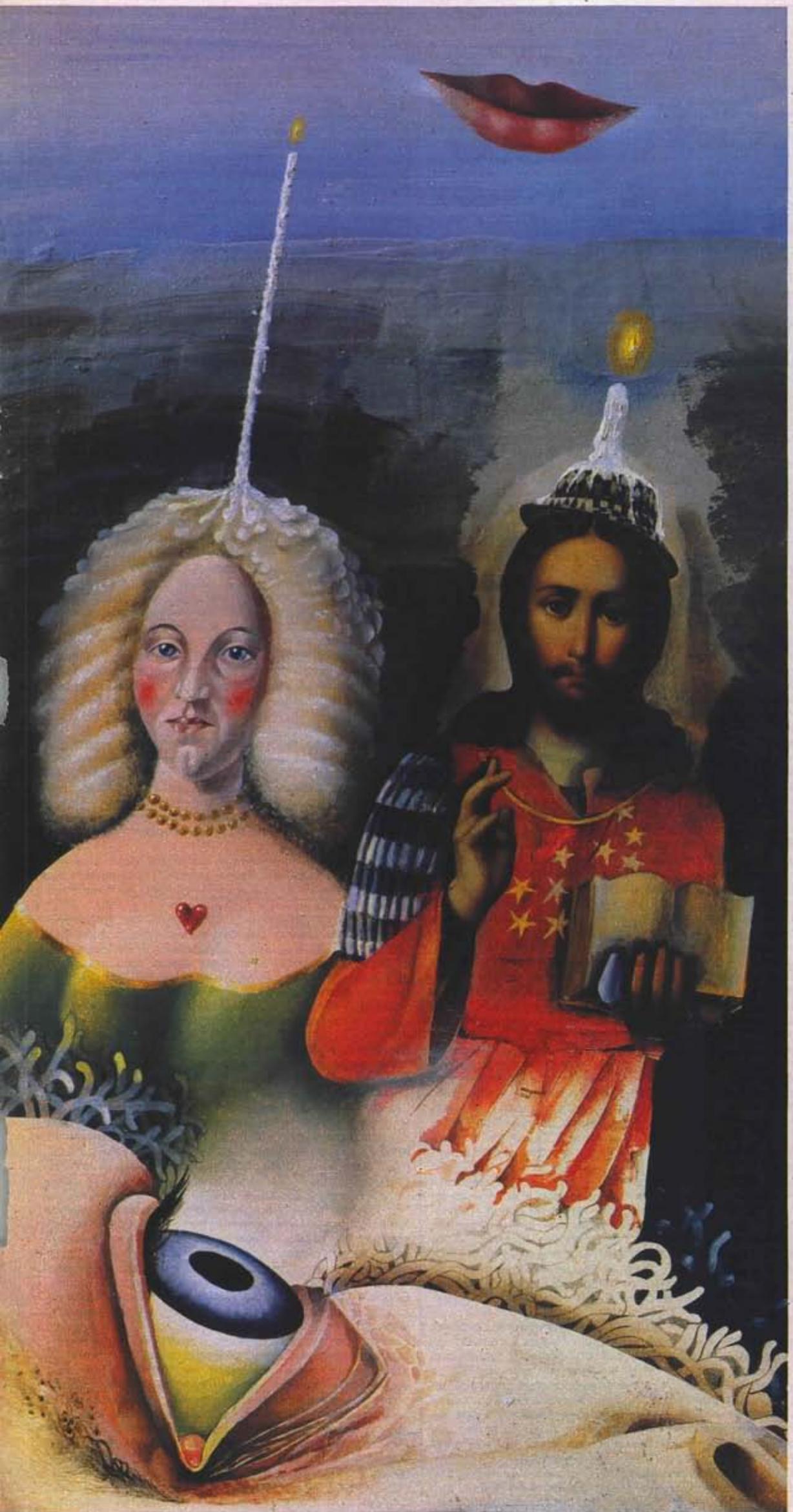
— Приходите завтра, — сказала она, улыбаясь, — Мой отец будет вас ждать вместе с метром Меньяном. Он собирается вам написать, но я скажу ему, что встретила вас и передала это приглашение.

— Значит, я могу считать себя приглашенным! — живо отреагировал я.

Антуан, убедившись в прочности сделанного им крепления, уже забрался на козлы. Я хотел было открыть дверцу, однако Клер, легкая, словно птичка, уже успела опередить меня и исчезла за окном с опущенными занавесками. Прищелкнув языком, Антуан тронул с места свой экипаж. Карета удалялась в дымке наступающей ночи. Вскоре она полностью исчезла из виду, и до меня доносилось лишь цоканье копыт, а через некоторое время воцарилась мертвая тишина.

Какое перо смогло бы описать боровшиеся в моем сердце чувства? Мною почти одновременно завладело возбуждение, граничащее с сумасшествием, и крайнее отчаяние. То я, словно ребенок, беспрерывно повторял: «Я увижу ее завтра!»; то начинал каяться и умолять свою мать простить меня. Однако вскоре, вновь охваченный страстью, я припоминал прелестные

* Спинет — старинный музыкальный инструмент, клавесин небольших размеров.

черты ее лица и грациозные движения тела с мучительным любованием подробностями. Я мысленно повторял ее слова, в которых, как мне казалось, звучали скрытые оттенки страсти, не менее жгучей, чем моя. Стоило нам только расстаться, как я тут же начал страдать от ее отсутствия и требовал свою возлюбленную у лесов и долин. Спустя некоторое время, охваченный мрачной меланхолией, я удивился тому, что барон не направил ко мне своего посыльного, и мне оставалось подозревать эту романтическую девицу в какой-то злой интриге, в результате которой ее отец встретил бы меня завтра с сарказмом, а, возможно, даже грубостями. Неожиданно я счел ее речи и действия слишком уж смелыми, но тут же поспешил обвинить себя в том, что веду себя как жестокое и горделивое чудовище, и, всадив шпоры в скакуна, заставил его полететь стрелой, да так, что он высекал искры из гранита.

Я сообщил метру Меньяну о своей неожиданной встрече и попросил его поехать со мной на следующий день в замок, после чего вернулся к себе разбитый и с горящей головой. К ужину, так тщательно приготовленному хозяином, будто тот догадывался, что за скромной внешностью его постояльца скрывается вернувшийся из изгнания господин де Миозияк, я едва притронулсь. Однако вернулся ли я действительно из изгнания? Не останусь ли я несчастным скитальцем до тех пор, пока не окживу в сердце своей возлюбленной? Прокручивая эти и другие еще более горькие мысли, я очень рано удалился в свою комнату, надеясь, что усталость избавит меня от терзаний. Но не тут-то было. Часы проходили, не принося мне отдыха. Вскоре бледные лучи луны упали мне на лицо, пробудив какое-то сильное волнение. Поспешно одевшись и встав у окна, я пытался наладиться свежестью. На горизонте скопились тяжелые облака, тяжущие в себе бурю, голос которой уже гулко раскатывался вдалеке в то время, как зарницы иногда освещали верхушки леса. Над моей головой небо все еще было чистым и звездная пыль мерцала, словно множество светлячков на темно-синем фоне. Беспокойство, словно изголодавшийся хищник, вновь ожило во мне. Не в силах больше сдерживать себя, я перескочил через подоконник и соскользнул на землю, зацепив при этом глинию, осыпавшую меня целым дождем благоуханных лепестков. Заперев двери на ночь, поселок спал. Я был один, вместе со своей лежащей на земле тенью, и мы вместе отправились в путь еще более молчаливые, чем привидения.

Час спустя вдоль ограды замка на ощупь пробирался призрак. Вы, вероятно, уже догадались, что это я не смог совладать с соблазном повторить свою вчерашнюю вылазку, поэтому до некоторой степени я считал себя призраком замка, который мысленно никогда не покидал. И если иногда легкое поскрипывание пола или двери, открывающейся под тяжестью собственного веса, зарождало мимолетный страх в сердцах владельцев, то я мог преслопокойно думать, что это мой двойник прошелся по паркету или толкнул дверь. Я мог бы — а теперь знаю, что именно так мне и следовало поступить — дождаться утра, и тогда я бы не испытал этого неописуемого ужаса. Однако мною овладело желание вновь увидеть, одному, без свидетелей, дом, в котором я провел свое детство. Мне захотелось приложить руку к этим покрывающимся мхом камням и услышать ветер, разгуливающий по башням замка. Я хотел увидеть окно, за которым почивала та, которая отняла мой сон. Я хотел... О Боже, кто в состоянии выразить все то, чего может хотеть юношеское сердце?! Я шел вперед по освещенной лунным светом дорожке, а впереди меня шествовала моя любовь.

Обойдя стороной дорогу, огибающую пруд, я пошел по длинной аллее, на которой мой отец когда-то учил меня ездить верхом. Эта аллея, идущая полукругом, вела к входу в замок. В старые времена она содержалась в идеальном состоянии, будучи высаженной песком и мелкими речными камешками. Теперь же она наполовину исчезла в густой траве, и я то и дело спотыкался о мертвые ветви деревьев. Медленно ступая, счастливый, я наслаждался прогулкой в этом парке, который вскоре должен был быть мне возвращен: неподалеку виднелся замок, который через несколько часов примет меня навсегда. И хотя сейчас любовь была моей единственной мечтой, она все же прерывалась мыслями, которые были отнюдь не неприятны; я уже мечтал о восстановлении часовни, о том, как буду залатывать бреши в стенах замка, приводить в порядок парк, сад и огород. Пруд будет вычищен и, возможно, даже осушен, если близость стоячей воды будет неприятна Клер. Я уже считал решенным то, что она останется здесь со мной и будет царствовать в этом имении, возвращенном к его первоначальной красоте. Столя эти радужные проекты, я бродил под сводами деревьев, находясь во власти несказанного восторга, как вдруг странный звук резанул мой слух: это уже не эхо бури ворчало на горизонте... и это не сон... это гудит замковый колокол... Он звонил медленно, глухими ударами, словно на похоронах, распространяя смертельную печаль. Время уже наверняка было за полночь. Кто же это может звонить в колокол? Барон? Но с наступлением ночи он запирался на все

засовы. Антуан? Быть может, он заметил пожар в каком-то из уголков замка? Эта мысль привела меня в ужасное смятение, однако я без труда превозмог его, так как заметил, что колокол стал звенеть короткими ударами, словно чья-то осторожная рука специально смягчала их. Так что же это? Клер?.. Клер, забавляющаяся после вечерней прогулки тем, что заставляет заговорить бронзовый голос, соединяя его металлические звуки с секретными отзвуками своей экзальтированной души? Увы! Это предположение, каким бы очаровательным оно ни выглядело, было совершенно необоснованным. Разумеется было бы предположить, что это какой-нибудь бродяга бьет в колокол, чтобы напугать обитателей замка. Но он бы, прежде чем бросить веревку и сбежать, растрезвонил бы вовсю, а таинственный звонарь неторопливо придавал монотонной мелодии форму сигнала. Быть может, этот сигнал оповещал о моем приближении?.. Однако я тотчас прогнал от себя эту нелепую мысль. Но если мне удалось изгнать ее из головы, то из сердца, куда она начала по капле влиять неуловимую тревогу и не преодолимое желание узнать разгадку тайны, мне полностью изгнать не удалось. Колокол смолк, и в этот самый момент, словно по мановению волшебной палочки, в природе что-то изменилось. Задрожав, я начал прислушиваться, и все звуки, которые мгновение назад очаровывали меня, словно деревенская музыка, начали вдруг казаться подозрительными. Я старался приглушить шорох своих шагов, начал всматриваться в темноту больших деревьев и вздрогивал при каждом вздохе совы. А эхо по-прежнему доносило замогильные раскаты далекой бури. Мне следовало бы вернуться обратно, поскольку я уже получил предупреждение столькими предзнаменованиями! Однако к чему повторяться? Я заупрямился; ведь меня воспитала суровая школа изгнания, так что я никого не боялся, будучи уверенными в своих силах. К тому же у меня не было никаких причин заподозрить что-то неладное. Я лишь ощущал смутное беспокойство, вполне объяснимое поздним часом, местом и неожиданным звоном колокола.

Понадобилось довольно много времени, чтобы дойти до двора и увидеть при обманчивом свете луны фасад здания с закрытыми окнами, по обе стороны которого возвышались башни. Во дворе никого не было видно. Над подъездом неподвижно висела цепь, привязанная к языку колокола. И ни души! Я принялся бранить себя. Такого же я ожидал встретить здесь в столь поздний час? Как и всякий бретонец, я был суеверен и в детстве не раз содрогался от поэтических и полных ужаса сказок, которые любят рассказывать по вечерам в стране Амор*. Однако, будучи на открытом пространстве и чувствуя над своей головой небо нашего Господа, я не был склонен, подобно малолетнему, испытывать страхи. Я смело пошел вперед и обнаружил свет в «Башне Маршала», названной так потому, что знаменитый маршал Тюренн провел там как-то одну ночь. Эта башня возвышалась с левой стороны здания и прежде служила моему отцу библиотекой. Большая стеклянная дверь вела оттуда во двор. Я пошел в сторону этой двери, приглушая шум своих шагов. «Вероятно, кто-то заболел» — думал я и тут же вспомнил слова метра Меньяна о том, как часто вызывали врача к изголовью Клер. Мои опасения возросли, и с неописуемой тревогой я опрометью бросился к башне.

Стеклянная дверь оказалась закрытой, однако сквозь ромбы стекла мне все же удалось рассмотреть стоящий на столике канделябр. Я тут же увидел основные детали интерьера, мебель, картины, все еще стоящий накрытый столик на колесиках, однако мое внимание приводила находящаяся в комнате странная компания: в глубоких креслах, расставленных кругом, сидели три человека. Я тотчас же узнал сидящую ко мне лицом Клер. Мужчину и женщину, сидящих вполоборота ко мне, я раньше никогда не видел, но у меня имелись все основания полагать, что передо мной сидели барон и баронесса Эрбо. Все трое сидели неподвижно, однако эта неподвижность походила скорее на неподвижность восковых фигур, чем на неподвижность задремавших людей. Их руки лежали на подлокотниках кресел, а головы были слегка склонены набок. Пламя свечей колебалось под дыханием сквозняков и отбрасывало от застывших тел пляшущие тени. От моего дыхания стекло запотело, но я был до того ошеломлен, что даже не додумался прислониться к нему в другом месте. Недоверчиво я пялил глаза, ожидая, что один из спящих пошевелит хотя бы пальцем. Я желал этого изо всех сил и в глубине души уверял Клер: «Встаньте!.. Заговорите!.. Это же ужасно!..» Однако все трое продолжали ночное бдение, поражающее своей молчаливостью и отсутствием признаков жизни. Они все мертвые! Эта мысль, словно удар молота, вбила мне в голову. Мертвые! Да быть не может этого!.. Я тихонько постучал пальцем по стеклу. Вот сейчас они все трое повернут головы... Что же я им тогда скажу? Какое приемлемое объяснение своему появлению я мог бы дать? Но смертельное забытье всех троих вовсе не было потревожено изда-

ваемым мною звуком, не вздрогнула ничья рука, не всколыхнулась ничья грудь. Ничто не могло потревожить их безмолвного совещания. Свет от канделябров падал на лоб и щеки девушек, и я отметил их крайнюю бледность. Можно было подумать, что Клер и ее родители были внезапно, мгновенно околовданы во время своей беседы и превращены в изваяния. Теперь я был уверен, что веки их сомкнулись под тяжестью смертельного сна. Необходимо было действовать немедля. Но что же делать? Позвать на помощь? Разбудить Антуана? Но у этого малого слишком подлая физиономия. И я принял решение действовать самостоятельно. Я налег на дверь и чуть было не влетел в комнату, так как она оказалась всего лишь прикрыта. Войдя на цыпочках, я взял канделябр и поднял его над головой, чтобы получше рассмотреть всю сцену. Увы! Я сразу же убедился в бесполезности каких бы то ни было действий. Барон, которого легко было узнать по элегантности наряда и по перстню с выгравированной короной на правой руке, представил моему взгляду затылок воскового цвета, при виде которого моя рука с канделябром дрогнула. Кроме того, я увидел еще одну деталь, за достоверность которой полностью ручаюсь: вокруг его бакенбардов кружилась муха, а затем села и поползла по уху, не вызывая при этом ни малейшей дрожи на его теле. Ступив шаг вперед, я взял барона за руку, пытаясь нащупать пульс, однако ледяной холод запястья, к которому я прикоснулся, вырвал из моей груди лишь стон. Отступив, я наткнулся локтем на кресло баронессы. Последняя медленно завалилась на бок, словно манекен, чье равновесие оказалось нарушенным. Стоя перед этими тремя людьми, сраженными каким-то несчастьем, более скрым, нежели чума, но гораздо менее объяснимым, я пошатнулся от ужаса. Легкий ветер, ворвавшийся в открытую дверь, склонил огонь канделябра, который моя дрожащая рука не в силах была удержать, и капли воска усеяли ковер. Отставив канделябр в сторону, на карточный столик, я машинально поднял веер мадам Эрбо и так же машинально положил его рядом с ней на столик, после чего обратил свой взгляд к Клер. На ней было все то же зеленое платье с буфами, изящностью которого я восхищался несколько часов назад. Ее волосы соскользнули на одно плечо, а руки поклонились на коленях. Погрузившись в глубокое кресло, обивка которого была с набивным рисунком в виде кувшинов, она походила на Офелию, заснувшую среди цветов и водяных листьев. Я изнемогал от отчаяния, глядя на нее, похищенную у моей любви в ее первые весенние дни. Итак, мое предчувствие не обмануло меня. Значит, колокол звонил как раз в ту минуту, когда моя любимая испускала свой последний вздох. И там, на аллее, ее душа что-то жалобно шепнула мне, убегая вдаль и доверяя ветру свое печальное прощание. О несчастный! Я осмелился жить, осмеливался дышать подле той, которая навсегда покинула меня! Подавляя слезы, я напрасно призывал к себе смерть. В течение некоторого времени, показавшегося жутко долгим, а на самом деле продлившимся, возможно, не более минуты, я находился в полной простирации и даже думал, что потеряю сознание и упаду бездыханным. Я приложил руку к покрывшемуся потом лбу, и рассудок постепенно начал возвращаться ко мне. Я еще раз окинул взглядом эту невероятную сцену, посмотрев на барона, его жену, Клер, на всех троих, еще недавно совершенно незнакомых мне и занимающих теперь такое большое место в моем сердце. Я стоял здесь, среди них, словно друг, чьего прибытия они ожидали. Но, по-видимому, при моем приближении их беседа оборвалась, и я нашел лишь три бездыханных тела. Что же я медлю? Нужно ведь скорее бежать в поселок за врачом! Это было самым разумным решением, но уйти не хватало сил. В этой тройной смерти было что-то необычное, какой-то смутный ужас, который остановил меня, и я начал сомневаться в себе. Наконец я решился, несмотря на отвращение, еще раз ощупать руку барона. Дотронуться до руки Клер я бы ни за что не осмелился. Мне лишь пришло признавать очевидное. Смерть забрала эти три жизни, предварительно отняв их у Мерлена и де Дерфа, предыдущих владельцев замка. Этот факт только умножил мое замешательство, и я направился к порогу, охваченный паникой, которую уже ничто не могло предотвратить. В тот момент я услышал, как где-то в глубине замка скрипнула дверь, и я опрометью вылетел во двор. Совершенно потеряв голову, я уже не знал, бегу ли я за помощью, или же сам пытаюсь спастись. Я сбежал и должен в этом признаться! Я бежал, не зная, что мчусь навстречу еще более нестерпимому ужасу...

...После тяжких недель, проведенных в глубоких размышленииах, я дал клятву, читатель, ничего не опускать и скрупулезно описать все, что произошло в первой половине этой ненавистной мне ночи. Моя память навсегда отпечатала невероятные события, невольным свидетелем которых я стал. Поэтому сколь нереальным ни показался бы мой рассказ, я все же продолжу его, так как я уверен в том, что видел все это собственными глазами. И именно потому, что я видел ЭТО, я и готовлюсь сейчас умереть.

Глядя прямо перед собой, я бежал по аллее, приведшей меня в замок. Мною руководило лишь одно желание: поскорее удалиться от этого проклятого ме-

ста, потому что среди живых уже не было возлюбленной. Сильная душевная боль довела меня до безумия, и, охваченный растерянностью, в которой позже мне пришлось раскаться, я несся, полностью отдав себя на волю случая. Не помню, когда именно я очутился в лесочке. Лунный свет заполнял его миражами, вырисовывая заросшие колючим кустарником тропинки, словно потешался, вводя меня в заблуждение. И вот я уже начал путаться в этом заколдованном бледным светом мирке, то открывавшем, то закрывавшем мне путь к спасению. Помню лишь, что из-за сильного удара я упал на подножия какого-то дерева, на которое, видимо, я налетел на бегу. Почувствовав приступ головной боли, я поднес руку ко лбу и увидел, что на ней остались какие-то темные следы, вероятно, крови. Еще долгое время я лежал неподвижно, пытаясь сбрасываться с силами и превозмочь эту слабость, приковавшую меня к земле. Постепенно я начал приходить в себя и уже собирался встать и продолжить свой путь, как вдруг какой-то странный звук остановил меня. До моего слуха донеслось какое-то мерное поскрипывание. Источник звука двигался на некотором расстоянии от меня. Оно походило на поскрипывание качающегося на ухабах неровной дороги экипажа. Заинтересованный этим звуком, я спрятался получше за ствол сбившего меня с ног дерева. Скрип все приближался, сопровождаясь звуком, похожим на стук лошадиных копыт по газону.

Признаюсь, что звуки возбудили мое любопытство. Несмотря на мигрень, первые приступы которой уже давали о себе знать, я старался глядеть во все глаза. Движущийся во тьме предмет наверняка был каретой, и в этом не было никаких сомнений. Неожиданно истина молнией сверкнула в моем сознании, и я похолодел от непреодолимого ужаса, узнав это специфическое поскрипывание, свойственное нашему старому ландо. Оно катилось по заросшей высокой травой центральной аллее, наезжало на камешки, на хрюстящие ветки: ландо продвигалось с величавой медлительностью, вызвавшей в моем воспаленном сознании картины моего детства и легенды о похоронном экипаже, увозящем мертвых в царство Аида. Каким образом оно могло оказаться здесь, в парке, в столь поздний час?.. И все же это был не сон: я все отчетливее слышал скрип приближающегося экипажа. Бушевавшая где-то за горизонтом гроза стихла, и тишина была такой, что каждый вздох ночи был отчетливо слышен. Неожиданно в конце усеянной темными пятнами длинной дорожки, в бледном свете луны я увидел его! Этот странный экипаж скользил, словно корабль, по поверхности воды молочного цвета. Над нечеткими очертаниями лошади, казавшейся окутанной каким-то легким паром, возвышалась высокий силуэт сидевшего на козлах кучера. Несмотря на расстояние, я ясно увидел колеса, и каждая их спица отражала, перемещаясь, лунный свет. Экипаж катился словно на прогулке, а его тяжелый каркас вяло покачивался на ухабах дороги.

От волнения мое сердце забилось еще сильнее. Я смотрел и ждал, что будет дальше, спрашивая себя: не меня ли ищет это ландо и не выбран ли я жертвой для какого-то неминуемого события?

В этом сумраке лошадь показалась мне огромной и черной. Выдохнув две струи пара, она встрихнула удилами. Когда же экипаж погружался в полы тьмы, до меня доносились лишь глухие удары подков, топчуших высокие травы, и неровный скрип. Но вот колдовской свет луны вновь упал на ноги животного и поблескивающие контуры экипажа. Я невольно вытянул шею, чтобы получше рассмотреть крайне странных ночных гуляк, и заметил, что верх экипажа оказался откинутым. Я разглядел двух человек, сидящих в глубине, и третьего, сидящего напротив них. Однако по мере того, как ландо приближалось ко мне, картина становилась все более четкой, будто бы я смотрел на нее в бинокль, постепенно налаживая его. Первое, что я узнал, это был пышный рукав зеленого платья, затем луна осветила волосы Клер и тонкие очертания ее профиля. Я укусил себя за руку, чтобы не закричать. Клер повернула голову в сторону леска, где я пряталась, и, несмотря на бледный свет, окрасивший ее лицо смертельной краской, я заметил, как сверкнули ее зрачки в тот момент, когда карета поравнялась с моим наблюдательным постом. В ту же секунду моему взгляду открылись спутники ее ночной прогулки. Не знаю, какие силы помогли мне написать эти строки, потому что от волнения, перехватившего тогда мое дыхание, у меня даже сейчас начинают дрожать руки. Барон выдыхал густые клубы дыма и стряхивал пепел с сигары пальцем, на котором поблескивал перстень. Пятна тени усеяли его бакенбарды, манишку и сюртук. Сидящая подле него баронесса поигрывала веером — тем самым веером, соскользнувшим с ее платья на ковер в тот страшный момент. Нет! Нет! Я находился во власти иллюзии, галлюцинации, вызванной ударом о ствол дерева. А вместе с тем лицо Клер, сидевшей теперь напротив меня в удалявшемся ландо, приобрело восковой цвет, и по этой смертельной маске, словно масло, медленно струился лунный свет. «Ну разве это не плод моего воспаленного воображения?» — думал я. Вместе с тем я отчетливо видел, как склоняется трава под колесами экипажа, и слышал, как скрипает лошадь и скрипит ось. Да что тут говорить!

* Амор — кельтское название морской части Бретани (на море) в противоположность названию внутренней части Бретани — Аросат (страна лесов).

За удаляющимся экипажем тянулся скручающийся в клубы дым, а легкий ветерок донес до моих ноздрей запах табака... Ландо неожиданно погрузилось в оstromовк тымы. У меня перехватило дыхание, словно какая-то страшная опасность готова была разразиться над моей головой. Неужели экипаж исчез? Неужели он провалился сквозь землю со своими призраками-пассажирами?.. Однако его уже несколько расплывчатые очертания неожиданно возникли вновь. По ландо за скользили кружевные тени листвьев, которые, как казалось, усеяли его, отправляя в небытие. Через мгновение он исчез в темноте ночи. Мною овладело желание броситься за ним, догнать и дотронуться до него. Однако ноги мои словно приросли к земле. Полный недоверия и сомнений, я еще долгое время стоял и всматривался в лесок. И лишь раздавшаяся мелодичная песня соловья развеяла все это колдовство. Покинув свое укрытие, я подошел поближе к месту, по которому проехало это странное видение. В траве, блестящей от покрывшей ее росы, четко виделись две параллельные линии — следы от колес. О Боже, почему в это мгновение ты не лишил меня рассудка? Тогда бы мне не пришлось испытать столько страданий и пролить столько слез!

Мое сознание терзалось тысячу ужасных подозрений. Я стоял неподвижно посреди аллеи, мой лоб задевали черные крылья летучих мышей, однако мои страхи частично уже исчезли, и колдовству ночи более не удавалось растревожить мои нервы. Я пытался разрешить зловещую задачу, противоречивыми условиями которой я обладал. Так были ли они мертвы? Или же все-таки живы? Можно было выбрать лишь одно из двух. В какой именно момент мои глаза обманули меня? Я колебался, не зная, что выбрать. У меня сложилось впечатление, что, вступив в стены нашего замка, я попал в сказку, в одну из тех страшных легенд, которыми по вечерам зачитывалась моя бедная мать. И вместе с тем это явно был не сон. Я даже чувствовал, что мое любопытство возрастает все больше и больше. Наконец, после длительных сомнений я все же решил возвратиться. Невзирая на таинственные опасности, возможно, окружавшие меня, я считал своим долгом возвращение, чтобы найти хоть какой-нибудь знак, который помог бы мне разобраться во всем, какое-нибудь новое доказательство. Если бы моя любимая действительно оказалась мертва, то я бы отказался от своих планов. Но если она жива, если... Перекрестившись, дабы снискать себе защиты ангелов, я осторожно направился к замку, обходя стороной перекрестья аллей, круглые поляны — словом, все те места, которые были хорошо освещены луной. Понараснус я напрягал слух — кроме трелей соловья и доносящегося издали кваканья лягушек, ничего не было слышно...

Я долго всматривался во двор замка, на котором вырисовывались симметрические тени двух башен и фантастические силуэты флюгеров. Уступлю ли я страху, находясь так близко от цели? Внутренне уверенная себя, я неожиданно решился и преодолел в несколько прыжков те десять — пятнадцать тауз*, отделявших меня от золотучного салона. За стеклянной дверью по-прежнему мерцал свет канделябра. Я медленно посмотрел сквозь стекло, и ледяной ход пронзил меня до костей. Они все трое так и сидели здесь, хотя уже не на тех местах, — они переместились! Черт возьми! Да ведь они, вероятно, совершив прогулку по парку, только что вернулись обратно... Я полагаю, что меня спас гнев, здоровая реакция широкой натуры, унаследованной мной от отца. Посему я без всяких колебаний вошел в комнату.

— Вот я! — сказал я. — ...Мюзик!

Мои слова прозвучали странным образом в пустоте салона. Никто даже и не шелохнулся, лишь пламя свечи слегка дрогнуло, потревоженное моим приходом. Вокруг меня вращались огромные тени, и, казалось, на какое-то мгновение неподвижные силуэты трех Эрбо, похожих на мраморные изваяния, ожили. Они сидели все в тех же глубоких креслах, в которых я их увидел в первый раз. Барон все же несколько приблизился к своей жене. Он вновь положил свои руки на подлокотники, а в пепельнице дрогала его сигара. Рядом с баронессой стоял низенький столик с корзинкой для шитья, а на ее пальце был теперь наперсток... Клер... Однако к чему продолжать? Царящее молчание не может обмануть даже очень скептически настроенного человека. Совершенно очевидно, что эти тела были лишены жизни, словно восковые фигуры, имеющиеся в некоторых музеях и снабженные пружинами, заставляющими их двигаться, дабы поразить публику. Но, быть может, передо мной просто великолепно сделанные манекены? Едва эта мысль пронеслась у меня в голове, как я ее тут же с отвращением отвергнул. А чтобы заставить замолчать это второе «я», которое вот уже час, как докучало мне своими нездоровыми умозрительными построениями, повинуясь не знаю какому инстинкту насилия и страха, я взял блестящие в корзине ножницы и, примерившись к руке барона, быстрым движением ударил ими ее. Лезвие задело большой палец правой руки, глубоко ранив его. На краю раны появилось нечто вроде коричневой серозной жидкости, которая немедленно

свернулась, и из моего горла невольно вырвалась насмешка. Барон уже так давно был мертв, что даже кровь в его венах застыла. Я мог сколько угодно изощряться, ударять их ножницами... однако я был не в состоянии вырвать всех троих из объятий смерти...

Ноги мои подкосились, и я лишь чудом удержался на них благодаря усилию воли. Голова давала знать о полученном мной ударе. Бросив ножницы, я осенил крестным знамением три трупа, а затем украдкой удалился, будучи не в состоянии ни думать, ни стоять, чувствуя полнейшее изнеможение души и тела... В тот момент, когда забрезжил восход, я добрался до гостилицы и ценой последних усилий вскарабкался на балкон своей комнаты. Рухнув на кровать, я погрузился в сон, похожий на смерть...

Когда, много часов спустя, я пришел в себя, то оказался в сером ватном мире, словно недавно освобожденная и погруженная в преддверие рая душа. Кем я был? Что это за тяжелая печаль тянетесь за мной? Перед моим удивленным взглядом открылась незнакомая комната. Какая-то лошадь была копытом о мостовую, рядом в саду щебетали птицы. Внезапно я понял причину своих терзаний: счастье навсегда покинуло меня. Сходя с ума от душевных мук, я прохладил день, увидевший мое появление на свет, и начал строить зловещие планы. Зачем мне жить в Британии? Не лучше ли мне покинуть родину, чтобы найти где-нибудь вдали от этой негостеприимной страны безвестную, но принесущую пользу смерть? С состоянием, которое собрал для меня нотариус, я бы легко нашел какое-нибудь прибыльное занятие в далекой Америке, предпочитаемой всеми европейскими эмигрантами. Я даже представил мысленно свое будущее, вносящее гармонию в мое отчаяние, как тут кто-то стал царапаться в мою дверь. Это был слуга, пришедший объявить мне, что метр Меньян к моим услугам и ожидает меня в большом зале внизу.

Метр Меньян! Что же я ему скажу?.. Заканчивая свой туалет, я перебирал приемлемые объяснения, которые избавили бы меня от возвращения в замок и скрыли бы мою душевную рану. Однако ни одно из них не было убедительным, а истина представляла в таком маловероятном виде, что я тотчас же предстал бы в глазах нотариуса сумасшедшим, если бы отважился сообщить ему о виденном. И совершенно понапрасну я бы утверждал, будто бы видел ЭТО, что уверен в том, что видел ЭТО... мне бы смогли возразить очень просто: мол, плохо вы видели. А если бы я, с другой стороны, признался, что побывал в парке и даже в самом замке, то, зная мою враждебную настроенность по отношению к барону, меня тотчас же обвинили бы в причастности к смерти барона и его близких. Итак, я вынужден был молчать. Но тогда метр Меньян повезет меня туда... И я буду вынужден в третий раз увидеть... О Боже! Я почувствовал, что бледнею при одном воспоминании об ожидающей нас сцене. Время текло, а я так и не смог придумать ничего, что могло бы спасти меня. Я чувствовал крайнюю усталость, и мне казалось, что мои волосы побелели за время той отвратительной ночи. Едва хватило сил стоять, словно я был старцем, разрушенным тяжестью годов и несчастий. Спускаясь по лестнице, я по-прежнему мысленно продумывал множество противоречивых вариантов беседы, но был не в состоянии выбрать хоть один из них, который бы помог мне.

Нотариус встретил меня с той же предупредительностью, что и накануне. Он держал на своих коленях большой портфель, закрытый на замок.

— Здесь у меня, — сказал он мне, похлопав по коже рукой, — собрано то, благодаря чему мы сможем держать их в своих руках. Однако пусть Господь простит меня, не заболели ли вы, господин граф?

— Пустяки, — ответил я. — Это просто волнение...

— Да, действительно, — признал этот добрый малый, — мы приближаемся к торжественной минуте. Даже я сам...

И лихо опрокинув стопку водки, он добавил:

— Я был бы тоже не прочь сказать этому барону Эрбо пару крепких словечек. Мой экипаж стоит на площади и через четверть часа...

— Я вот думаю... — начал было я.

— Но он улыбнулся с хитрым видом.

— Пусть господин граф полностью положится на меня. И мы проведем сделку без всяких трудностей.

— Тем не менее...

— Ни слова больше! Я хорошо знаком с делами подобного рода, пойдемте!

И, взявшись за руку одновременно приветливым и почтительным образом, он повел меня к двери.

— Но нас ведь никто не торопит, — попробовал я было возразить.

— Нужно ковать железо, пока оно горячо. А не то барон может передумать. В данный момент он все еще находится под впечатлением от вашего прибытия и готов пройти под Кавдинским яром.

Я забылся, приободренный увлеченностью и доброжелательностью своего спутника. Впрочем, моя слишком явная нерешительность могла показаться ему подозрительной. Кроме того, из-за какого-то помутнения

рассудка я начал находить ситуацию, в которой я беспомощно барабтался, небезынтересной. Из всех неудачников я, несомненно, был самым печальным и самым жалким. И все же мне было любопытно присутствовать в качестве высокомерного зрителя при крушении своих же собственных чаяний, и я сел в кабриолет рядом с нотариусом, мысленно читая сонеты Шекспира. Кто сможет разгадать тайну человеческого сердца, которое в тот самый момент, когда оно угаснет под пронизывающими ударами, способно найти отчаянное удовольствие в самой суровости боли? Погрузившись в подобные мысли и пребывая в оцепенении, которое хотел бы продлить вечно, я слушал бойкую болтовню нотариуса. Он уже видел себя хозяином положения: он покупал право ренты, он договаривался о выгодной арендной плате и клялся восстановить менее чем за пять лет мое потерпанное состояние. Я бы поступил очень жестоко, выведя его из этого заблуждения сообщением о желании отказаться от борьбы.

Вскоре кабриолет уже ехал вдоль лесопосадки замка, и нахлынувшие воспоминания ввергли меня в состояние крайнего уныния (что не прошло мимо внимания метра Меньяна).

— Мы, вероятно, могли бы отсрочить наш визит, господин граф, поскольку я вижу, вы сильно возбуждены.

— Это всего лишь усталость, — пробормотал я, — путешествие. Впрочем, свежий воздух идет мне на пользу.

— Прощу прощения, что я был настойчивым, — продолжил он.

Между нами воцарилось молчание, в то время как кабриолет приближался к воротам замка. Я узнал место, на котором в первый и последний раз беседовал с Клер. Это было вчера, и это было так давно. Вчера она, должно быть, была жива, но сейчас... Затем мои мысли потекли в иное русло: я почему-то подумал, что три человека не умирают разом от болезни и не решают вместе — что было бы чудовищно! — покончить со своим существованием. Следовательно, какой-то таинственный преступник... Но я тут же оставил эти сумасбродные предположения. Разве я не был уверен в том, что видел их всех троих, двигающихся в ландо? Разве я не вдыхал запах от сигары барона? Правда, мгновение спустя, в салоне... Я не смог удержать свой стон, и нотариус сочувственно склонился ко мне.

— Вы побледнели, господин граф. Скажите только слово, и мы вернемся.

Однако я был решительно настроен испить до дна этот роковой кубок, раз уж отодвинуть его от моих губ было невозможно. Не паду ли я завтра духом еще больше и соответственно не представлю ли я перед еще большими опасностями? Я знаком показал, что отказываюсь от этого предложения, и мы въехали на большой двор. Здесь ничего не изменилось с предыдущего дня. Слева виднелась по-прежнему приоткрытая дверь небольшого салона. Перелетая на башню, каркали вороны, а весеннее солнце, освещая старые стены праздничным светом, делало их еще более серыми и, как мне показалось, более враждебными. Во дворе не было ни души.

— Это настоящий замок спящей красавицы, — прорычал метр Меньян, который, без сомнения, надеялся на то, что нас встретят.

Он остановил кабриолет перед подъездом, и мы вышли.

— Эй! Кто-нибудь! — позвал он.

Я чуть было не сказал ему, что он понапрасну теряет время и что владельцы замка не в состоянии нас услышать, но все свои усилия я тратил на то, чтобы стоять прямо и побороть слабость, которая исподтишка подтаскивала мои последние силы. Мой спутник ухватил цепь колокола, и я услышал леденящие кровь удары.

Колокол заунывно звонил, а мне казалось, что я все еще слышу похоронный звон, стоя в глубине леса. Я дернул метра Меньяна за рукав.

— Клянусь Богом, я не знаю, почему эти люди, пригласившие нас, позволяют заставлять вас ждать, господин граф.

Он в бешенстве и с еще большим усердием стал дергать веревку, без умолку трезвоня. Наконец дверь раскрылась. На пороге появился Антуан и низко поклонился.

— Не желают ли господа пройти за мной?.. Господин барон тотчас же примет их.

— Хочется надеяться, — сказал нотариус надменным голосом.

Что касается меня, то я походил на человека, доведенного до бреда лихорадкой. Нотариус пропустил меня вперед, и я прошел за слугой внутрь этого про克莱того замка, принадлежащего моим предкам. Проходя через многие залы, я лишь мельком окинул их взглядом — до такой степени мое сердце было охвачено страхом. Мы направились к башне. Неужели слуга хотел посмеяться над нами или, быть может, он следил за полученным накануне, до прошедшего драмы, указанием? Это, без сомнения, было удачное предположение. Но ведь этот же слуга, ведь это же он управлял ландром тогда, во время прогулки в парке...

* Тауз — старофранцузская мера длины, равная 1 м 94 см.

* В ущелье Кавдия римская армия, разбитая в 321 году до н. э., позорно прошла под яром. Пройти под Кавдинским яром — принять унизительные условия.

Я вновь настолько запутался в противоречивых предположениях, что, когда слуга постучал в дверь гостиной, я не смог удержаться, чтобы не схватить нотариуса за руку.

— Не бойтесь,— шепнул мне метр Меньян,— я не дам провести себя.

Как будто бы я боялся этого! Сейчас выяснится ужасная истина, и я спрашивал себя...

— Войдите! — вдруг раздался голос.

Распахнулась дверь, слуга объявил:

— Господин граф де Миозия... Метр Меньян.

Ступив несколько шагов, я увидел их всех троих, сидящих в глубоких креслах. Я увидел Клер в ее одеянии наяды^{*} и баронессу, прикрывающуюся веером. Я увидел идущего навстречу и протягивающего мне руку барона Эрбо, большой палец которой был перевязан.

— Добро пожаловать, господин граф. Мы счастливы познакомиться с вами...

Его голос звенел в моей голове, словно труба Страшного Суда. Я вздрогнул от ужаса, когда моя рука дотронулась до его руки, которая оказалась теплой и сухой, но еще страшнее стало мне, когда я склонился над рукой баронессы. Сошел ли я с ума? Или же передо мной находились демоны? Вместе с тем взгляд моей любимой, обращенный ко мне, был чистым, словно родниковая вода, и не скрывал никакой тайны. Кто придинул мне кресло и в какой именно момент это произошло? Что отвечал я на приветливые слова барона? Этого я не могу вспомнить. Помню лишь очень четко свой страх, возрастающий по мере того, как моим глазам представились на мгновение забытые детали: перстень, сверкающий на пальце барона, в то время как он машинально приглашивал свои бакенбарды, корзинка с рукоделием, стоящая прямо у моих ног, и еще видимый на ковре след от капель воска, тщательно соскобленных.

— Не желаете ли сигару, господин граф?

Я отказался. Нотариус объяснил, что путешествие утомило меня и что я нуждаюсь в длительном отдыхе. Но я уже не слушал его, а лишь тупо уставившись на кончик горящей сигары, вдыхал ее дым, пытаясь сравнить его с тем дымом, который я вдыхал вчера в лесу. Затем, оставив в покое сигару, мои взгляды упорно возвращались к трем глубоким креслам, к трем силузтам в полумраке комнаты, они были на том самом месте, где я их видел накануне. А когда беседа, скопо поддерживаемая нотариусом, смолкла, то у меня возникло чувство, что сейчас все должно было начаться сначала, что наши хозяева сейчас заснут, застынут в своих креслах, погрузятся в сон, который на этот раз будет вечным. Однако барон тут же, как будто бы разделяя мои опасения, выразил замечание, оживившее беседу. Мне было нетрудно догадаться, что его предупредительность была насквозь фальшивой и невыносимое ощущение принужденности, которое я чувствовал, должно быть, разделялось всеми, поскольку Клер упорно молчала и сидела теперь, не поднимая глаз. Мне стало неприятно, когда я заметил, что щеки ее побледнели, глаза были как бы обведены синими кругами, а губы полностью лишены притока крови. Ее мать казалась мне еще более исстрадавшейся. В частности, я отметил, что ее руки дрожали. Да и сам барон, несмотря на веселость, сигару и полноту деревенского дворянина, как показалось, только оправился от какой-то болезни, поскольку его голос моментами слабел и как-то странно надламывался. Да и метр Меньян уже стал замечать некую неловкость, терзавшую меня. Он ерзal на своем стуле, покашливал и, не осмеливаясь перейти к цели нашего посещения, говорил об урожаях, домашнем скоте и о погоде.

— А не пройтись ли нам по замку? — неожиданно предложил барон, поворачиваясь ко мне. — Я полагаю, что это — ваше самое жгучее желание.

Выходя из гостиной, метр Меньян шепнул мне на ухо:

— Вы не находите, что они странноваты?

Я предложил свою руку Клер, и мы несколько отстали от барона, его жены и метра Меньяна, поскольку нас вовсе не интересовали деловые вопросы, к которым нотариус уже явно приступил. Мы медленно проходили через огромные комнаты, которые я узнавал со щемящим чувством меланхолии. Дошло до того, что я даже начал сожалеть о том, что замок не разорили, поскольку моя странная судьба заставляла меня в полнейшем одиночестве обосноваться в нем. Когда Эрбо уедет, у меня будет бездна времени, чтобы бродить из комнаты в комнату, словно его последнее привидение. И я беспрестанно буду вспоминать о трех трупах в гостиной, об этих трех мертвцах, которые в настоящий момент окружали меня и беседовали самым что ни на есть любезнейшим тоном... Я так и не смог сдержать судорожную дрожь, пробежавшую по моему телу, и Клер тихо спросила меня:

— Господин граф, если вы нездоровы, мы могли бы, быть может...

Очаровательнейшее существо! Я готов был поделиться с ней истиной и сегодня с трудом понимаю, что именно меня остановило от этого.

— Здесь под сводами довольно свежо, — сказал я. — Пойдемте!

* Няды — в греческой мифологии водяные нимфы.

Не знаю, что помешало мне намекнуть ей наочные события. Я все еще горел желанием проникнуть в эту тайну, но не знал, как именно высказать свои мысли, чтобы естественным образом завязать непринужденную беседу на терзающую меня тему. Кроме того, шелковое шуршание платья Клер, легкое прикосновение ее пальцев к моей руке, запах ее волос, словом, все ее присутствие окончательно взволновало меня до того, что я просто потерял дар речи. Так незаметно мы перешли на второй этаж замка. Я смутно слышал голос нотариуса, называвшего цифры и, казалось, поддерживающего оживленную беседу. Вдруг мы вошли в мою небольшую спальню с побелевшими стенами, обставленную крайне строго.

— Моя спальня! — пробормотал я.

— Мы отремонтировали ее, — сказала Клер.

Я долго смотрел на узкую железную кровать, стоявшую под белыми крыльями занавесей, на распятие и высохшую веточку освященного кустарника, на секретер, крышку которого я отбрасывал, когда садился что-то делать, и стоящий в углу, подле окна, выходящего на крепостную стену, скромный столик с тазиком и кувшином воды. Из этой комнаты я был безжалостно выгнан в ссылку, а теперь я возвращался, чтобы выдержать новое, гораздо более тяжкое испытание. Как я желал, чтобы эти нежные излияния, милые откровения и воспоминания придали бы немного твердости и одновременно надежды моему сердцу! Но имел ли я право признаться этой девушке в терзавших меня чувствах? Мог ли заставить ее разделить мои опасения? В особенности как мне сказать ей о том, что я вижу сейчас? Я чувствовал себя похожим на одного из рыцарей прежних лет, заколдованных любовью феи, и, возможно, я бы нисколько не удивился, если бы моя любимая превратилась на моих глазах в райскую птицу или единорога.

Не без труда я отогнал все эти абсурдные мысли и подвел Клер к дозорному посту, с которого открывался вид на парк с его благородными деревьями, на пруд, сад и руины часовни.

— Я мечтал о другой участи! — вздохнул я. — Сколько сильно я желал, чтобы однажды этот замок вновь вернулся ко мне, столь безразлично будет мне отныне прожить в нем, если, разумеется, между мной и вашими родителями будет заключено соглашение. Да что же я говорю? Пожалуй, я подпишу подобное соглашение с чувством крайней неприятности.

— Почему? — спросила Клер. — Разве вы...

— Я буду испытывать огромное сожаление, когда стану бродить в одиночестве по аллеям, по которым так часто прогуливались вы. Здесь все — вдумайтесь в эти слова — будет напоминать о вас. Эти лепестки, плывущие по пруду, которые вы обрывали, эти камни, на которые вы ежедневно смотрели, а если мои пальцы прикоснутся к спине, то разбудят любимую вами музыку... Ваша тень останется пленницей в этом замке, а я стану пленником вашей тени.

— Замолчите! — вскрикнула она.

Ее грудь страстно вздыхала, а ее щеки стали бледными, словно цветки камелии. Мягко отводя ее руку, я покрыл ее поцелуями.

— Клер... Клер... Послушайте меня. Мне совершенно необходимо это. Речь идет, возможно, о вашей жизни и о моей... Я более не смогу жить без вас.

— Прошу вас, господин граф, пустите меня!

Я не оставил своей добычи, и в то время как слезы заливают ее красивые глаза, я рассказал ей о своем детстве, жизни изгнанника и отчаявшейся любви. Она больше не пыталась оттолкнуть меня, и, теряя остатки хладнокровия, я упал перед ней на колени, предлагая ей свое имя и титул, свое состояние и этот замок, который я тем не менее раньше поклялся отнять у нее.

— Нет, — простонала она. — Нет... Это невозможно!

— Значит, вы меня не любите?

Она провела рукой по моим волосам.

— Я не говорила этого.

Тогда я мгновенно вскочил на ноги и, притянув ее к своему плечу, сказал:

— Так, значит, вы меня любите! Я это знаю! Я это вижу! Вы любите меня, Клер! Вы — моя!

— Я навсегда останусь ничьей. Так предрешено.

— Кем? Ваши родителями?

— О нет! Мои родители предоставили бы мне полную свободу действий.

Тогда я вдруг вспомнил ее пропитанные тайной слова, ее намеки на жестокость вещей и опасения барона.

— Клер, — настаивал я, — у вас есть какая-то тайна. Доверьте ее мне. Я сумею вам помочь.

— Увы! — сказала она. — Эта тайна принадлежит не мне.

— Нет такого ужасного секрета, который я бы не смог сохранить в тайне. Вы опасаетесь какого-нибудь врага?

— Против этого врага вы не в силах что-либо предпринять.

— Где он скрывается?.. В замке?

Перевод с французского Алексея ДРОЗДОВСКОГО.

Окончание следует.

ЧИТАЙТЕ
В БЛИЖАЙШИХ
НОМЕРАХ:

Как в Ростове
родился «МИФ».

Касымов начинает
и выигрывает.
Фотоочерк.

Из «Колымских
тетрадей»
Варлама Шаламова.

Город,
вредящий здоровью.
Ставим проблему.

Секреты
патентной службы

Хотите иметь
самолет —
обращайтесь
в «Смену».

Страницы
отечественной
словесности.
Николай Клюев.

Рэй Брэдбери.
«Мгновение
в лучах солнца».

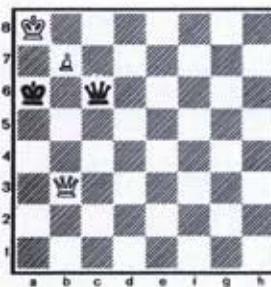

30-я шахматная олимпиада
Под редакцией гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

ПАРАД МИНИАТЮР

В сегодняшней подборке приведены
этюды-миниатюры с черным ферзем.

Л. ван ФЛИТ
1888 г.

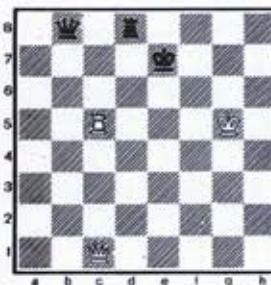
Выигрыш

В этом классическом этюде белые достигают цели с помощью жертвы ферзя во всех вариантах!

1. Fb4 (цугцванг) 1...Fdf5(f3) 2. Fa4+ Krb6 3. Fb3+! F:b3 4. b8F+; 1...Fg2 2. Fa3+ Krb6 3. Fb2+! F:b2 4. b8F+; 1...Fh1 2. Fa3+ Krb6 3. Fb2+ Krc7 (3...Kra6 4. Fa2+ Krb6 3. Fb1+!) 4. Fh2+! F:h2 5. b8F+ с выигрышем.

Способ, которым достигается выигрыш, является типичным, и его необходимо запомнить.

Г. РИНК
1922 г.

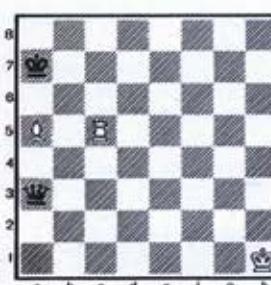

Выигрыш

При абсолютном равенстве сил белые проводят матовую атаку, солью которой является тихий ход королем, ставящий черных в положение цугцванга!

1. Lc7+ Ld7 2. Fc5+ (2. Fe3+? Kpd8 3. Fc5 Ld5+!) 2...Kpd8 3. Kph6!! (цугцванг!) 3...Fc7 4. Ff8x.

В. ГАЛЬБЕРШТАДТ
1935 г.

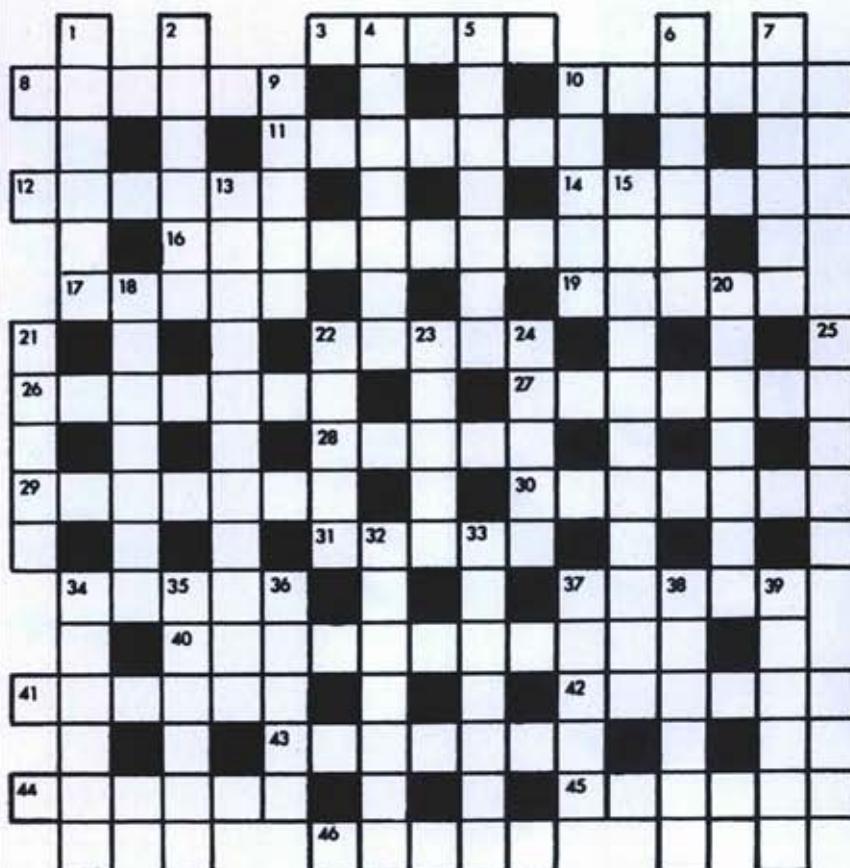
Ничья

1. Ce1! Fe3 (1...F:c5 2. Cf2 F:f2 — пат) 2. Cg3!! (2.Cf2? F:f2 3.La5+ Krb7 4.Lb5+ Krc6! или 3.Lc7+ Краб 4.Lc6+ Krb5!) 2...F:g3 3. La5+ и вечный шах по линии «а». 2...Krb6 3.Lc2!! F:g3 3. Lb2+, и опять вечный шах.

Малютка с большой игрой!

КРОССВОРД

Составил Л. Бирюк, пос. Новоозерное Крымской области

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

3. Известный норвежский математик XIX века, который из-за бедности был вынужден давать частные уроки. 8. Герой греческих мифов, убивший в припадке гнева своего учителя музыки Лина, наказавшего его. 10. Французский художник-романтик, в своем творчестве никогда не преклонявшийся перед официальными авторитетами. 11. Линия равных глубин на морской карте. 12. Морская птица, ныряющая быстро и без всяского всплеска. 14. Газ, на котором «работают» сильнейшие источники света. 16. Прибор, которым измеряют оптическую плотность проявленных фотоматериалов. 17. Неразлучная спутница д'Артаньяна. 19. «Покрывало», на которое перед смертью на Украине попросил положить себя фаворит Екатерины II князь Г. Потемкин. 22. «Зажигатель» Олимпийских игр. 26. Торгово-финансовый центр на юго-востоке США. 27. Карельский художник-пейзажист. 28. Драгоценный камень, упоминаемый в стихотворении С. Есенина: «Я спросил сегодня у меня...». 29. Основная золата монета Англии с 1816 до 1914 года. 30. Герой в романе И. Тургенева «Накануне». 31. Самая многочисленная из ящериц. 34. Итальянская певица, взошедшая яркой звездой на парижском горизонте в 1822 году после многих неудач на родине и в Англии. 37. Светит, а не греет. 40. Оборонный опрокидыватель танков. 41. На Кавказе — кефир, в Болгарии —... 42. Борьба, которой следовало бы обучить всех порядочных людей. 43. Муза, «явившаяся» А. Пушкину первой. 44. Африканская столица, старая часть которой застроена глинообитыми домами. 45. Каждый из потомков Темучина. 46. Водяная птица, способная летать с птенцами на спине.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Спортивный матч с целью взять верх над вчерашним победителем. 2. Гарнизон в русских городах в XVI—XVII веках. 4. От живой природы — к механизмам (наука). 5. Коралловые острова и рифы в Тихом океане. 6. Боевой корабль в Древней Греции, главным оружием которого было таран. 7. «Буколики» Вергилия (жанр). 9. Лесной канат. 10. Одежда вождя кафров (И. Гончаров. «Фрегат „Паллада“»). 13. Восстановитель. 15. Воздушный слой, в котором образуются зловещие озонные дыры. 18. Ондатра (суть). 20. Европейская страна, происхождение народа которой до сих пор неясно. 21. Рыба, обычай пища черноморского калканы.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 20

По горизонтали:

1. Волкодав. 6. ...чаша... 8. Щека. 9. Чюрленин. 12. Йота. 13. Ердан. 14. Пуск. 16. Экод. 19. Атаман. 22. Циррат. 23. Жара. 25. Узел. 27. Руссо. 30. Фланкер. 32. Пихта. 33. Инар. 36. Горе... 38. Гуанин. 40. ...Трезор. 43. Роанн. (другое написание — Роан). 45. Утор. 46. Гопак. 49. ...убор. 50. Наварино. 51. Неук. 52. Юнга. 53. Хабанера.

По вертикали:

1. Вече. 2. Лорд. 3. Олёнка. 4. Авиоз. 5. Бенуар. 6. Чайка. 7. Шутка. 10. Юркин. 11. Лазарт. 15. ...Стэрр... («Биглз»). 17. Стул. 18. Дженнер. 20. Мост. 21. Неон. 24. Алка. 26. Заря. 28. Япет. 29. Ыхне. 30. Фагот. 31. Ерга. 34. Манор. 35. Титан. 37. Ороско. 39. Унгава. 41. Рубин. 42. Зури. 44. Опара. 47. ...пике... 48. Коза.

Пролетарии
всех стран
соединяйтесь!

СМЕНА/80

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года.
Выходит два раза в месяц.

№ 21 (1475) НОЯБРЬ

Главный редактор
Михаил КИЗИЛОВ

Редколлегия:

Сергей БАБКИН

(заместитель главного редактора)

Борис ДАНЮШЕВСКИЙ

(заместитель главного редактора)

Александр КУЛЕШОВ

Андрей КУЧЕРОВ

Альберт ЛИХАНОВ

Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ

Сергей ПОПОВ

(ответственный секретарь)

Юрий РАГОЗИН

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Евгений РЯБЧИКОВ

Вадим САЮШЕВ

Виталий СЕВАСТЬЯНОВ

Владислав СЕРИКОВ

Виталий ФЕДОРОВ

(главный художник)

Художник
Александр КЛИЩЕНКО
Технический редактор
Елена ОВЧИННИКОВА

101457, ГСП, Москва
Бумажный проезд, 14

212-15-07 — для справок. Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки
212-21-38 — коммунистического воспитания.
212-23-79 — фотоочерки,
212-21-38 — военно-спортивный.
251-32-84 — международной жизни.
251-04-10 — литературы и искусства.
212-11-27 — писем и массовой работы.

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.

Рукописи объемом

более одного авторского листа
(24 машинописные страницы)

редакцией не рассматриваются.

Издательство ЦК КПСС «Правда Смены». 1986 г.

Сдано в набор 19.09.88.
Подписано к печати 30.09.88.
А 13550. Формат 70 108.
Глубокая печать Усл. печ. л. 5.60.
Уч.-изд. л. 11.55 Усл. кр.-отт. 21.7.
Тираж 2 000 000 экз.
Заказ № 3103.
Ордена Ленина.
и ордена Октябрьской Революции
типолитография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда»
125865, ГСП, Москва, А-137
улица «Правды», 24.

Готовы ли вы честно отвечать на вопросы?

— Да, готова.

Как вы относитесь к тому, что попали на обложку нашего журнала?

Синичка надо увидеть.
Чтобы вы хотели увидеть рядом с собой на обложке?

— Никогда не пела дуэтом.

Завидуете ли вы успеху другого человека?

— Нет времени.

Часто ли у вас возникают спорные, конфликтные ситуации с человеком, под руководством которого вы работаете?

— Часто. Ибо работают под собственным руководством.

Нужно ли говорить правду «в лицо»?

— А вы ее говорите?

— Сматря в чье «лицо».

Можете ли вы назвать нечто такое, что, по вашему мнению, характеризует конец ХХ столетия?

— СПИД.

Часто ли вы отрекаетесь за кулисами от того, что произносите со сцены?

— Я не отрекаюсь на сцене от своей жизни за кулисами.

Чье мнение о вашей работе наиболее значимо для вас: руководителя,

НА ВОПРОСЫ
АНКЕТЫ
ОТВЕЧАЕТ

ДЛЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

коллеги, друга, родственника?

— Миение публики — со стороны виднее.

Любят ли вас собаки?

— Каждой женщине хочется, чтобы ее любили.

Какое противоречие времени вы считаете главным?

— Между словом и делом.

Что вас раздражает в людях больше всего?

— Самовлюбленность.

Что вы больше всего цените в самой себе?

— Верность себе.

Какие качества определяют, по вашему, «мужское начало» в мужчине?

— Способность любить женщину.

Самая достойная мужская профессия?

— Которую он любит.

Какую роль из популярных кинофильмов, спектаклей вы не хотели бы сыграть?

— Волка из мультфильма «Ну, погоди!».

Кого бы вы не пригласили к себе в партнеры (творческие)?

— Женщину.

Сколько, по вашему, должен получать мужчина ежемесячно, чтобы нас обеспечить? Минимум? Максимум?

— Минимум — купить платье у Зайцева, максимум — у Кардена.

А сколько получаете вы?

— Согласно ставке, установленной Министерством культуры СССР 20 лет тому назад.

Ваш любимый мужчина-режиссер?

— Не было.

Мужчина-актер?

— Чарли Чаплин.

Мужчина-композитор?

— С. Краевский.

Мужчина-пианист?

— В. Высоцкий.

Просто мужчина?

— Я ищу его мужественности.

Назовите лучшие качества вашего характера, которые бы вы охотно передали любимому человеку?

— Любимому человеку всегда себя отдают.

Что, на ваш взгляд, больше стимулирует творческий процесс: любовь к разделяемой или любовь к счастливому?

— Любовь счастливая после не разделяемой.

Согласны ли вы с небесспорной мыслью о том, что в мире все делается во имя женщин?

— Во имя мужчин тоже.

Почему?

— Потому что я женщина.

На улице вы встречаете самого обычного советского человека, и он предлагает: деньги, популярность, должность, поездку в Париж... Что из перечисленного вы предпочитаете остальному?

— Самого обычного советского человека. Предложу ему быть моим импресарио.

Окажись вы на месте Евы и откусив кусочек того самого яблока, какую первую фразу вы произнесете стоящему напротив вас мужчине?

— Я ожидала большего.

И последний вопрос: о чем мы вас не спросили?

— О главном. О творческих проблемах.